

4р
е 28

559445

**ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
К VIII НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ЗОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ КАФЕДР
РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
К VIII НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ЗОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ КАФЕДР
РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ

ЛЕНИНГРАД
1966

*Конференция состоится с 25 по 29 января 1966 года
в ЛГПИ им. А. И. Герцена
(наб. р. Мойки, 48, 1 корпус, 2 этаж)*

Ответственный редактор проф. А. Г. РУДНЕВ

25 января, 15 часов, ауд. 237

Пленарное заседание

1. Открытие конференции. Вступительное слово председателя бюро объединения проф. А. Г. Руднева.
2. Доклад Л. И. Житеновой (Мурманск). Формирование материалистического мировоззрения при изучении лингвистических дисциплин в педвузе.
3. Доклад А. Г. Руднева (Ленинград). Категория вида.
4. Доклад Н. А. Мещерского (Ленинград). К периодизации истории русского литературного языка.

26 января, 10 часов

Секционные заседания

I. Современный литературный русский язык (грамматика)

1. Доклад А. В. Бондарко (Ленинград). О соотношении грамматических и понятийных категорий (глагольный вид и «аспектуальность»).
2. Доклад А. Н. Зеленова (Новгород). Аномалии в образовании страдательных форм русского глагола.
3. Доклад Л. Л. Буланина (Ленинград). Причастная форма страдательного залога в русском языке.
4. Обсуждение докладов.

II. Лексикология

1. Доклад Э. И. Коротяевой (Ленинград). Народно-поэтическая лексика в современных толковых словарях.
2. Доклад Л. П. Ступина (Ленинград). Имеют ли имена собственные лексическое значение?

3. Доклад Л. А. Киселевой (Ленинград). Об экспрессивно-синонимическом лексическом значении.
4. Доклад В. П. Жукова (Новгород). Основные типы лексических значений фразеологизмов.
5. Обсуждение докладов.

III. История русского языка (лексика, грамматика)

1. Доклад Е. Г. Ковалевской (Ленинград). Литературный язык Московского государства.
2. Доклад А. Г. Черкасовой (Новгород). О некоторых особенностях унификации дательного, творительного и предложного падежей множественного числа существительных в языке середины второй половины XVII века.
3. Доклад Л. В. Капорулиной (Ленинград). Сравнительный анализ системы глагольных форм в двух редакциях «Повести о Савве Грудцыне».
4. Обсуждение докладов.

IV. Методика русского языка

1. Доклад Е. А. Бариновой (Ленинград). Основные проблемы методики.
2. Доклад В. Ф. Гутенева (Ленинград). Принципы отбора фразеологических единиц для школьного словаря-минимума.
3. Доклад Е. И. Лавриной (Ленинград). Стилистические нарушения в речи учащихся и причины их появления.
4. Доклад К. П. Щепиной (Ленинград). Основы работы по грамматической стилистике при изучении синтаксиса.
5. Обсуждение докладов.

26 января, 16 часов

Секционные заседания

I. Современный литературный русский язык (грамматика)

1. Доклад О. К. Кочиневой (Мурманск). Степени качества безлично-предикативных слов в современном русском литературном языке.
2. Доклад В. И. Чернова (Смоленск). О классификации безлично-инфинитивных предложений.
3. Доклад Е. И. Воиновой (Ленинград). Предикативные слова на о двойственного значения.
4. Доклад А. Н. Суворцева (Ленинград). О грамматических членах сложного предложения различных грамматических порядков.
5. Обсуждение докладов.

II. Лексикология

1. Доклад М. И. Сидоренко (Череповец). Синонимия и валентность.
2. Доклад Р. В. Туркиной (Великие Луки). О зависимости значения глаголов от их синтаксических признаков.
3. Доклад Г. И. Мишурова (Великие Луки). К вопросу о развитии конструктивно обусловленных значений имен существительных (модель «существительное+существительное в родительном падеже»).
4. Доклад С. Х. Иоффе (Ленинград). О понятии «словоформы».
5. Обсуждение докладов.

III. История русского языка (грамматика и лексика)

1. Доклад О. П. Лихачевой (Ленинград). Из наблюдений над лексикой древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат».
2. Доклад Р. А. Гурмузовой (Ленинград). К истории развития лексико-синтаксических средств связи (конструкция «что касается ..., то» в языке И. А. Крылова).
3. Доклад Г. Н. Молотковой (Ленинград). Типы периодов в ораторской прозе XVIII века.
4. Обсуждение докладов.

IV. Методика русского языка

1. Доклад В. И. Лебедева (Ленинград). Работа над словосочетаниями при изучении частей речи.
2. Доклад Ф. П. Кашко (Мурманск). Система заданий для самостоятельной работы учащихся при изучении сложноподчиненного предложения в вечерней школе.
3. Доклад Т. Г. Попова (Ленинград). Связное изучение морфологии и синтаксиса как одно из средств активизации работы учащихся.
4. Доклад В. И. Лукьянчиковой (Новосибирск). Прием сравнения при изучении фонетики.
5. Обсуждение докладов.

27 января, 10 часов

Секционные заседания

I. Современный литературный русский язык (грамматика, словообразование, орфография)

1. Доклад Т. А. Ивановой (Ленинград). Именительный множественного на -а (трактора) в современном русском языке.

2. Доклад Л. Я. Маловицкого (Череповец). О местоимениях кто, что в значении неопределенности.
3. Доклад А. И. Монсеева (Ленинград). Единство формы и содержания в словообразовании.
4. Доклад В. Ф. Ивановой (Ленинград). О теоретических основаниях и поисках рациональных решений в написаниях типа **безынтересный**.
5. Обсуждение докладов.

II. Лексикология

1. Доклад Р. Н. Попова (Череповец). Фразеологические единицы современного русского языка с архаичными формами прикрасительных прилагательных.
2. Доклад А. Н. Шрамма (Калининград). Лексико-семантическая характеристика слов, выражающих чувство удивления.
3. Доклад Д. П. Вальковой (Архангельск). О нескольких итальянских заимствованиях в русском языке.
4. Доклад Ю. В. Солоницына (Киров). Работа со словарями в курсе современного русского языка.
5. Обсуждение докладов.

III. История русского языка

1. Доклад Г. Н. Акимовой (Ленинград). Типы трехчленного сказуемого в языке середины XVIII века (на материале произведений Кантемира, Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова).
2. Доклад И. Я. Сахарова (Ленинград). История сложноподчиненных конструкций в русском языке XI—XIII вв.
3. Доклад Б. Н. Павлова (Ленинград). О некоторых функционально-семантических различиях како и яко в древнерусском языке.
4. Обсуждение докладов.

IV. Методика русского языка

1. Доклад Л. П. Федоренко (Москва). Элементы программирования в обучении русскому языку.
2. Доклад В. И. Шабановой (Калининград). Стенные таблицы с подвижными элементами как средство развития мыслительной активности при обучении русскому языку.
3. Доклад О. А. Жуковской (Ленинград). Работа по словообразованию при изучении темы «Корень, суффикс, приставка».
4. Доклад К. И. Семеновской (Архангельск). Проблема воспитывающего обучения на уроках русского языка.
5. Обсуждение докладов.

27 января, 16 часов

Секционные заседания

I. Современный литературный русский язык (грамматика)

1. Доклад М. Д. Лесник (Ленинград). Зависимость предложно-падежных конструкций от лексического значения глагола.
2. Доклад И. С. Куликовой (Ленинград). Опыт семантико-стилистической характеристики сложных атрибутивных именных словосочетаний.
3. Доклад Т. В. Щуровой (Архангельск). Творительный падеж как средство выражения образа действия (на материале прозаических произведений В. П. Катаева и К. М. Симонова).
4. Обсуждение докладов.

II. Стилистика и язык художественной литературы

1. Доклад М. А. Зондель (Великие Луки). Стиль или стилеобразующие средства языка?
2. Доклад Т. П. Крестинской (Новгород). Художественное использование личных собственных имен в творчестве Ф. М. Достоевского.
3. Доклад Ф. С. Шапиро (Петрозаводск). Переносное значение имен прилагательных, обозначающих цвет, в языке произведений В. Маяковского.
4. Обсуждение докладов.

III. Диалектология

1. Доклад Г. М. Калмыковой (Горно-Алтайск). Диалектные семантические явления в некоторых русских говорах горного Алтая.
2. Доклад В. П. Строговой (Новгород). О словах казак и подсосудник в древнерусском языке и новгородских говорах.
3. Обсуждение докладов.

IV. Методика русского языка

1. Доклад Н. И. Гамбург (Ленинград). Занимательность как средство повышения эффективности усвоения русского языка.
2. Доклад Н. М. Лукашевич (Вологда). Осуществление принципа наглядности в работе школьного кружка русского языка.
3. Обсуждение докладов.

28 января, 10 часов

Секционные заседания

I. Современный литературный русский язык (грамматика)

1. Доклад М. А. Соколовой (Ленинград). Определения, выраженные причастиями или причастными оборотами, в языке произведений А. С. Пушкина (на материале всех поэм и следующих произведений: «Арап Петра Великого», «История Пугачева», «Пиковая дама», «Повести Белкина»).
2. Доклад С. Г. Ильенко (Ленинград). Соотносительные и соотносящиеся слова в сложно-подчиненном предложении современного русского языка.
3. Доклад В. И. Кодухова (Ленинград). Предложения следствия.
4. Доклад В. А. Шитова (Вологда). Видо-временная соотносительность глаголов-сказуемых в составе однородно соподчиненных придаточных частей.
5. Обсуждение докладов.

II. Язык художественной литературы

1. Доклад М. К. Максимова (Ленинград). Терминологическая лексика в мемуарах А. И. Герцена «Былое и думы».
2. Доклад Р. З. Комаевой (Ленинград). Фразеология публицистики К. Хетагурова.
3. Доклад Э. М. Шусторович (Ленинград). Лексика античной мифологии в древнеславянском переводе Хроники Иоанна Малалы.
4. Обсуждение докладов.

III. Диалектология

1. Доклад Ю. И. Чайкиной (Череповец). Эмоционально-оценочная лексика со значением лица в Череповецких говорах.
2. Доклад А. А. Данилова (Вологда). Об ударении наречий в русских народных говорах.
3. Доклад Т. Г. Паникаровской (Вологда). Об отражении некоторых особенностей древнерусского языка в современных вологодских говорах (на материале говоров Тотемского района Вологодской области).
4. Обсуждение докладов.

IV. Методика русского языка

1. Обсуждение рукописи учебника «Методика русского языка» для пединститутов.
(Выступления преподавателей Горно-Алтайского, Новосибирского, Гродненского, Псковского, Новгородского и др. пединститутов).

28 января, 16 часов

Секционные заседания

I. Современный литературный русский язык
(грамматика)

1. Доклад Н. Н. Холодова (Смоленск). Использование глагольных форм для организации синтаксической структуры.
2. Доклад А. Н. Фридендера (Череповец). Смыслоразличительная роль интонации и пунктуации при однородных членах предложения без союзов в современном русском языке.
3. Доклад Л. А. Мыльцевой (Ленинград). Вводные самостоятельные предложения в современном русском языке (на материале произведений М. А. Шолохова, К. Г. Паустовского, А. Н. Толстого, К. А. Федина).
4. Доклад К. П. Кукушкиной (Ленинград). К вопросу о структурных типах частей обстоятельственных сложноподчиненных предложений.
5. Обсуждение докладов.

II. Диалектология

1. Доклад Г. И. Демидовой (Ленинград). К вопросу о влиянии белорусского языка на именное склонение брянских говоров.
2. Доклад А. Л. Мирецкого (Ленинград). Об употреблении форм на -Ы (-И) и -(-Е) как синкретичных форм женского склонения в живой новгородской речи XVII века.
3. Доклад И. С. Меркурьева (Мурманск). Формы прилагательных в говоре старинных русских поселений на Кольском полуострове.
4. Обсуждение докладов.

29 января, 10 часов, ауд. 237

Пленарное заседание

1. Доклад Г. М. Кузнецовой (Ленинград). Опыт применения магнитофона на практических занятиях по современному русскому языку.
2. Доклад А. М. Родионовой (Ленинград). Магнитофильмы и их использование в курсе «Русская диалектология».
3. Доклад В. И. Троицкого (Киров). Об особенностях методики спецсеминара, посвященного языку художественного произведения.
4. Обсуждение докладов.
5. Принятие резолюции.
6. Заключительное слово председателя бюро объединения профессора А. Г. Руднева.

Л. И. ЖИТЕНЁВА

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ПЕДВУЗЕ

1. Наряду с выработкой прочных и глубоких знаний по предмету и осуществлением профессиональной направленности лингвистические курсы должны содействовать формированию материалистического мировоззрения студентов.

2. Главная роль в формировании мировоззрения принадлежит курсам «Введение в языкознание» и «Общее языкознание», отражающим в решении многих проблем борьбу двух противоположных философских систем — материализма и идеализма, которая наблюдается во все периоды развития языкознания, не теряя своей остроты и в наши дни.

3. Необходимо убедительно доказать студентам, что принадлежность ученого к тому или иному философскому течению, направлению неизбежно сказывается на его лингвистических построениях, на решении им тех или иных вопросов языка.

4. Большие возможности для воспитания материалистического мировоззрения, для показа несостоятельности идеалистических теорий и представлений дают темы «Общественная сущность языка», «Происхождение языка», «Соотношение языка и мышления», «Вопрос о толковании морфологических типов языка» и некоторые другие общетеоретические вопросы, многие из которых имели материалистическое или идеалистическое толкование еще в античной философии и филологии.

5. Наряду с общетеоретическими темами нужно подчеркивать и разъяснять материалистическое начало и при изучении отдельных сторон языковой структуры, в решении собственно языковых проблем (некоторых вопросов фонетики, лексики, грамматики).

6. Нельзя считать правильным, что действующие сборники практических задач по «Введению в языкознание» оставляют совсем в стороне или уделяют слишком мало внимания философским вопросам языкознания, развивающим мировоззренческий кругозор студентов.

7. Идеи материальности языка, материалистические теории его происхождения, его функций и решения частных языковедческих вопросов, полученные в курсе «Введение в языкознание», должны звучать и иметь конкретное подтверждение в курсах «Современный русский язык» и «Историческая грамматика».

8. В курсе «Современный русский язык» на конкретном материале русского языка необходимо теоретически и практически закреплять материалистические положения советского языкознания, противопоставляя им идеалистическую трактовку данных вопросов (единство формы и содержания в языке вообще, в слове и предложении в частности, соотношение грамматических и логических категорий как одно из проявлений соотношения языка и мышления, вопрос о грамматической категории и др.).

9. В воспитании отдельных элементов материалистического понимания языковых фактов неоценимую помощь должен оказать курс исторической грамматики, который пронизан идеей историзма, утверждает принцип развития языка, его эволюцию, показывает непосредственную и опосредованную связь языка и общества, одновременно иллюстрируя автономность, объективный характер языковых законов.

10. В курсе «Общее языкознание» особенно тщательного рассмотрения требует вопрос о знаковой теории языка, так как положения о языке как непосредственной действительности мысли и языке, являющемся только системой знаков, с материалистических позиций непримиримы.

11. При рассмотрении сложных языковых проблем необходимо избегать всяких натяжек, ссылок только на цитаты и авторитеты, голословного утверждения или отрицания, добиваясь, чтобы знания стали не суммой заученных цитат, а системой глубоких убеждений.

12. Интереснейшими фактами, подтверждающими, иллюстрирующими многие общетеоретические философские положения, полученные в курсах языкознания, располагает курс «История русского литературного языка» (взаимоотношения субъективного и объективного факторов в языке, связь языка и общества и др.).

13. Таким образом, необходимо четко продумать и соблюдать определенную преемственность всех основных лингвистических курсов, строго отбирать в каждом из них определенный

круг теоретических и практических вопросов, которые непосредственно должны способствовать выработке материалистического понимания языка.

14. Диалектико-материалистическое понимание языка, его сущности, происхождения, законов его развития должно стать частью материалистического мировоззрения, явиться для лингвистов фундаментом общей системы материалистических взглядов на мир.

А. Г. РУДНЕВ

КАТЕГОРИЯ ВИДА

1. Категория вида представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в плане обучения и овладения русским литературным языком, особенно представителями других народов Советского Союза и зарубежных стран. Нередко именно неправильное употребление видовых оттенков глагола составляет дефект речи нерусских учащихся. В связи с этим проблема категорий вида имеет как теоретическое, так и сугубо практическое значение.

2. В течение трехсот пятидесяти лет проблема вида не сходит со страниц специальной литературы. Несмотря на это, вид, по словам акад. В. В. Виноградова, представляет собой «один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики». По его мнению, до сих пор не вполне ясно, в чем заключается «главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части» (см. В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 477).

3. В последнее десятилетие было немало попыток в советской и зарубежной лингвистической литературе найти «главное различие» между совершенным и несовершенным видами. Причем грамматическое значение категории вида толкуется по-разному. В. В. Виноградов исходит в своем определении категории вида из понятий «предела действия», «достижения цели», из признаков «ограничения или устранения представления о длительности действия» (там же, стр. 497). Из признака «предела действия» исходят авторы академической Грамматики русского языка (т. 1, стр. 426); авторы учебника МГУ «Современный русский язык» (ч. II, 1964, стр. 143); Ю. С. Маслов и др. Однако в русском языке «предельные глаголы» могут выступать в обоих видах, например: **просить** — **выпросить** — **выпрашивать**.

4. Вслед за акад. А. А. Шахматовым мы склонны рассматривать результативность — нерезультативность как главное

различие между совершенным и несовершенным видами по грамматическому значению. Совершенный вид характеризуется наличием результативного значения, несовершенный вид — отсутствием данного признака. Нет оснований вместо термина А. А. Шахматова «результативность — нерезультативность» обогащать русский язык новыми словами-терминами «совершенство — несовершенство» (термин А. В. Исаченко) или «достигнутость — недостигнутость» (термин И. Г. Долиной).

5. Под видом глагола понимается такая грамматическая категория, которая, формально выражаясь изменениями в основе, указывает, как протекает процесс действия-состояния с точки зрения: а) результативности или нерезультативности действия-состояния: **решил задачу и решал задачу**; б) длительности или мгновенности проявления действия-состояния: **чихать и чихнуть**; в) непрерывности или повторяемости (кратности) действия-состояния: **летел и летал**. Категория вида охватывает как качественные, так и количественные показатели процесса действия-состояния. Решающими критериями являются все же качественные показатели: результативность — нерезультативность действия-состояния, составляющие главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части: совершенный и несовершенный виды.

6. Совершенный вид обозначает действие глагола, которое характеризуется наличием результата, ограниченного известным промежутком времени (в самом начале — **запел**; по истечении известного срока — **пропел** или в конце осуществления действия — **соорудил**).

Несовершенный вид обозначает действие глагола, которое характеризуется или постоянным, или длительным, или кратным (повторным) проявлением действия без указания на его результативность в настоящем, прошедшем или будущем времени (**Человек дышит легкими** — постоянное действие. **Дети играют в саду** — длительное действие. **Григорий лениво покрикивал на быков**... — повторное действие).

7. Совершенный вид, в свою очередь, имеет четыре подвида, или видовых оттенка: а) начинательный, б) финитивный, или окончательный, в) мгновенный (однократный) и г) ограничительный, или детерминативный.

Несовершенный вид имеет три подвида, или видовых оттенка: а) незаконченный (собственно-длительный); б) кратный и в) многократный.

8. Категория вида, как и всякая другая грамматическая категория, существует только при наличии форм, ее выражающих. Основными способами грамматического выражения видов глагола являются: а) суффиксальный, б) префиксальный, в) внутренняя флексия, г) супплетивный и д) ударение.

9. Префиксы в одних случаях меняют только видовые значения, то есть служат грамматическим средством корреляции видовых пар, например: **сеять — посеять; рисовать — нарисовать; жалить — ужалить**. В других случаях они не только меняют значение несовершенного вида на совершенный, но и придают слову новый смысловой оттенок, например: **делал, сделал, но переделал (сделал заново); писал, написал, но списал (то есть скопировал, не проявив оригинальности); нести, но вознести; ставить, но представить** и т. д. Такого рода образования глаголов составляют лексико-грамматическую пару (термин И. Г. Долининой).

10. Всякий глагол подводится под категорию вида. Но не всякий глагол имеет формы обоих видов. Существует группа глаголов, которые имеют значение: а) либо только несовершенного вида, например: **восторгаться, опасаться, обитать** и др.; б) либо только совершенного вида, например: **грязнуть, кануть, хлынуть** и др. Кроме того, есть группа глаголов, которые употребляются в значении совершенного и в значении несовершенного вида (в зависимости от контекста), например: **велеть, ранить, родить; арендовать, аттестовать, атаковать** и др. Их принято называть двувидовыми глаголами. Двувидовые глаголы, по данным Словаря русского языка АН (1957—1961 гг.), составляют группу в 800 глаголов.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Вопрос о периодизации истории русского литературного языка не служил еще темой монографических исследований. Лишь немногие отдельные замечания по данному поводу мы находим в трудах В. В. Виноградова, Н. И. Толстого и А. В. Исаченко. Частично проблемы, связанные с периодизацией, рассматривались в ответах на вопросы анкеты «Об образовании восточнославянских национальных литературных языков», печатавшихся на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1959—1961 гг.

2. В учебных программах курса «История русского литературного языка» для филологических факультетов университетов и педагогических институтов (1953 и 1960 гг.) без специального обоснования принята периодизация, разработанная на основе главных этапов в развитии общенародного русского языка. Согласно этой периодизации, весь исторический путь, пройденный русским литературным языком, распадается на следующие временные отрезки: 1) литературно-письменный

язык восточнославянской (древнерусской) народности (X — начало XIV вв.); 2) литературно-письменный язык русской (великорусской) народности (Московское государство; XIV — середина XVII вв.); 3) литературный язык эпохи формирования русской нации (середина XVII — конец XVIII вв.); 4) литературный язык русской нации XIX—XX вв. В свою очередь, названный последний период предлагается делить на три подпериода: А. Первая половина XIX в.; Б. Вторая половина XIX—начало XX вв.; В. Советская эпоха.

Приведенная периодизация страдает рядом недостатков: недоучет специфики развития именно литературно-письменных языков, не совпадающих с развитием разговорной речи, недоучет связи истории языка с историей народа, его культуры и литературы, механический отрыв одного исторического этапа от предшествующего и последующего.

3. История литературно-письменного языка значительно теснее связана с историей народа, чем история языка разговорного. Поэтому периодизация литературно-письменного языка не может быть построена в отрыве от истории культуры и литературы народа. При ее разработке должны приниматься во внимание как «внутриязыковые», так и «внеязыковые» признаки и критерии.

4. Учитывая специфику развития литературных языков в донациональный и национальный периоды, целесообразно выделять в истории русского литературного языка лишь два главных периода: 1) древний (донациональный) — до середины XVII в.; 2) новый (национальный) — с середины XVII в. до нашего времени.

5. Внутри обозначенных основных периодов возможно выделить более узкие подпериоды, отграничиваемые друг от друга на основании комплекса признаков. В древнем, донациональном периоде выделяются следующие подпериоды: А. Киевский (X — конец XII вв.); Б. Подпериод феодальной раздробленности (конец XII — конец XIV вв.); В. Московский (конец XIV — середина XVII вв.). Принципиально важным нам кажется выделение в специальный подпериод эпохи феодальной раздробленности, когда совершаются крупнейшие сдвиги в развитии и общенародного разговорного и литературно-письменного русского языка.

6. В новом (национальном) периоде истории русского литературного языка может быть выделено также три основных подпериода. Первый из них, переходный, охватывает время с конца XVII в. по первые десятилетия XIX в. Верхняя граница названного подпериода становления современного русского литературного языка как национального языка русской нации

определяется деятельностью А. С. Пушкина как основоположника современного русского литературного языка. Второй подпериод может быть ограничен известными словами В. И. Ленина: «от Пушкина до Горького», то есть примерно с 30-х годов XIX в. до начала XX в. В недавно появившемся исследовании Ю. С. Сорокина убедительно обосновывается в качестве нижней границы данного подпериода тридцатые, а верхней—девяностые годы XIX в. Третий подпериод естественно выделяется как советская эпоха в развитии русского литературного языка — с октября 1917 г. (или, точнее, с начала пролетарского этапа в русском революционном движении) до наших дней. Вопрос о возможной более детальной периодизации советской эпохи в развитии русского литературного языка может составить тему другого, специального исследования.

А. В. БОНДАРКО

О СООТНОШЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ

(глагольный вид и „аспектуальность“)

1. Проблема связи и взаимодействия грамматических и понятийных категорий, которой в свое время занимался академик И. И. Мещанинов, сохраняет свою актуальность и нуждается в дальнейшей разработке.

2. Понятийная (семантическая) категория охватывает как план содержания, так и план выражения. Ее содержание — семантическая область, куда входит значение той грамматической категории, которая является ядром понятийной категории (если такое ядро есть в данном языке), и близкая, сходная семантика, выраженная другими языковыми средствами. Относящиеся к этой области семантические элементы выявляются в речи в сложном переплетении и взаимодействии более и менее абстрактных, отличающихся друг от друга и все же имеющих нечто общее значений и оттенков. Выражение понятийной категории — это различные по своей природе и уровню средства языка: морфологические, синтаксические, лексические в самом широком смысле (включая словообразовательные средства, лексические единицы, не обладающие определенным морфемным выразителем данного значения, специальные лексические показатели — слова, лексическое значение которых относится к данной семантической сфере, различные сочетания — свободные и устойчивые — лексических способов выражения семантики понятийной категории).

3. Понятийная категория всецело принадлежит языку. Это языковая, а не логическая категория. Отражая известное понятие, она базируется на языковых средствах и языковой семантике. При анализе понятийных категорий следует исходить именно из этих языковых средств, а не из заранее заданного понятия, «ищущего себе опоры» в языке.

4. Понятийные категории связаны с морфологическими категориями различных частей речи. Так, можно говорить о понятийных категориях числа, одушевленности — неодушевленности, определенности — неопределенности (в связи с артиклем и другими средствами выражения этого значения), о степенях сравнения (выраженных не только специальными формами прилагательных и наречий, но и другими способами) и т. д.

5. В русской грамматической традиции разработан вопрос о соотношении наклонения и модальности. Настоящему сообщению предшествовала попытка автора определить соотношение категории времени русского глагола и понятийной категории «темпоральности» (Ж. «Вопросы языкознания», 1965, № 6). В данном сообщении ставится вопрос о соотношении глагольного вида (на материале русского языка) и понятийной категории, которую можно назвать «аспектуальностью»; вместе с тем в самой общей форме здесь затрагиваются залог и «залоговость», лицо и «персональность». Предлагаемые термины построены по образцу «модальность». Они образуют систему, в которой грамматическая категория называется русским термином, а соответствующая понятийная категория — термином, имеющим интернациональную основу (исключение составляет «залоговость»).

6. Последние десятилетия усилия многих ученых были направлены на то, чтобы разграничить славянский глагольный вид и способ действия. Отделение грамматической категории вида (совершенного и несовершенного) от семантических рядов глаголов, определяемых по признаку сходства в типах протекания глагольного действия, способствует более глубокому познанию глагольного вида. Теоретически стало ясно, что вид и способ действия — разные, хотя и связанные друг с другом категории. Эта идея наконец пробила себе дорогу в вузовский курс современного русского языка (Современный русский язык, II, МГУ, 1964).

7. Расходясь в плане выражения, вид и способ действия сближаются в плане содержания (то и другое хорошо показано в работах Ю. С. Маслова). Вид и способ действия — различные средства выражения понятийной категории аспектуальности. Это та общая основа, на которой строится противопоставление *Aspekt* — *Aktionsart*. По отношению к русскому и

другим славянским языкам аспектуальность представляет собой понятийную категорию, охватывающую глагольный вид (морфологическое ядро аспектуальности) и с другой стороны, способы действия и неглагольные лексические показатели характера протекания действия (*иногда, каждый вечер, долго, непрерывно, мгновенно, постепенно* и т. п.). Когда характер протекания действия находит выражение в грамматической оппозиции, в системе грамматических форм, понятийная категория становится категорией грамматической. Она охватывается понятием аспектуальности, но вместе с тем противопоставляется всем другим средствам ее выражения, не носящим грамматического характера.

8. Понятие аспектуальности (наиболее общее понятие аспектологии) может быть с пользой применено не только при синхронном описательном анализе, не только в историческом и сравнительно-историческом исследовании, но и в исследовании типологическом. Это понятие может стать базой для сравнения различных средств выражения характера протекания действия в языках разных систем. Выяснение типов соотношения и взаимодействия лексических и грамматических средств выражения аспектуальности в разных языках представляется более строгим основанием для межъязыковых сопоставлений в области аспектологии, чем аналогии со славянским глагольным видом или априорная констатация грамматической категории вида

9. Аспектуальность окружена другими понятийными категориями, стоящими за грамматическими категориями глагола. Известны высказывания многих ученых о взаимосвязях категорий вида и времени, вида и залога, времени и склонения, времени и лица. Однако взаимодействие этих грамматических категорий — лишь одно из проявлений более широкого взаимодействия категорий аспектуальности, темпоральности, залоговости, модальности и персональности. Взаимодействие грамматических центров этих категорий осуществляется на фоне взаимодействия других средств их выражения.

А. Н. ЗЕЛЕНОВ

АНОМАЛИИ В ОБРАЗОВАНИИ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ФОРМ РУССКОГО ГЛАГОЛА

1. Общеизвестно, что страдательные формы в современном русском литературном языке образуются лишь от переходных (прямопереходных) глаголов, то есть управляющих винительным падежом без предлога. Именно этот винительный падеж со значением прямого дополнения и переходит в подлежащее

страдательной конструкции. Страдательность при этом оформляется двояко: а) посредством аффикса-ся, присоединяемого к переходным глаголам; б) посредством суффиксов страдательных причастий.

2. Изредка в современном русском литературном языке встречаются страдательные формы, образованные от непереходных глаголов. Они могут быть как предикативными, например: «Государство управляется правительством» (при управлять кем-чем), «И вот вполне я отомщен». [Лермонтов] (при отомстить кому), — так и атрибутивными, например: «Кроме . . . стихотворений . . . столь неудачно поминутно подражаемых, Баратынский написал две повести. . .» [Пушкин, Баратынский] (при подражать кому-чему).

3. Отклонения от общей закономерности при образовании страдательных форм, или аномалии, иногда опираются на более древнее управление глагола: соответствующие производящие глаголы были некогда переходными (например, говорили: управлять кого—что, отомстить кого).

4. Страдательные формы от непереходных глаголов чаще встречаются в безличных конструкциях: «За военными событиями следилось жадно. . . [Л. Толстой] (при следить за кем—чем); «Но так как о деньгах не заговаривалось, то я, естественно, рассердился на мою глупость. . .» [Достоевский]; «С богословами же было поступательно совершенно другим образом. . .» [Гоголь].

В этом отношении русский язык сближается с немецким, где безличный пассив от непереходных глаголов является довольно распространенным.

5. Большое распространение указанных аномалий в безличных конструкциях объясняется тем, что при безличном оформлении страдательности отпадает необходимость в грамматической соотносительности по линии винительный—именительный, поскольку подлежащее в безличном предложении отсутствует.

Л. Л. БУЛАНИН

ПРИЧАСТНАЯ ФОРМА СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Основной формой страдательного залога в современном русском языке служат предикативные конструкции с краткими страдательными причастиями. Тем не менее, по сравнению с возвратными формами, им уделяется недостаточное внимание.

2. За последнее время наиболее ценным вкладом в изучение причастной формы страдательного залога явился соответству-

ющий раздел в «Морфологии» (ч. 2) А. В. Исаченко. Выделение двух типов пассива, «статального» и «процессуального», отражает наметившуюся в русской лингвистической литературе тенденцию классификации причастных конструкций. Однако стремление рассматривать все глагольные формы, в том числе и залоговые, как проявление привативных грамматических оппозиций, приводит А. В. Исаченко к ненужному схематизму и не вполне обоснованным выводам.

3. Если понимать залог как глагольную категорию, выражающую отношение подлежащего к субъекту и объекту действия, признавать необходимость точного установления семантической, морфологической и синтаксической соотносительности активных и пассивных оборотов, а также исходить из возможности выработки семантико-стилистических и синтаксических правил употребления форм действительного и страдательного залогов, — тогда нельзя не считать актуальной задачей рассмотрение различных залоговых конструкций, в том числе и причастных, в аспекте синтаксической синонимии.

4. По аналогии с возвратно-страдательными конструкциями страдательные причастные обороты могут быть разделены на трехчленные (типа *Задача решена учеником*) и двучленные (типа *Задача решена*).

Трехчленные обороты распадаются на четыре группы в зависимости от одушевленности или неодушевленности имени существительного, которым выражается подлежащее и агентивное дополнение: 1) «Когда экипаж въехал на двор, *господин* (одуш.) *был встречен* трактирным *слугою* (одуш.) . . .» (Гоголь); 2) «Но скоро *были мы* (одуш.) *судьбою* (неодуш.) на долгий срок *разведены*» (Пушкин); 3) «Второй *куплет* (неодуш.) *был спет* *Паншиным* (одуш.) с особенным выражением и силой» (Тургенев); 4) «И *ревом* (неодуш.) скрипок *заглушен* *Ревнивый шепот* (неодуш.) модных жен» (Пушкин).

Двучленные обороты, естественно, распадаются на две группы: 1) «*Тильзитский мир* (неодуш.) *был* только что *заключен*, и все спешили наслаждаться» (Тургенев); 2) «*Ты* (одуш.) к ним на той недел *зван*» (Пушкин). Все указанные типы конструкций имеют свою специфику.

5. С семантической стороны страдательные причастные обороты в основном делятся на две группы. Обороты первой группы имеют значение пассивного действия. Они так или иначе соотносятся с действительными оборотами: а) страдательный оборот является точной перелицовкой действительного: «Второй *куплет был спет* *Паншиным* с особенным выражением и силой» — *Паншин спел* *второй куплет* с особенным выражением и силой; б) страдательный оборот соответствует неопределенно-личной конструкции: «В саду усадьбы Лещинских *был*

поставлен пулемет, смотревший на дорогу» (Н. Островский) — В саду усадьбы Лещинских *поставили пулемет*; в) страдательный оборот содержит косвенное указание на производителя действия: «Далеко шагает, пора унять молодца!» — *эти слова старика Суворова были сказаны* именно в разгар итальянской кампании Бонапарта» (Тарле) — Старик *Суворов сказал эти слова*.

Обороты второго типа имеют значение состояния, не являющегося следствием чьего-либо действия. Они или не соотносятся с действительными оборотами («Жизни некий *преизбыток* В знойном воздухе *разлит*» — Тютчев), или же причастное сказуемое может быть заменено возвратным глаголом действительного залога: «Закону тождества *подчинены все наши рассуждения*» (Кондаков, Логика) — Закону тождества *подчиняются все наши рассуждения*.

Между двумя основными семантическими типами страдательных оборотов есть много переходных случаев.

6. В конструкциях со значением качественного состояния некоторые причастия отрываются в семантическом отношении от соответствующих переходных глаголов (*занят, набит, наполнен, ограничен, связан, оторван, убежден* и др.).

О. К. КОЧИНЕВА

СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. Исследование семантики, способов образования, синтаксической функции и стилистической окраски степеней качества безлично-предикативных слов (в тени *прохладнее, интересней* вместе, *важнее всего* понять причину, *трудновато* справиться, *чистенько* в хате, *белым-бело* кругом и т. п.), слов несклоняемых и неспрягаемых весьма актуально.

2. Семантика степеней сравнения безлично-предикативных слов отличается от таковой у наречий и прилагательных.

3. Ограничения в образовании степеней сравнения у безлично-предикативных слов, прилагательных и наречий не совпадают.

4. В отличие от прилагательных и наречий, сравнительная степень безлично-предикативных слов образуется одним, только синтетическим способом (здесь *веселее* и *привольнее* нам, *целесообразнее* построить электростанцию).

Превосходная степень образуется одним, аналитическим способом. (Всего *обиднее* было матери, *правильнее* всего ука-

зять на ошибки). При отсутствии дублетных образований степени сравнения здесь носят межстилевой характер.

5. Образования с суффиксами меры состояния -оват-, -еньк- и др. у безлично-предикативных слов (**скучно**вато становилось, **трудн**енько привыкать, **близехон**ько до речки и др.) отличаются от таковых у прилагательных и наречий иной семантико-синтаксической функцией.

6. Мы склоняемся отнести образования степеней качества у безлично-предикативных слов к словообразованию, а не к формообразованию.

7. Безлично-предикативные слова отличаются от омонемичных им наречий и кратких прилагательных своими словообразовательными, морфологическими особенностями.

В. И. ЧЕРНОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ БЕЗЛИЧНО-ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1. В докладе рассматриваются некоторые особенности предложений типа:

1. а) *Не с кем было (0, будет, было бы) уходить;*
б) *Некуда было (0, будет, было бы) уходить.*
2. а) *Трудно было (0, будет, было бы) уходить;*
б) *Неловко было (0, будет, было бы) уходить;*
в) *Стыдно было (0, будет, было бы) уходить.*
3. а) *Надо было (0, будет, было бы) уходить;*
б) *Нельзя было (0, будет, было бы) уходить.*
4. а) *Пора было (0, будет, было бы) уходить;*
б) *Жаль было (0, будет, было бы) уходить.*

Эта типология имеет свое обоснование и определенные достоинства. Данные конструкции различаются прежде всего наречно-предикативными словами. Здесь учитывается происхождение предикативов — слов «категории состояния» (тип 2 — это бывшие наречия, тип 3 объединяет предикативы, образованные от имен существительных, в тип 4 включены бывшие существительные). Эта классификация позволяет в какой-то мере разграничивать модальное содержание предложений (в типе 3 представлены модальные значения возможности — невозможности и необходимости — долженствования, в типе 2 объединены конструкции с эмоционально-оценочным значе-

нием). В пользу этой систематизации можно привести также и такие аргументы, как а) «безличность» всех конструкций, б) гомогенность синтаксических компонентов, в) сопоставимо одинаковый, несвободный порядок слов.

II. Против данной типологии свидетельствуют такие доводы.

Рассматриваемые типы синтаксических конструкций фактически неоднородны. В этой классификации наиболее ярко выражено структурно значимое противопоставление конструкций типа I всем остальным. Входящие в состав конструкций типа I местоимения (*некого, некому, некем, не у кого, не от кого* и т. п.) и наречия (*некуда, негде, некогда, незачем* и т. п.) вряд ли следует отождествлять или соотносить с предикативами, представленными в других типах.

III. Если в типах 2—4 глагол **быть** представлен связочным значением, то в типе I тот же глагол **быть** имеет не связочное, а самостоятельное, экзистенциальное значение. Это различие доказывается, например, тем, что в конструкциях типа I при неотрицательном характере высказывания в презентном плане выступает форма **есть**, не нулевой показатель, свойственный связочному значению глагола **быть**. Ср. Нам, браток, иногда и у молодых **есть** чему поучиться, факт! (Шолохов); Трофеи, надо сказать, порядочные, **есть** о чем докладывать. (Симонов); — Это еще неизвестно, **есть** о чем или не о чем говорить! — резко сказал Шмаков (Симонов). Ср. также: Скажи, чего тебе было затевать этот великий плач над дровяным поленом? (Леонов).

IV. Конструкции типа I отличаются две строгие закономерности: фиксированное ударение в наречиях и местоимениях и определенный порядок слов в неотрицательном трансформе презентного плана — наречие или местоимение стоит непосредственно за формой **есть**.

В конструкциях типов 2—4 таких строгих закономерностей нет. А. В. Исаченко отметил обычную постпозицию глагола **быть** по отношению к предикативам. Это положение (с некоторыми уточнениями) разделяет О. Б. Сиротинина. Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на замечание Е. И. Воиновой: «глагол **быть** при безличных словах лишь в 54% случаев занимает постпозицию». Полагая, что данный вопрос требует дополнительного и специального исследования, мы тем не менее считаем, что порядок слов в конструкциях типов 2—4 определяется не только преимущественной постпозицией форм **быть** по отношению к предикативам, но теснейшим, трудно расчленимым объединением всех компонентов синтаксической конструкции.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА НА -О ДВОЙСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. Предикативные слова на -о, сочетающиеся с инфинитивом, в современном русском языке распадаются на несколько лексико-семантических разрядов. В соответствии со своими значениями эти слова образуют (независимо от порядка слов) предложения двух типов — двусоставные и односоставные.

2. Наряду с дву- и односоставными предложениями со словом на -о и инфинитивом в русском языке имеются конструкции переходного типа, где в качестве сказуемого употребляется слова на -о, совмещающие в себе два или более значения — например, состояния лица и качественной оценки действия (*легко, хорошо, интересно, странно*), оценки и модальности (*напрасно, недопустимо, нежелательно, невысказано*). Из слов на -о двойственного значения наибольшего внимания заслуживают слова первой группы (со значением состояния и оценки), так как группа этих слов оказывается наиболее емкой по составу, а также потому, что входящие в нее слова на -о представляются наиболее противоречивыми по своему семантическому и грамматическому характеру.

3. Слова на -о с нерасчлененным значением состояния-оценки структурно неоднородны. В одних словах двойственного типа преобладает элемент оценочности — даже если они обозначают восприятие действия (*забавно, интересно, лестно, странно, удивительно* и под.). В других словах, напротив, превалирует значение состояния (*легко, тяжело, трудно* и соответствующие синонимы *затруднительно, мучительно, нестерпимо* и под.); эти слова, по существу, и выражают состояние лица; однако благодаря обобщенности своего вещественного содержания они могут давать и оценку действию. Слова третьей группы (*плохо, хорошо* и их усилительные или экспрессивные варианты — *мерзко, скверно, ужасно, восхитительно, изумительно, чудесно* и под.) свободно функционируют и как предикативы состояния и как слова оценки, благодаря еще большей обобщенности лексического значения.

4. Семантический синкретизм, «двусмысленность» двойственных слов на -о разрушается в условиях предложения. Словесное окружение слова на -о способствует выявлению то одного значения (состояния), то другого (оценки), потенциально заложенных в этих словах. Можно полагать, что главным условием реализации того или иного значения слов на -о является характер инфинитивного действия: действие конкретное теснее

связано со значением состояния, действие же обобщенное — со значением оценки.

5. Обобщенность инфинитивного действия в конструкциях со словами на -о указанного вида обусловлена:

1) отсутствием в конструкции формы дательного падежа субъектного значения. Если в конструкции нет лица или оно не может подразумеваться или если оно предельно обобщено (что позволяет устранить его), действие воспринимается как явление, как субстантивированное понятие (грамматически — как подлежащее):

— Почему ты считаешь, что быть юристом не интересно в наши дни, — спрашивал Ваня. (Фадеев); ср. — Мне интересно жить на свете, Мне интересно все время проверять себя степенью нужности людям;

2) отсутствием в конструкции глагола *быть* (*стать*), что позволяет рассматривать действие как вневременное, совершающееся обычно:

Тяжело растить ребят (Нагибин).

Введение в указанное предложение глагола *быть* конкретизирует действие во времени и способствует появлению дательного субъекта; дательный же субъекта, вступив в предикативные отношения со словом на -о, выявляется в последнем значении состояния, и предложение переходит в план четкой безличности (ему было тяжело растить ребят);

3) характером лексики инфинитива, выражающего действие при словах на -о. Инфинитив, в вещественном значении которого преобладает именной элемент в ущерб процессуальному, обладает большими возможностями обобщения, субстантивации;

4) значением некоторых приинфинитивных слов, или обобщающих действие или конкретизирующих его;

5) семантикой всей конструкции как коммуникативной единицы. Если предложение, состоящее из инфинитива и слова на -о двойственного значения, имеет характер умозаключения, истины, то действие имеет обобщенный характер. Действие же разового значения, указывающее на избирательность условий своего проявления, нуждается в уточняющих словах (дательном падеже, глаголе *быть*), которые способствуют безличности:

ср. а) Воспитать обывателя легко, вырастить гражданина трудно; Птиц держать в клетках нехорошо (Горький); б) Ему нелегко было высказать это (Абрамов); — Мне так хорошо было сегодня рассказать все, и тяжело, и больно, и хорошо. Очень хорошо, — сказала Наташа (Л. Толстой).

6. В том случае, когда в предикативном слове на -о двойственной семантики в условиях конструкции реализуется зна-

чение оценки, это слово можно сближать со сказуемым двусоставного предложения (а инфинитив соответственно — с подлежащим); в случаях же, когда в слове на -о на первый план выдвигается значение состояния, слово на -о можно квалифицировать как безличное сказуемое односоставного предложения (а инфинитив — как уточняющее обстоятельственное слово). Но и двусоставность и безличность предложений с двойственными словами на -о неустойчивы, условны: оба типа носят промежуточный, переходный характер.

А. Н. СУРОВЦЕВ

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ЧЛЕНАХ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ

1. Камнем преткновения в теоретической разработке сложного предложения до сих пор, как и во времена Шахматова, является отсутствие теории о грамматических членах сложного предложения различных грамматических порядков.

2. Акад. А. А. Шахматов высказал соображение о том, что цепь простых предложений составляет «синтаксическую единицу другой природы», чем простое предложение. Однако понятие о цепи простых предложений требует грамматического расчленения.

3. Простое предложение составляет синтаксическую единицу 1-го грамматического порядка. Соответственно этому предикативные и другие синтаксические отношения простого предложения образуются грамматическими членами 1-го грамматического порядка.

4. В русском языке встречаются сложные предложения из 2-х, 3-х, 4-х и т. д. простых предложений. Соответственно числу простых предложений, входящих в сложное, в русском языке наблюдаются *сложные предложения следующих порядков*: 2-го (из 2-х простых), 3-го (из 3-х), 4-го (из 4-х простых предложений) и т. д.

5. Так как далее списывается один образец главных членов 2-го грамматического порядка, то есть сложного предложения из 2-х простых предложений, целесообразно кратко изложить общий закон отношений между различными грамматическими порядками.

а) *Каждый предшествующий* по сложности грамматический порядок, или синтаксическая единица, может образовать *член предложения любого последующего* по сложности грамматического порядка.

б) *Грамматический член каждого последующего грамматического порядка* может быть образован *синтаксической единицей любого из предшествующих по сложности порядков*.

6. Само собой разумеется, что система (или пирамида) грамматических порядков, в основании которой лежит простое предложение, требует отчетливого понимания, что уже во 2-м грамматическом порядке (то есть в сложном предложении из 2-х простых) существуют свои по качеству главные и второстепенные члены, то есть свои предикативные, атрибутивные, субъективные и иные синтаксические отношения. Разнообразны также и формы выражения членов и их отношений.

7. Образцом наиболее простого случая выражения одной формы предикативных отношений сложного предложения из 2-х простых является конструкция: *Я тот, которому внимала Ты в полуночной тишине* (Лермонтов. Демон, II, X), — представляющая собой синтаксическую единицу 2-го грамматического порядка.

Это сложное предложение из главного и сказуемого придаточного — нераспространенная сложная конструкция, образованная отношением двух главных членов: подлежащего сложного предложения и сказуемого сложного предложения:

а) указательное местоимение *тот* в качестве сказуемого главного предложения к подлежащему *я* раскрывается в придаточном сказуемом *которому внимала ты в полуночной тишине*;

б) местоимение *я*, помимо частного подлежащего — подлежащего главного предложения, в отношении этого подлежащего к частному сказуемому — сказуемому *тот*, имеет и нечастную функцию, а общую функцию, то есть функцию подлежащего сложного предложения — в отношении этого общего подлежащего к общему сказуемому — сказуемому сложного предложения: *тот, которому внимала ты в полуночной тишине*;

в) таким образом, в подлежащем *я* наблюдается синтез: совпали две функции: 1) функция подлежащего главного предложения — частная функция и 2) функция подлежащего всего сложного предложения — общая функция. В то время как сказуемое главного предложения *тот* имеет:

1) функцию сказуемого главного предложения — частную функцию и

2) одновременно с этим выражает только часть общего сказуемого — сказуемого сложного предложения и для полного выражения последнего должно соединиться с придаточным сказуемостным *которому внимала ты в полуночной тишине*. Иными словами, сказуемое сложного предложения *тот, кото-*

рому внимала ты в полуночной тишине распределяется между частью главного и придаточным предложением.

В том случае, когда указательных (соотносительных) слов в составе главного предложения нет (например, в распространенной сложной конструкции также из двух простых предложений, из которых одно оказывается дополнительным придаточным), придаточное в состоянии выразить член сложного предложения исключительно своим составом.

8. В описанной сложной конструкции 2-го грамматического порядка, то есть состоящей из 2-х простых предложений, налицо три предикативных отношения: 1) предикативное отношение главного, 2) предикативное отношение придаточного, отношением которых как отношением двух частных образуется 3) общее предикативное отношение, или предикативное отношение сложного предложения.

Т. А. ИВАНОВА

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА -á (ТРАКТОРА́) В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. Именительный множественного на -á продуктивная грамматическая форма в системе именного склонения русского языка. Нарастающая продуктивность этой формы легко обнаруживается при сопоставлении данных разных руководств. Так, в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова указано всего десять слов, образующих им. мн. на -á. В грамматике А. Х. Востокова их более семидесяти. Через 100 лет Л. Болье и В. И. Чернышев приводят таких форм уже около двухсот, а в наши дни их насчитывается более шестисот.

II. Образование форм на -á в русском языке и проникновение, а также закрепление их в литературном употреблении — два различных процесса, не во всем связанные один с другим.

III. Образование форм на -á обусловлено фонетико-акцентологической структурой слова, зависит от морфологического строения слова и связано с семантической специализацией формы.

IV. Им. мн. на -á, как правило, образуется от несuffиксальных имен существительных, в которых возможен перенос ударения с основы в единственном числе на окончание во множественном числе. В принципе перенос ударения потенциально возможен для всех имен существительных, имеющих ударение на основе в единственном числе. Однако этой способностью обладают далеко не в равной степени различные фонетико-акцентологические типы несuffиксальных существительных.

V. В связи с этим выделяются следующие типы имен существительных, образующих им. мн. на -á:

1) двухсложные слова с ударением в единственном числе на первом слоге основы (*ка́тер—катера́*) — 62%;

2) односложные слова (*то́н—тона́, то́ны — 16%, мир—мира́, мира́*) — 7%;

3) многосложные слова с ударением в единственном числе на первом и срединном слоге основы (*го́спиталь—госпиталя́ и дире́ктор—директора́*) — 10%;

4) двусложные и многосложные слова с ударением в единственном числе на конечном слоге основы (*верблю́д—верблюда́ и офице́р—офицера́*) — 5%.

VI. Суффиксальные существительные имеют неподвижное ударение устойчивого типа, обусловленное суффиксацией. Поэтому образование формы на -а́ от них возможно лишь в тех случаях, когда они акцентологически соответствуют вышеописанным типам: *тока́рь—токаря́* (11 слов), *учи́тель—учителя́* (7 слов). Кроме того, образование форм на -а́ от суффиксальных существительных возможно по аналогии с непроизводными словами: *бочо́к—бочка́* (13 слов), как *бок—бока*.

VII. Проникновение из живого языка форм на -а́ в литературный язык и дальнейшее закрепление их в литературном употреблении — процесс весьма сложный и неодинаковый по степени интенсивности для различных слоев литературной лексики.

В книжных словах форма на -а́, как правило, не употребительна, однако ср. «в иные мира» (А. Вознесенский). Наоборот, в словах разговорно-бытовой лексики она представлена широко. Причем по степени интенсивности проникновения формы на -а́ заимствованная лексика противопоставляется исконно русской. В исконно русских словах наблюдается длительное сосуществование форм на -а́ с формами на -ы (*домы—дома́: XVIII—XIX вв.; годы — года́: XVIII—XX вв.*). В заимствованных словах этот процесс осуществляется значительно скорее (ср. совр. *буера́* и т. п.). Способствует закреплению формы на -а́ в литературном языке и тенденция к смысловой дифференциации ее с формой на -ы (*цвeты́—цвета́*).

VIII. Наконец, далеко не безразличны к употреблению форм на -а́ отдельные стилевые разновидности литературного языка. Если в научном языке, в языке государственных, дипломатических, юридических документов преобладают формы на -ы (-и), то в языке поэзии встречается много своеобразных новообразований, например, *юга́* и *севера́* у С. Кирсанова.

IX. Таким образом, в современном литературном языке вы-

деляются следующие разряды форм им. мн. на -á по характеру их соотношения с формами на -ы.

1. Общелитературные формы стабильного типа, при которых формы на -ы или вообще не употребляются (*лесá, лугá, берегá*), или сохраняются лишь в устойчивых сочетаниях (*руки в боки, на веки вечные* и т. п.).

2. Общелитературные формы разговорного типа, при которых формы на -ы или стилистически нейтральны (*гóды—годá*), или носят книжный характер (*тракторы, секторы, цехи*).

3. Общелитературные формы специального значения, при которых формы на -ы или имеют иное значение (*цветы, образы*), или вообще не образуются (*атомные весá, сахарá, порохá*).

Л. Я. МАЛОВИЦКИЙ

О МЕСТОИМЕНИЯХ КТО, ЧТО В ЗНАЧЕНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1. За последние годы появилось несколько работ, посвященных неопределенным местоимениям в современном русском языке. Исследования показали, что местоимения с аффиксами *-то, -либо, -нибудь, кое-*: 1) выражают различную степень неопределенности, 2) семантически не тождественны, 3) употребляются в разных стилях, 4) выступают не в одинаковых синтаксических позициях.

Анализ аффиксальных образований отодвинул на второй план рассмотрение безаффиксальных местоимений *кто, что* в значении неопределенности, хотя и общеизвестно, что эти местоимения широко употреблялись в древнерусском языке как неопределенные.

2. В современном русском языке местоимения *кто, что* выступают в значении неопределенности сравнительно редко и, как правило, в народно-разговорной речи. Они встречаются обычно в сложных предложениях:

а) в придаточном условном — «Разболтаешь кому, все равно дознаюсь» (Верейская, В те годы); «Она одна все знает обо мне — Коль надо будет что — ее спросите» (Винокуров);

б) в главном предложении с модальным значением — «Может, и у нас чего есть, если копнуть поглубже, а пока ни фабрички, ни заводиска. . .» (Чивилихин, Про Клаву Иванову);

в) в сложносочиненном предложении с вопросительной интонацией — «У тебя все старые, аль выгнал кого?» (Владимиров, До пенсии сорок лет);

г) в сложносочиненном предложении с союзом *а* — «Знаете, Дмитрий Иванович, кажется мне, что фронтовики принесли с

собой из окопов очень что-то важное. Большую правду, я бы сказал. — *Кто* принес, а *кто*, наоборот, разбаловался» (Панова, Рабочий поселок).

3. Е. М. Галкина-Федорук предполагала, что употребление местоимений *кто, что* вместо *кто-нибудь, что-нибудь* «возникло в более позднее время как вторичное образование в диалогической речи». Однако это предположение вызывает сомнение, во-первых, потому, что оно не раскрывает причины появления «вторичных» *кто, что*, во-вторых, потому, что аналогичное использование форм *кто, что* последовательно прослеживается с глубокой древности до настоящего времени «Аще лучится кому от лодьи убеену быти от нас Руси или *что* взято *либо* (А.—паки) да повинни будуть то створшии» (Лавр. лет., стб. 36, 6420—912 г.), «А *кто* кого излаеть боярина или до крови ударить . . . и наместници судяты ему по его отечеству безществие» (Уставная Двинская грамота, 1397 г.), «А доведуть на на *кого* татбу . . . и будеть ведомой лихой, и боярину того велеть казнити» (Судебник 1497 г.), «за што на меня красну девку безвинно разкручинился ко мне не ходишь . . . или *кто* тебе обнес лихим словом или *кто* огласил безделицею. . .» (запись народной песни), «И если я *кому* платил добром, то все не потому, чтоб был к нему привязан» (Лермонтов, Маскарад).

Обращает также на себя внимание однотипность современных и древних синтаксических конструкций, в которых местоимения *кто, что* функционируют как неопределенные.

4. Сохранение в современном языке значения неопределенности за местоимениями *кто, что* при наличии аффиксальных неопределенных местоимений нуждается в объяснении.

Неопределенные местоимения сложились на базе вопросительных, что подтверждается не только фактами славянских языков (ср. тур. *kim* — «кто» и *kimse* — «кто-то», марийское *kö* — «кто» и *ala-kö* — «кто-либо», иктаж-*kö* — «кто-нибудь»). По-видимому, местоимения *кто, что* совмещали в себе значение вопроса и неопределенности, так как в основе обоих значений лежит понятие неизвестности, непознанности (Unbekanntnis).

Формирование неопределенных местоимений было вызвано потребностью «уточнения более частных понятий в пределах одного более общего», однако уточнение более частных понятий происходило в определенной языковой системе, почему и представляется существенным выявить лингвистические пути появления новой местоименной категории.

С одной стороны, значение неопределенности стало выражаться образованиями на *-нибудь, -либо, -то, кое-*, возникшими путем трансформации синтаксических единиц, что с достаточной убедительностью показал В. Н. Мигирин.

С другой стороны, шел процесс уточнения значений местоимений *кто, что* путем уточнения синтаксических позиций. Местоимения *кто, что* сохранили значение неопределенности в сложных предложениях (чаще с придаточным условным или с модальным значением) без коррелятивной связи. В конструкциях с коррелятами за местоимениями *кто, что* закрепилось значение относительности (ср. «кто весел, тот смеется» и др.).

Если для древнерусского языка были обычны построения с корреляцией типа «Иже *кто* хочет спастися, *тот* сего да хранися», то современному языку они не свойственны.

Таким образом, отграничение коррелятивных связей от безотносительных было, очевидно, сопряжено с отграничением значения неопределенности от значения относительности в местоимениях *кто, что*.

А. И. МОИСЕЕВ

ЕДИНСТВО ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

1. Вопрос о единстве формы и содержания в словообразовании — новый вопрос, поскольку и само словообразование (дериватология) осознано как самостоятельная лингвистическая дисциплина лишь в самое последнее время.

2. Словообразование как языковой процесс принадлежит к наиболее творческим явлениям языка. Поэтому соотношение формы и содержания в словообразовании проявляется своеобразно: не только в каждом отдельном слове как результате словообразования, но и в самом процессе образования новых слов; поэтому и сама проблема единства формы и содержания здесь оказывается особенно сложной.

3. Словообразование — это создание новых слов на базе уже имеющихся в языке и с помощью уже существующих в языке средств и приемов, по существующим образцам и моделям. Соотношение формы и содержания проявляется поэтому и внутри соотношения нового и старого: новых слов, с одной стороны, словообразовательной базы и словообразовательных средств — с другой.

4. В соотношении новых слов с их производящими и использованными при их образовании словообразовательными средствами имеется две стороны — структурная и семантическая: структура и значение нового слова формируются на основе структуры и значения производящей базы и словообразовательных средств, хотя и не являются механическим вос-

произведением и простой суммой их. Единство формы и содержания выражается при этом в единстве структурной и семантической стороны этого соотношения: значение и структура нового слова формируются на общей основе, — на основе данного производящего слова или номинативного словосочетания и данного средства, а не порознь: структура — на основе одной базы и средства, значение — на основе другой базы и средства.

5. Хотя вопрос о единстве формы и содержания в словообразовании в русской лингвистической литературе специально не ставился и не обсуждался, но в исследовательской практике он так или иначе решался. Обнаруживается, что многие явления словообразования описываются и толкуются без учета требований общего закона о единстве формы и содержания, а некоторые отчетливо сформулированные в последнее время положения находятся в прямом противоречии с этими требованиями, допуская (или утверждая) разобщенное проявление в словообразовательном процессе его формальных и содержательных — структурных и семантических — сторон: «Анализ разнообразного материала ... разных частей речи позволяет сделать вывод, что в современном словообразовании нередки случаи, когда производная основа семантически соотносится с одним элементом языка, а структурно — с другим». (Е. А. Земская. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени. Автореф. М., 1965, стр. 27).

6. Выводы о разнонаправленности структурных и семантических отношений производного слова не диктуются языковым материалом, а являются результатом неточных осмыслений некоторых явлений.

7. Такие выводы не являются, однако, ни единичными, ни случайными: они имеют довольно длительную предысторию в виде свернутых и, может быть, неосознанных проявлений во многих работах по словообразованию. Поэтому строгий и последовательный учет единства и формы в словообразовании (в рамках его реального проявления) потребует пересмотра некоторых приемов и выводов словообразовательного анализа.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ И ПОИСКАХ
РАЦИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В НАПИСАНИЯХ ТИПА
БЕЗЫНТЕРЕСНЫЙ

1. Написания указанного типа представляет собой один из интересных случаев «стыка» морфологического принципа русской орфографии со слоговым принципом русской графики: написания типа *безынтересный* нарушают морфологический принцип (пишется «-*ынтересный*» вместо морфологически целесообразного «-*интересный*»), но отвечают слоговому принципу русской графики (твердость конечного согласного приставки обозначена буквой *ы*). Отвечающее слоговому принципу написание *безынтересный* является фонетическим написанием (и произносится, и пишется *ы*).

2. Слова, охватываемые правилом о написании гласных *ы* и *и* (см. § 7 «Правил русской орфографии и пунктуации», 1956, а также § 110 «Правил . . .»), делятся на три группы в зависимости от написания в них *ы* или *и*, по отчетливости восприятия их морфемного состава, а также по соотношению написания *ы* или *и* с морфологическим и слоговым принципом.

а) Слова типа *сверхизысканный, постинфарктный* (в них, в соответствии с действующим правилом пишется *и*).

Слоговой принцип здесь «пренебрежен», морфемный состав подобных слов отчетлив и буквосочетания *хи, ти* (сверхизысканный, постинфарктный) и т. п. «не могут толкать читающего воспринять эти группы букв как сочетания с мягкими согласными в соответствии со слоговым принципом нашей графики» (А. Н. Гвоздев). Обычно их читают (произносят) свер[хы]зысканный, пос[ты]нфарктный, хотя употребленные рядом согласный и гласный звуки могут и не входить в пределы одного слова: последний может быть разрушен благодаря ясно сознаваемой границе морфем. В этом случае произносится: *сверх-изысканный (сверх || изысканный)*.

В эту же группу следует отнести сложносокращенные слова типа *пединститут, Гослитиздат*.

б) Слова типа *безынтересный, предынфарктный* (в них в соответствии с правилами пишется *-ы-*).

Здесь соблюден слоговой принцип графики в ущерб морфологическому принципу орфографии, несмотря на то, что морфемный состав слова отчетлив и, если бы писалось и (безидейный, прединфарктный), буквосочетания *зи, ди* не толкали бы читающего воспринять эти группы букв как сочетания

с мягкими согласными (*бе[з^би]дейный, пре[д^би]нфрактный*).

В этой группе слов морфологически целесообразно писать и (как оно пишется в словах группы а). Сторонники фонематического принципа считают написания типа *безинтересный* (с и) не отвечающими фонематическому принципу и нецелесообразными (см. статью Н. А. Еськовой в сб. «О современной русской орфографии», М., 1964, стр. 5—27).

в) Слова типа *розыгрыш, сищик, сызнава*.

Здесь также соблюден слоговой принцип русской графики, но это не идет в разрез с интересами морфологического письма, поскольку морфемно-смысловый состав подобных слов для современного языкового сознания не настолько отчетлив, чтобы при написании искомого и (*розыгрыш, сищик, сызнава* и т. п.) наверняка было бы преодолено вызываемое слоговым принципом графики чтение буквосочетаний *зи, си*, как [з^б и], [с^б и]. Ср. также невозможность поморфемного слога деления *роз-игрыш* (*роз || игрыш*). Невозможность семантизированного слога деления (когда оно расходится с обычным слога делением), по-видимому, является одним из признаков морфологической нечленимости (для современного языкового сознания) слов с корневым и (а также слов типа *сызнава*).

В данном случае мы стоим перед невозможностью выбора написаний *и* (*ы*), возможно только *ы*. Написание *и* (если бы оно имело место в словах этой группы) нельзя было бы считать отвечающим морфологическому принципу русской орфографии (как, например, нельзя было бы сейчас считать морфологическими написания «возторг», «возкресение» и т. п., хотя написания «безпорядок», «безконечность» и т. п. для современного языкового сознания были бы морфологичны).

3. В определении полного круга слов, относящихся к группам б) и в), много трудностей главным образом теоретического характера. Должно быть учтено не только значение корневой части слова, но и значение приставки, и даже взаимная смысловая связанность морфологических частей в составе слова.

4. Необходимо внести уточнение в теоретическое истолкование написаний типа *безинтересный* (группа б) и типа *розыгрыш* (группа в), если определять характер этих написаний с позиций сторонников морфологического принципа русской орфографии.

Следует усматривать отступление от морфологического принципа в написаниях типа *безинтересный*. В написаниях же типа *розыгрыш*, по-видимому, можно устраивать ограничение морфологического принципа русской орфографии слоговым принципом русской графики.

ЗАВИСИМОСТЬ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ОТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ГЛАГОЛА

I. В определении лексического, то есть «внутреннего» господства глагола над управляемой формой субстантива существует некоторая условность. Зависимость от лексического содержания глагола в большинстве случаев обосновать трудно, так как даже в языках одной системы возможны расхождения в формальном выражении одних и тех же «внутренних» отношений (например, в русском языке *насмехаться, подшучивать, издеваться, глумиться*, над + твор. п.).

Зависимость управляемой формы от лексического значения слова понимается нами вслед за В. В. Виноградовым, как зависимость, определяющаяся «внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы».

II. Степень и характер зависимости управляемой предложно-падежной конструкции от лексического значения глагола может быть различной.

1. Глагол и управляемая форма имени связаны отношениями **необходимости**. В этом случае различаем управление двух типов: **фиксированное** и **различительное**.

Глаголы с фиксированным управлением подразделяются на два класса:

а) глаголы, которым присуще только одно значение и одна управляемая конструкция. Их семантическая однозначность не абсолютна. Грамматический признак: тесная спаянность глагола с предлогом (положиться на кого-либо, походить на кого-либо, глядеться во что-либо и т. п.);

б) глаголы, имеющие два или несколько значений и единую для всех форму управления, например, глаголу *ухаживать* свойственны три значения (1) заботиться о ком-либо, присматривать за кем-либо, оказывая помощь, услуги и т. д.; (2) оказывать внимание женщине, проявлять к ней особый интерес, добиваясь ее расположения; (3) вести себя угодливо, подобострастно по отношению к кому-либо с целью добиться чего-либо, и только одна управляемая конструкция — за + твор. п.

Значение глаголов определяется двумя факторами: или самим объектом действия (глагол *знакомить* в значении — делать людей знакомыми между собой — подразумевает в качестве объекта лицо, в другом значении — давать какие-либо сведения, знания о чем-либо — предполагает неодушевленный объект), или широким контекстом.

Грамматической особенностью этой *подгруппы остается так же, как и в первой, неотделимость предлога от глагола.

Различительный тип управления характерен для таких многозначных глаголов, где за каждым значением закреплена особая управляемая предложно-падежная форма. Например, реагировать на что-либо и реагировать с чем-либо (поступать каким-либо образом в ответ на что-либо, под влиянием чего-либо и вступать в химическую реакцию).

Значение глагола раскрывается типом предложно-падежной конструкции.

2. Между глаголом и падежной формой могут возникать *альтернативные* отношения: необходимость выбора одной или двух (реже трех) синонимичных по значению управляемых форм. При этом: а) смысловое значение глагола не изменяется от подстановки той или иной формы, словосочетания образуют стилистические варианты (ходатайствовать о ком-нибудь, за кого-нибудь), б) синонимические сочетания позволяют различать смысловые нюансы глагола (консультироваться у кого-либо, с кем-либо.)

3. Между глаголом и падежной формой существуют отношения *возможности*.

При глаголе возможна одна управляемая конструкция, но она необязательна. При ее отсутствии глагол получает более широкое смысловое содержание, ее наличие конкретизирует, уточняет, но не изменяет семантики глагола (нуждаться и нуждаться в ком-, чем-либо).

4. Между глаголом и падежной формой возникают отношения избирательности. Только за одним (или несколькими) из многих значений глагола закрепляется устойчивый тип управляемой конструкции (например, глагол отвечать в значении — нести ответственность за кого-либо — получает определенную управляемую форму: отвечать за кого, что) В. В. Виноградов называет такие, обособленные синтаксическими сочетаниями, значения глагола конструктивно-обусловленными. Очень часто конструктивно-обусловленными являются не отдельные значения, а только их оттенки (объясняться в любви, определяться в ученики).

И. С. КУЛИКОВА

ОПЫТ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОЖНЫХ АТРИБУТИВНЫХ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

1. Предмет исследования — сложные трехсловные именные сочетания синтаксической модели А + S + Sg с добавочным лек-

сико-грамматическим ограничением: «качественное прилагательное + существительное в родительном падеже» (**слабое** зарево Москвы, **серые** коробки домов).

2. По логической приложимости признака сочетания распадаются на два класса: первый — сочетания с единым объектом атрибуции (**спокойный** дождь искр, **пестрые** тряпочки чувств); второй класс — сочетания, включающие объект атрибуции — S и объект косвенной атрибуции — Sg (**высокий** палец ели, **белые** стены домов).

3. Семантическая модель — это характеристика сочетания по типу лексических значений компонентов и по направлению семантического воздействия. Из числа дедуктивно возможных семантических моделей для рассматриваемой конструкции продуктивны модели СН←СН→СН (**синяя** мгла рассвета, **страшные** усы будочника) и СН←П (или У)←СН (**зеленые** стены леса, **последний** обмылок шляхты).

4. Материал показал, что сочетания первого логического класса преимущественно метафоричны (модель СН←П(У)←СН) среди сочетаний второго класса продуктивны обе модели, но первая модель (СН←СН←СН) более частотная. Естественно предположить, что в других стилях речи процент сочетаний второго логического класса возрастает именно за счет этой модели. Сочетания первого класса, напротив, оказываются одной из ярких примет художественного стиля, а в других стилях малопродуктивны.

5. По степени семантической спаянности сочетания делятся на произвольные или логически обусловленные, и семантически необходимые. Логически обусловлено подавляющее большинство модели СН←СН←СН. Исключение составляют контаминационные конструкции, непонятные без третьего компонента; их синтаксическая сложность семантически необходима (**свежая** тишина ночи).

Семантически необходимы все сочетания модели СН←П(У)←СН, так как качественные прилагательные, в отличие от относительных, не могут актуализировать смысловой сдвиг в существительном, и для правильного понимания переноса необходима генеративная форма другого существительного: **спокойный** дождь искр, **цепкие** лапы коряг (ср. **огненный** дождь, **еловые** лапы).

6. Произвольные сочетания стилистически «нейтральных»: они лишь логически верно передают последовательную связь явлений (**темные** ряды икон, **древние** навыки братства, **странное** ощущение времени). Общая стилистическая функция семантически необходимых сочетаний — органическое слияние атрибутивной и предметно-образной характеристик

(**черные** кряжи и деревья), то есть они эстетически обусловлены.

7. Конкретная стилистическая функция семантически необходимых сочетаний во многом зависит от лексико-семантической принадлежности его компонентов. Тематической характеристикой Sg предопределено, остается ли метафора в физической сфере (**серый** поллог неба) или переводится в план социальный на ассоциативной эмоционально-оценочной основе (**вязкая** слизь жизни, **слепая** пропасть жизни).

От лексико-семантической принадлежности А и S зависит образная ориентированность метафоры, а именно то, какой признак лежит в ее основе и как он выражен (ср. сухой янтарь **солнца**, **бледное** золото солнца, **красный** диск солнца, **пышные** одежды солнца). Анализ материала показал, что подавляющее большинство сочетаний (более 70%) включает прилагательные разряда «физический признак предмета или явления» и конкретно-предметные существительные лексико-семантических групп, «предметы обихода», «части тела», «ландшафт» и некоторые другие (см. приведенные примеры). В результате основная масса сочетаний содержит целостно-разностороннюю физическую характеристику явления: цвет и форма, размер и форма и т. п. (**черное** одеяло дыма, **плотная** подушка снега, **длинные** ленты пыли).

8. Стилистическая значимость трехсловного сочетания возрастает при условии смыслового взаимодействия его непосредственно не связанных крайних членов. Потенциальная связь или мотивирует эпитет (теплая лента Гольфстрима), или, если и актуализирует разные значения прилагательного, ведет к семантической двуплановости последнего: **хищные** носы крейсеров «изогнутые и нависающие» и «угрожающие, готовые к нападению», (ср. также **холодные** руки критика, **далекая** гора прошлого).

9. Неодинакова стилистическая ценность языковых и речевых сочетаний. Нарушение языковых связей и сочетаемости и связано с явлениями контаминации (**синее** безмолвие океана) и метатезы (**твердый** овал лица, **нищий** дым деревень).

10. Указанные свойства: логический класс, семантическая модель, семантическая спаянность, лексико-семантическая характеристика компонентов, возможность смыслового взаимодействия крайних членов, языковой и речевой характер сочетания — следует назвать **дифференциальными стилистическими признаками сочетания**. Изучая их различные комбинации, можно построить иерархию сочетаний по степени их стилистической ценности.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

*(на материале прозаических произведений
В. П. Катаева и К. М. Симонова)*

1. Место творительного образа действия в ряду других средств выражения грамматического значения образа действия определяется из сравнения его с другими средствами, а именно из выяснения:

а) в каком объеме выражается значение образа действия разными способами;

б) какова его роль в познании действительности;

в) каково стилистическое использование.

2. Объем значения образа действия раскрывается путем анализа тех разновидностей значений, которые отмечаются в каждом случае в пределах значения образа действия.

Родительный, дательный, винительный и предложный образ действия употребляются относительно редко и только в сочетании с предлогами. Все разновидности значения образа действия, выраженные этими падежами сводятся к следующему:

а) значение внешней (сопутствующей) характеристики действия;

б) значение внутренней (качественной) характеристики и способа действия;

в) значение интенсивности (меры) действия;

г) значение условия действия;

д) значение соответствия, уподобления.

Все частные значения общего значения образа действия, выражаемые падежами, не покрывают многообразия значений образа действия одного падежа — творительного.

3. Творительный образ действия включает в себя значения: сопутствующей и качественной характеристики, разделительности и совокупности, совместности, меры, времени, причины, цели, условия и уступительности.

Способность творительного образа действия выражаться не только предложной, но и беспредложной формами свидетельствует о больших возможностях творительного падежа, по сравнению с другими падежами, выражать значение образа действия. Использование предлогов обогащает передачу значения образа действия, свойственного самому падежу.

4. Еще меньшее по объему, чем падежи имен существительных, значение образа действия выражают наречия и деепричастия.

Наречия образа действия включают в себя значения качественной характеристики, способа и меры действия.

Наречия образа действия со значением качественной характеристики и способа действия очень близки к творительному образу действия беспредложному, о чем свидетельствует переход в наречия существительных в творительном падеже. Ср.: *драматическим шепотом — шепотом — босиком; размашистой рысью — рысью — пешком.*

5. В деепричастиях от глаголов несовершенного вида значение действия объединяется со значением качественной характеристики. В словосочетаниях деепричастия способны усиливать значение качественности и утрачивать глагольное обозначение. В этих случаях они адвербиализуются и отождествляются с наречиями образа действия.

Поскольку деепричастие обозначает второстепенное действие, то значение образа действия представляется как значение сопутствующей характеристики, которая относится к основному действию, выраженному глаголом-сказуемым. Ср.: *улыбаясь — с улыбкой, подмигивая — с подмигиванием, грозя — с угрозой.*

Нередко деепричастие вообще не выступает как носитель обстоятельственного значения, если употребляется, по словам А. А. Шахматова, в роли «второго сказуемого». Выражение деепричастием обстоятельственного значения образа действия зависит от определенного семантического соотношения основного глагола и деепричастия.

6. Сравнение морфологических средств выражения значения образа действия приводит к заключению, что из них только творительный падеж способен наиболее широко и всесторонне определять характер действия, включая в значение образа действия разнообразные дополнительные оттенки (времени, причины, цели и др.), которые порождают тот или иной характер действия.

7. Значения падежей, грамматические значения имен существительных, существуют в единстве и взаимодействии с лексическими и связывают их с лексическими значениями управляющих слов. Эти связи осознаются как связи и отношения между явлениями реальной действительности. Образ действия как особое значение творительного падежа раскрывает один из видов обстоятельственных отношений — характер действия по его способу, сущности, внешнему виду, путем указания причины, цели действия и т. д.

Члены словосочетания «глагол+зависимое существительное в творительном падеже» могут выражать не только обстоятельственные отношения. Имена существительные в творительном падеже в сочетании с именами прилагательными выражают определительные отношения. В свою очередь, члены этих словосочетаний, вступая в новые словосочетания, выражают типичные для этих случаев отношения и т. д.

Наречия и деепричастия, выражая характер действия, могут представлять его в сочетании с меньшим кругом отношений, так как наречные и деепричастные сочетания, выступающие в обстоятельственном значении, могут включать в себя только наречия же и деепричастия.

Сравнительный анализ различных средств выражения образа действия, с точки зрения их возможности выражения связей с другими отношениями, устанавливает среди них особое место творительного падежа, что определяет важную роль творительного образа действия в познании действительности.

8. В глагольных словосочетаниях с зависимым существительным в творительном падеже выражаются отношения объектные и обстоятельственные. Решающим условием для выражения определенных смысловых отношений является соотношение лексических значений управляющего глагола и зависимого существительного с учетом их грамматической характеристики. Нарушение этого соотношения может привести к нарушению выражения одного вида отношений и к развитию способности выражать другие отношения в пределах одного словосочетания. В результате отмечаются конструкции, в которых творительный падеж имен существительных имеет «переходное» объектно-обстоятельное значение.

Переходное значение творительного падежа в итоге является свидетельством изменения связей в мире реальной действительности.

9. Поскольку объектные отношения перерастают в обстоятельственные, а не наоборот, то для того чтобы определить промежуточные значения творительного падежа, необходимо рассмотреть соотношения лексических значений управляющего глагола и зависимого существительного, которыми они определяются, и те нарушения этих соотношений, которые приводят к развитию обстоятельных отношений.

Анализ материала показывает, что переходные значения творительного падежа отмечаются преимущественно в беспредложной форме. Очевидно, в предложных конструкциях реже объединяются объектные отношения с обстоятельными.

Возможны нарушения таких лексических соотношений, ко-

которые приводят к развитию у творительного падежа переходного значения:

а) глагол со значением движения и имя существительное со значением части тела или предмета, которым производится движение. Например: *провожая глазами*;

б) глагол со значением речи и имя существительное с конкретным значением. Например: *спросивший глазами*.

Причинами переходных значений творительного падежа могут быть и другие языковые явления. Так, например, отсутствие в глагольном сочетании предлога. Ср.: *протившись с улыбкой*, *протившись улыбкой*.

Единичные случаи переходного значения предложного творительного падежа отмечены как обусловленные контекстом.

10. Основная причина переходного значения у творительного падежа заключается в том, что зависимое имя существительное имеет конкретное лексическое значение, которое порождает объектное значение, хотя в то же время другие причины порождают в творительном падеже значение образа действия.

В этом смысле особенно показательны примеры предложных конструкций с предлогом под. Ср.: *ехал под бомбами*, *пропался под бомбежкой*.

М. А. СОКОЛОВА

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ПРИЧАСТИЯМИ, В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

*(на материале всех поэм и следующих
произведений: „Арап Петра Великого“,
„История Пугачева“, „Пиковая дама“,
„Повести Белкина“)*

1. Научная литература о языковом творчестве А. С. Пушкина располагает большим количеством исследований: в этих работах наиболее детально и полно освещаются вопросы лексических богатств в творчестве поэта, грамматического строя, орфоэпии А. С. Пушкина и т. д.

Но следует заметить, что слабее освещались вопросы синтаксической структуры его произведений. В этих работах много ценных замечаний довольно общего характера. В них говорится о том, что синтаксис произведений Пушкина предельно прост, что в его прозе преобладают четкие синтаксические по-

строения, что порядок членов предложения обычно прямой, то есть группа подлежащего предшествует группе сказуемого, что роль инверсии в них незначительна.

Следовательно, имеются основания для того, чтобы затронуть частный вопрос синтаксиса — об использовании в его творчестве причастий — определений и причастных оборотов.

2. Одинокие причастия — определения в поэмах распределяются следующим образом: в препозиции они отмечены 154 раза, а в постпозиции 60 раз. Внимательнее отношение к последним свидетельствует о желательности именно такого их использования: постпозиция имеет место при инверсии дополнения, относящегося к сказуемому («Ослы в перекидных корзинах детей играющих несут») и чаще — при наличии ряда определений к одному и тому же члену предложения («Тебе я буду сын и друг, послушный, преданный и нежный»). Использование в прозе одиночных причастий в роли определений еще выразительнее: так в «Повестях Белкина» при 9 случаях препозиции имеем лишь 8 случаев постпозиции. Примерно таковы же соотношения и в других прозаических произведениях. Можно сказать, что в этом случае, как в поэзии, так и в прозе, соотношения более или менее однородны.

3. В отношении места причастных оборотов картина несколько иная, и того параллелизма, который имел место при использовании причастий в поэзии и прозе, уже нет. Так препозитивный причастный оборот в поэмах использован 77 раз, а в постпозиции 88 раз, т. е. соотношения почти равные.

Совсем иная картина в прозе Пушкина: в «Повестях Белкина», препозиция отмечена всего 8 раз, а постпозиция 102 раза; в повести «Арап Петра Великого» на 4 случая препозиции имеется 55 постпозиций. Та же картина в других повестях.

4. Широту использования препозитивных причастных оборотов в поэмах можно, вероятно рассматривать как своеобразный поэтический прием, применяемый Пушкиным только в поэзии. Проза же Пушкина почти свободна от препозитивных причастных оборотов.

Разобшение причастий, как одиночных, так и в составе оборота со своим определяемым, является значительным своеобразием поэтического творчества Пушкина.

5. Столь же четки показания при употреблении причастий в роли сказуемых: в этой синтаксической функции используются лишь нечленные их формы; постпозиция их является обычным приемом творчества в прозе. Возможная их инверсия отмечается лишь в поэзии. Она вызывается желанием подчеркнуть решительные моменты в общем плане развертывания действия, логическое ударение падает именно на них, например, «Наказан твой изменник», «Сражен наездник молодой» и т. д.

СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ И СООТНОСЯЩИЕСЯ СЛОВА В СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Указательные местоимения и наречия (тот, такой, так, и др.) играют значительную роль в структурной организации сложноподчиненного предложения.

С одной стороны, они выполняют в главной части роль соотносительных слов, которые, совпадая с придаточной частью предложения по синтаксической функции, специализированными лексическими средствами фиксируют характер отношений между частями предложения: *Есть такие люди, есть такие книги, которые выучивают нас думать* (Писарев, Реалисты).

С другой стороны, они выполняют роль соотносящих слов, которые, находясь в придаточной части, связывают ее с главной частью, являясь, таким образом, наряду с союзами и союзными словами лексико-грамматическим средством связи: *Все окна завалило снегом, и церковка дрожала,— такая разыгралась пурга* (А. Толстой, Чудаки).

2. **Соотносящиеся** слова обладают всеми признаками средств связи сложноподчиненного предложения.

Средство связи сложноподчиненного предложения является лексико-грамматическим средством придаточной части предложения, **связывающим** ее с главной частью и фиксирующим зависимый характер одной части предложения от другой.

Средство связи сложноподчиненного предложения обладает закрепленным **семантико-грамматическим значением**, которое обнаруживается при установлении отношений между главной и придаточной частями предложения.

Средство связи сложноподчиненного предложения грамматически обуславливается или отдельным членом главной части, или всей главной частью в целом.

Средство связи сложноподчиненного предложения занимает постоянное место в придаточной части, начиная ее.

Названные свойства средств связи сложноподчиненного предложения распространяются и на местоименные слова: *так, такой, до того, столько, настолько*, типизированные как грамматически (закрепленное первое место в придаточной части и наличие фразового ударения), так и семантически (усилительное значение самих слов и причинно-следственное значение

присоединяемой ими зависимой части предложения): *У батушки даже в глазах зарябило: до того пристально он смотрел на Иидушку* (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

3. Соотносящиеся слова обладают и специфическими признаками:

1) соотносящиеся слова являются членами придаточной части предложения (общее с союзными словами): *Действительно, дружбу с детьми Варя заводила с полуслова,— такое доброе человеческое тепло постоянно излучалось от нее* (Леонов. Русский лес);

2) соотносящиеся слова выступают в качестве средств связи только в двусоставном предложении (эта возможность почти исключена у союзных слов; у союзов она обнаруживается частично): *Степанида Ивановна побледнела, схватилась за грудь и едва не лишилась чувств — так пронзило ее предчувствие* (А. Толстой, Чудаки).

3. Соотносящиеся слова однотипны в лексико-морфологическом отношении: указательные местоимения и местоименно-указательные наречия.

4. В лингвистической литературе стало традиционным рассмотрение данной группы слов, названных в наших тезисах соотносящими, в качестве членов бессоюзного предложения. Лишь в последних синтаксических и лексикографических работах квалификация местоименных слов, находящихся в зависимой части сложного предложения, претерпела некоторые изменения.

В качестве средства связи представил данные слова акад. В. В. Виноградов, квалифицируя их, однако, как элементы бессоюзного предложения и значительно расширяя их состав с точки зрения функциональной (см. его пример: *Станный был этот день — такие бывают только во сне* (Фадеев, Молодая гвардия).

«Основную роль» данных слов в «объединении частей сложного предложения» отметила И. Оицэ, не дав при этом рассмотренным словам грамматического определения.

В качестве союза в ряде случаев употребления рассмотрено слово так в последних толковых словарях АН СССР: 1) следственного: *Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть* (Пушкин, Евгений Онегин); 2) присоединительного: *Еще тогда у нас гостила барышня, племянница барыни, так я с ней по целым вечерам разговаривала* (А. Островский, Воспитанница); 3) противительного: *Говорила я, так ты слушать не хотел* (А. Островский, Гроза).

Однако, как показывают иллюстрации, специфическая функция соотносящего слова так не выявлена.

Разноречивость в грамматическом толковании данных местоименных слов сделала необходимым рассмотрение их синтаксической роли в составе сложноподчиненного предложения и определение их грамматической квалификации.

Семантико-синтаксическое единство усилительных местоименных слов, являющихся типизированным средством связи частей сложноподчиненного предложения с причинно-следственным значением, позволило выделить их в особую синтаксическую категорию, условно назвав ее соотносящими словами.

В. И. КОДУХОВ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

Основными моделями сложноподчиненных предложений с придаточными следствия являются: 1) предложения с союзом *как что*, 2) предложения с союзом *что* и усилительной частицей *так (настолько)* перед сказуемым (обстоятельством) главной части, 3) предложения с союзом *что* и усилительным служебным словом *такой (столь)* при прилагательном, входящим в группу существительного, используемую в роли разных членов главного предложения, например:

Дождь лил как из ведра, *так что* на крыльцо нельзя было выйти (Аксаков). Было *так* темно, *что* Воря с трудом различала дорогу (Фадеев). Сделалась *такая* метель, *что* он ничего не взвидел (Пушкин).

Первую модель, как содержащую придаточное следствия, очень часто противопоставляют двум другим моделям, где значение следствия характеризуется всего лишь как оттенок значения. Особенностью этих двух моделей является разнонаправленность главного и придаточного предложений: наличие в главной части слов *так, такой, до того* и т. п. как бы сигнализирует об «одночленной» структуре, предполагая, казалось бы, релятное придаточное; придаточное же предложение, напротив, имея общеподчинительный союз *что*, находится в позиции «неодночленной» структуры, соотносясь со всем главным предложением или частью его.

Противоречивая природа рассматриваемых предложений позволяет исследователям разносить их по разным классификационным рубрикам сложноподчиненных предложений: в конструкциях *такая метель, что* усматривают придаточное опре-

делительное, в конструкциях так (настолько) быстро, что видят придаточное образа действия (меры и степени, а в конструкциях была такая, что обнаруживают придаточное сказуемое.

Когда же эту противоречивую природу рассматриваемых синтаксических моделей выделяют как специфику особого вида сложноподчиненных предложений, то создают учение о совмещении значений (многозначности) конструкций местоименно-союзного типа.

Наличие указательного местоимения и совмещения значений не столь очевидно, если подходить к сложному предложению как целостной единице синтаксического строя языка, семантическая и материальная стороны модели которой создаются комбинацией элементов, лишь внешне сопоставимых с «похожими» словами и словоформами в их свободном употреблении.

Слово *так* (и *такой*) в одних случаях является указательным наречием (определятельным местоимением), в других же случаях оно используется как усилительное (элятивное) служебное слово — частица, обозначающая высокую меру, сильную степень проявления качества, действия или состояния, например: «Он меня любит, так любит!» (Чехов); «И того ль искали Вы чистой, пламенной душой, Когда с такую простотой, с таким умом ко мне писали?» (Пушкин). Указательное и выделительно-ограничительное значение слов *так* и *такой* в подобных сочетания оказывается затемненным, и они выступают в роли своеобразных усилительных частиц (в восклицательных предложениях они синонимически подчинены усилительным частицам *как* и *какой*).

В предложениях следствия также оказываются затемненными, не актуальными выделительное значение и собственно-коррелятная функция слов *так* и *такой*; на первый план выдвигается значение элятивности «очень», например: «Кругом было тихо, так тихо, что по журчанию комара можно было следить за его полетом» (Лермонтов); «Была глухая ночь, такая морозная, что в саду трещали деревья» (А. Н. Толстой).

Придаточное предложение относится к сочетаниям *так тихо, такая морозная (ночь)*; если бы придаточное относилось к местоименным словам *так* и *такой*, то они выступили бы в функции контактного коррелятного слова, а придаточное было бы релятным: *так—как, такая—какая*. Однако местоименно-релятные структуры имеют значение обращения и уподобления, а в предложениях следствия придаточное не поясняет и не конкретизирует местоимения (которого по существу нет), а сообщает результат, следствие элятивного значения, переданного частичным словом и прилагательным, наречием, глаголом,

выступающими в синтаксической функции контактного словосочетания.

Противоречивость семантической структуры рассматриваемых конструкций признают в том, что элятивное значения (значение меры и степени) и значение следствия квалифицируют не как элементы единого синтаксического значения, а как разные самостоятельные значения, которые могут лишь совмещаться, создавая многозначность синтаксического построения. Взаимосвязанными синтаксическими значениями обычно признают лишь причину и следствие, причину и время, время и условие.

Думается, что элятивное значение и значение следствия в рассматриваемых предложениях являются не взаимоисключающими (самостоятельными) значениями, а взаимосвязанными элементами единого элятивно-следственного синтаксического значения. Ведь синтаксическое значение принципиально неоднозначно, поскольку синтаксическая единица (в отличие от лексикологической и морфологической единиц) по своей сути предполагает минимально два синтаксических элемента, особенно если речь идет о сложном предложении.

Элятивное проявление качества, состояния или действия не исключает, а предполагает наличие причины и следствия. Если в синтагматическом ряду значение элятивности предшествует другому действию, состоянию или качеству, то в единой синтаксической единице оно необходимо вызывает значение следствия, например: «Наконец я так ослабел, что не мог ни ехать, ни идти пешком» (Карамзин).

Здесь физическое состояние субъекта и его способность к передвижению включены в причинно-следственные связи благодаря элятивности предшествующего состояния (ср.: «так долго шел, что ослабел»). Элятивное значение выражено не одним словом, а словосочетанием *так ослабел*; усилительная частица *так* используется потому, что она не замыкает синтаксического ряда (а не потому, что это местоимение-коррелят), как сделало бы это усилительное слово *очень*.

Если значение элятивности выражено без участия *так*, значение следствия для последующего действия также присутствует, хотя такие модели не свойственны литературной норме, встречаясь лишь в разговорном языке, например: «Он зиму-та зимски расторговался, что казны-та привез и сметы нет» (Плавильщиков). Здесь значение общей результативности у глагола *расторговаться* выступает как то значение элятивности, которое необходимо для построения предложения следствия.

Когда же предшествующее предикативное словосочетание не содержит элятивного значения или оно выражено словами полнозначными (*очень труден, чрезвычайно доволен и*

т. п.), то литературная норма требует выбора модели сложного предложения следствия с союзом *так что*; эти конструкции являются исторически самыми поздними: они утвердились в русском литературном языке лишь во второй половине XVIII в. Следует указать, что предложения следствия с союзом *так что* не разорвали своей связи с такими предложениями, где на самом деле имеется местоименное наречие *так*. Например, в предложении «Сугробы тоже быстро осели на улицах Крутых Лук, так что избы сразу окошками блеснули» (Залыгин) при сказуемом есть обстоятельство *быстро*, которое само по себе не выражает элятивности, а потому придаточное имеет не столько значение следствия, сколько значение образа действия («таким образом, что»); значение же следствия возникает благодаря возможности осмысления в союзе *так что* значения *так* («так быстро и сильно»).

Предложения с союзом *так что* возникли в результате действия двух синтаксических процессов: переразложения (линейный процесс) и контаминации (парадигматический процесс). С одной стороны, они возникали в результате эллипсиса и перестановки:

так ударил, что

так сильно ударил, что

ударил, так что.

ударил так (сильно), что

Наличие этих генетических линейных связей породило широко распространенное утверждение о том, что союз *так что* якобы может употребляться в разрозненном и слитном виде.

С другой стороны, союз *так что* (подобно союзу *так как*) возникал в результате контаминации предложений следствия с союзами *так* и *что*, а именно: «А рыболовы уже морем далеко гребут, что на силу можно в трубку человеку видеть» (Повесть о Василии Кариотском); «Доживаю я седьмой десяток, так присматривать за домом великая для меня тягость» (Чулков).

Результатом обоих процессов является фразеологизация двух служебных слов: *так + что = так что*. Когда же исходные синтаксические показатели имеют дистантное расположение, тогда происходит синтаксическая фразеологизация, то есть образование такой синтаксической модели, которая не может быть понята, если пытаться выводить ее значение как синтаксической конструкции из «буквального» значения каждого из составных элементов в отдельности.

Между рассматриваемыми синтаксическими моделями есть и стилистическое различие. Предложения с союзом *так что* характерны для книжно-повествовательного стиля речи; такое стилистическое свойство они имеют со времени их возникновения: во второй половине XVIII в. предложения следствия с

союзом *так что* встречались прежде всего в повествовательной прозе Ломоносова, Лепехина, Зуева, Щербатова, Крылова, Карамзина. Напротив, в речи действующих лиц комедий, у Сумарокова и, особенно, у Плавильщикова широко используются конструкции с союзом-частицей *так*.

Возникновение нового синтаксического показателя вызывает перестройку системы синтаксических конструкций, их семантической и стилистической природы, создавая специализированные структуры и вытесняя дублетные.

В. А. ШИТОВ

ВИДО-ВРЕМЕННАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛОВ-СКАЗУЕМЫХ В СОСТАВЕ ОДНОРОДНО СОПОДЧИНЕННЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ЧАСТЕЙ

1. В опубликованных (очень немногочисленных) работах, посвященных сложным предложениям с однородным соподчинением, вопросы видо-временной соотносительности глаголов-сказуемых фактически, насколько нам известно, почти не затрагиваются.

2. Почти не изучена видо-временная соотносительность глаголов-сказуемых и в паратактических конструкциях с сочинительными союзами, а также в конструкциях с бессоюзным соединением частей. В принципе взаимоотношения частей (в том числе видо-временная соотносительность глаголов-сказуемых) и в сложноподчиненных предложениях с сочинительными союзами, и в бессоюзных сложных предложениях не могут не обладать значительным сходством с соответственными же взаимоотношениями однородно соподчиненных придаточных частей, ибо совокупность последних всегда может быть уподоблена либо сложносочиненному, либо бессоюзному «сложному предложению» (реже — «предложению», состоящему из трех или более компонентов, в котором паличествуют и сочинительные, и бессоюзные связи частей).

3. Глаголы-сказуемые однородно соподчиненных придаточных, с одной стороны, и глагол-сказуемое главной части того же сложного предложения, с другой стороны, как правило, не находятся в отношениях какой-либо закономерной соотносительности.

4. Глаголы-сказуемые, находящиеся в составе разных придаточных частей сложных предложений с однородным соподчинением, обычно характеризуются по отношению друг к другу определенной видо-временной соотносительностью.

5. Употребление как одинаковых, так и неодинаковых видо-временных форм глаголов-сказуемых в составе однородно соподчиненных придаточных всегда обусловлено смысловым наполнением сложного предложения.

6. Особый интерес для наблюдения над спецификой видо-временной соотносительности глаголов-сказуемых в составе соподчиненных придаточных частей представляют сложные предложения с однородным соподчинением большого количества (пяти и более) придаточных частей, так как именно в многокомпонентных конструкциях предположительно можно допустить параллельное употребление в различных соподчиненных придаточных частях данного сложного предложения глаголов-сказуемых всех основных видо-временных разновидностей (прошедшее и будущее простое время у глаголов совершенного вида); прошедшее, настоящее и будущее сложное время у глаголов несовершенного вида,— всего, таким образом, получается минимум пять основных видо-временных разновидностей).

7. В сложных предложениях с однородным соподчинением как двух, так и нескольких придаточных частей глаголы-сказуемые в большинстве случаев характеризуются одинаковыми видо-временными признаками. Основных типов такой видо-временной соотносительности может быть намечено 5 — по числу основных видо-временных признаков глаголов-сказуемых.

Глаголы-сказуемые во всех однородно соподчиненных придаточных частях могут быть употреблены:

I тип: в форме прошедшего времени совершенного вида;

II тип: в форме будущего простого времени совершенного вида;

III тип: в форме прошедшего времени несовершенного вида;

IV тип: в форме настоящего времени несовершенного вида;

V тип: в форме будущего сложного времени несовершенного вида.

Продуктивность выделенных типов далеко не одинакова и зависит, помимо прочего, от количества однородно соподчиненных придаточных частей в сложном предложении. Так, например, по мере увеличения в сложном предложении количества однородно соподчиненных придаточных частей заметным образом уменьшается не только вероятность употребления «одноформенных» глаголов-сказуемых в этих частях, но и — особенно резко — уменьшаются возможности употребления форм будущего времени. Например, уже в сложных предложениях с четырьмя однородно соподчиненными придаточ-

ными однотипные для всех четырех придаточных частей формы будущего сложного времени совершенно не употребительны, хотя в конструкциях с двумя придаточными эти формы распространены достаточно широко.

8. В сложных предложениях с однородным соподчинением возможно и несовпадение видо-временных признаков глаголов-сказуемых, употребленных в придаточных частях (по одному глаголу-сказуемому в каждой придаточной части; вопросы, связанные с видо-временной соотносительностью глаголов, входящих в ряд однородных сказуемых простого предложения, нами здесь не затрагиваются). Вероятность несовпадения видо-временных признаков глаголов-сказуемых заметным образом увеличивается по мере увеличения количества однородно соподчиненных придаточных частей в сложном предложении. «Степень» такого несовпадения в конструкциях с большим количеством однородно соподчиненных частей может быть различной. Теоретически основных типов несовпадения может быть выделено: в сложных предложениях с однородным соподчинением двух придаточных — 30, в сложных предложениях с однородным соподчинением четырех придаточных — 55 и т. д. Все эти типы характеризуются примерно одинаковой продуктивностью (значительно меньшей, чем продуктивность конструкций, характеризующихся совпадением видо-временных форм глаголов-сказуемых в составе всех однородно соподчиненных придаточных частей).

Н. Н. ХОЛОДОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

1. В докладе поставленный вопрос рассматривается на материале конструкций с сочинением и подчинением, характеризующихся функцией выражения сообщений о несоответствиях между субъективными представлениями различных предметов и реальным проявлением этих предметов. Например: *Гаврик ожидал, что она сейчас же встанет, но она продолжала лежать неподвижно* (Катаев, Зимний ветер); *Вальган ждал, что Бахирев встанет и пойдет выполнять его поручение, а Бахирев сидел, не шевелясь* (Николаева, Битва в пути).

2. Значение субъективного плана в придаточном предложении выражается подчинительной связью изъяснительного

характера. Значение объективного плана в простом предложении достигается тем, что простое предложение «удерживается» в одной синтаксической плоскости с главным. А это, в свою очередь, достигается соотношением **одинаковых (называющих один и тот же предмет)** подлежащих придаточного и простого предложений. Общее значение несоответствия основывается на том, что в субъективном представлении и объективно **в одном и том же предмете** обнаруживаются такие признаки, **одновременное** наличие которых с точки зрения формальной логики невозможно.

3. В тех случаях, когда подлежащее придаточного и простого предложения четко и однозначно называют один и тот же предмет, в организации общей структурной модели конструкции принимают участие только временные формы глаголов-сказуемых. Благодаря им действия придаточного и простого предложений подаются в одном временном плане (наличие взаимоотрицающих признаков в одном и том же предмете в разное время не вызывало бы несоответствия).

4. Значение одновременности придаточного и простого предложений создается соотношением временных значений (абсолютных и относительных) сказуемых главного, придаточного и простого предложений, и чаще всего — соотношением глагольных форм: 1) прошедшего времени (в главном предложении), 2) будущего времени (в придаточном), 3) прошедшего времени (в простом).

5. Если же значение одного и того же предмета выражено подлежащими придаточного и простого предложений нечетко, то временные формы глаголов-сказуемых придаточного и простого предложения берут на себя, кроме того, функцию уточнения этого значения и тем самым определяют значение объективного плана в простом предложении. Иначе, благодаря этим формам простое предложение «удерживается» в одной синтаксической плоскости с главным и образуется структура с сочинением и подчинением, а не с однородным соподчинением придаточных. Для формирования объективного плана в простом и придаточном предложениях используются разные формы времени глаголов-сказуемых (а для формирования субъективного плана — одинаковые).

6. С аналогичной функцией могут выступать и формы наклонения глаголов — сказуемых придаточного и простого предложений.

7. Для организации общей структурной модели конструкций могут быть использованы также формы 1 и 2 лица глаголов-сказуемых придаточного и простого предложения (если одно

или оба эти предложения представляют собою односоставные предложения известных типов). При помощи этих форм создается значение одного и того же субъекта в придаточном и простом предложении, что и является одним из основных условий функционирования исследуемых конструкций.

А. Н. ФРИДЛЕНДЕР

СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ИНТОНАЦИИ И ПУНКТУАЦИИ ПРИ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЕЗ СОЮЗОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Полное соответствие между смысловозначительной функцией интонации и пунктуации наблюдается в группе примеров (50), характеризующихся с лексико-грамматической стороны, во-первых, наличием пограничных слов (то есть слов, которые в данном контексте способны к двусторонней, но не одновременной постпозитивно-препозитивной синтаксической связи), во-вторых, сохранением, при изменении интонации и пунктуации, количества однородных членов: «Мысленно она переставляла мебель, вешала занавески *на окна*, поставила цветы» (Гранин). Ср.: «вешала занавески, *на окна* поставила цветы». Отчетливая пауза может менять место по отношению к пограничным словам в зависимости от смысла текста. Преобладают конструкции с однородными глагольными сказуемыми (34), реже с однородными членами, выраженными существительными (14). В последнем случае в качестве пограничных слов наиболее часто выступают причастные обороты (10).

Ослабляется смысловозначительная роль интонации при возможности нарушения количества однородных членов или их исчезновения. Пунктуация же фиксирует противопоставление однородных членов следующим типам слов и словосочетаний:

а) субстантивированным прилагательным (9): «В подвалах, где ютились *раненые*, женщины и дети, не было солнца» (Голубов). Ср.: раненые женщины и дети»;

б) связанным подчинительной связью двум предложно-именным сочетаниям (3): «Изучая литературу, мы побывали с Селихановичем всюду — среди оружейников Тулы, *в казачьих станицах на границе Дагестана*, под морозящим дождем «болдинской осени...» (Паустовский). Ср.: «в казачьих станицах, на границе Дагестана»;

в) наречиям, поясняющим наречия (3) или деепричастия (5): «Движенья его были размахистыми, слова звучали *бодро, по-домашнему* свободно (Николаева). Ср.: «бодро, по-домашнему, свободно». — «Они *неловко*, подталкивая друг друга, выбрались из комнаты» (Фадеев). Ср.: «неловко подталкивая друг друга»;

г) одиночным приложениям (10): «...ее страшлись, от нее отворачивались *офицеры, дворяне*» (Задорнов). Ср.: «отворачивались офицеры-дворяне»;

д) именам и отчествам в сочетании с фамилиями (3): «Государство было оставлено боярам во главе с *Львом Кирилловичем, Стрешневым*, Апраксиным, Троекуровым...» (А. Толстой). Ср.: «с Львом Кирилловичем Стрешневым»;

е) родительному падежу в значении принадлежности (9): «...воображение его рисовало московскую квартиру, *московских друзей*, лакея Петра, письменный стол (Чехов). Ср.: «московскую квартиру московских друзей».

3. Широко распространены в художественной литературе случаи, когда смешиваются однородные члены предложения и обособленные приложения. Запятые при этом не осуществляют смыслоразличительной функции, и различительная интонация может найти опору лишь в широком контексте: «Около дверей жмутся друг к другу слуги, дворовые княгини» (Н. Степанов). Когда деепричастный оборот (3) или одиночное деепричастие (2) оказываются однородными сказуемыми, в письменном тексте обычно нельзя вполне достоверно определить, с каким словом они связаны: «Налегли, гребут потея, управляют с шестом» (Твардовский).

4. Таким образом, обнаруживается закономерная зависимость между определенными грамматическими структурами и смыслоразличительной функцией интонации и пунктуации. Многое определяется и лексическими значениями отдельных слов, их способностью к двойной, но не одновременной синтаксической связи.

5. Наблюдения над смыслоразличением в области однородных членов имеют практическое значение. Используя соответствующие примеры в средней и высшей школе, мы показываем особенности и закономерности в связях слов; довольно широкое противопоставление однородным членам различных явлений и фактов грамматики создает условия для организации включенного повторения, для интересных сопоставлений; раскрывается значение интонации и вырабатываются навыки выразительного чтения; соответствующие примеры позволяют проверить развитие речевого слуха; обеспечивается понимание основной роли пунктуации (термин А. Б. Шапиро); активизи-

руется мышление учащихся и студентов благодаря интересному дидактическому материалу. Работникам печати, радио, вообще всем выступающим публично, полезно учитывать трудности в передаче мысли, которые возникают в определенных условиях.

Л. А. МЫЛЬЦЕВА

ВВОДНЫЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*(на материале произведений М. А. Шолохова,
К. Г. Паустовского, А. Н. Толстого, К. А. Федина)*

1. Одним из типов грамматических единиц, представляющих в речи второстепенный, сопутствующий план высказывания, являются самостоятельные предложения. Широкое понимание категории вводности как такой категории, «которая охватывает разные формы сопутствующих, побочных, сторонних звеньев в составе синтаксического целого» (Е. П. Седун), включает в состав вводных предложений и самостоятельные предложения с указанным значением.

2. Вопрос о вводных самостоятельных предложениях относится к проблеме сложного синтаксического целого. Однако, в работах, посвященных исследованию сложных синтаксических единств, рассматриваются связи между такими самостоятельными предложениями, которые лежат в одной семантико-синтаксической плоскости. Авторы диссертационных работ, статей, посвященных проблемам вводности на материале русского, а также английского и немецкого языков, не выходят за пределы синтаксиса отдельного предложения.

3: В литературе по современному русскому языку имеются отдельные замечания о самостоятельных предложениях, являющихся вводными. Л. А. Булаховский и А. Б. Шапиро отмечают смысловую связь их с контекстом в работах Л. П. Григорьевой и В. Тихомирова делаются замечания об их структуре, А. Г. Руднев выделяет вводные самостоятельные предложения в особый тип вводных конструкторов. В работе В. А. Ицковича анализируются семантические функции изолированных предложений, выступающих в функции вводных, которые встречаются в памятниках русской письменности с XIV в. по XVIII в. Естественно, что весь этот материал исследований необходимо учитывать в дальнейшем обращении к данной теме. Однако приходится считаться с тем, что вопрос о самостоятельных вводных

предложениях этими авторами решается с различных позиций и с разными заданиями, с не всегда согласуемыми оценками самого материала.

4. Анализ материала из произведений указанных писателей приводит к необходимости разграничить вводные самостоятельные предложения на зависящие в своем основном значении от грамматической природы компонентов предыдущего предложения (а) и на не зависящие от них (б).

а) Жизнь медленно возвращалась к Ивану Ильичу Телегину. (Он, помимо нервного потрясения, был ранен во многих местах крошечными кусочками стали от разорвавшегося снаряда). Вначале было забытье (Толстой);

б) — Да, — сказал Кирилл, немного отходя в сторону, — это, конечно, большая неприятность. Но тут главное осложнение в том, что . . . карты разных масштабов, (Он потрогал свою небритую верхнюю губу). На маленькой карте и далекое кажется близко (Федин).

Между двумя типами предложений существуют структурно-семантические переходы, например: Потом Зузенко поехал и сердито сказал: «Ну и холоду! Как в полярной тресконе! (Так он насмешливо называл все полярные страны). Веки смерзаются. . . (Паустовский).

5. Связь между вводным самостоятельным предложением и предыдущим или между вводным и предыдущим и последующим предложениями может выражаться посредством лексических показателей связи: повторов, иных названий субстанций, слов, указывающих на названную субстанцию. По лексическим показателям связи различаются предложения местоименные (полные и недостаточные) и именные. Вводные самостоятельные предложения по лексическим показателям связи аналогичны невводным самостоятельным предложениям в составе сложного синтаксического целого.

6. Структурно-семантические особенности вводных самостоятельных предложений, основное значение которых не зависит от грамматической природы компонентов предыдущего предложения.

а) Вводные предложения либо сообщают о внешних явлениях, сопутствующих высказыванию, либо выражают внутреннюю реакцию субъекта на высказывание или явление окружающей действительности, либо представляют замечания о форме и содержании высказывания. Перечисленные семантические группы имеют свои разновидности. Каждая семантическая разновидность характеризуется особыми структурными признаками.

б) Вводные предложения, представляя авторское повествование, внесенное в чужую речь, внутренним и внешним обра-

зом связаны с предложением из авторского повествования, предшествующим чужой речи (с вводящим чужую речь или невводящим).

в) Предложения, обладающие определенными семантическими и структурными особенностями, могут быть связаны и с предыдущим или с предыдущим и последующим предложениями посредством лексических элементов своей структуры.

7. Структурно-семантические особенности вводных самостоятельных предложений, основное значение которых зависит от грамматической природы компонентов предыдущего предложения.

а) По отношению к предыдущему или предыдущему и последующему самостоятельным предложениям вводное может выполнять следующие семантические функции: пояснительно-определятельную, определятельную, сопоставительную, причинную, пояснительную.

б) Вводное самостоятельное предложение представляет второстепенный, сопутствующий план высказывания по отношению к основному плану сложного синтаксического целого, в состав которого введено предложение. Сопутствующий план реализуется в несовпадении временного плана вводного предложения с временным планом предыдущего или предыдущего и последующего предложений. Это несовпадение выражается разными значениями форм прошедшего времени совершенного или несовершенного вида (для предложений с определятельной и причинной функцией). Возможно соотношение отрицательного значения действия, выраженного во вводном предложении, с положительным значением в предыдущем предложении (для сопоставительных предложений). Сопутствующий план выражается также степенью наполняемости содержания вводного предложения с обобщающим или конкретизирующим значением.

в) Все предложения связаны посредством лексических показателей связи с предыдущим или с предыдущим и последующим предложениями.

К. П. КУКУШКИНА

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНЫХ ТИПАХ ЧАСТЕЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1. Существуют различные факторы, обуславливающие наличие или отсутствие подлежащего как в придаточной, так и в главной частях обстоятельственных сложноподчиненных предложений:

а) структурные особенности сложноподчиненного предложения, и прежде всего — местоположение придаточной части;

б) дополнительная смысловая нагрузка и некоторые другие особенности;

в) сфера употребления сложноподчиненного предложения.

Главным, ведущим из перечисленных факторов является местоположение придаточной части в сложноподчиненной конструкции. Отсутствие подлежащего в придаточной или главной части определяется прежде всего тем, находится ли придаточная часть в препозиции, интерпозиции или постпозиции. Особенно четко противопоставляются препозитивное и постпозитивное положения придаточной части.

2. В придаточной временной, условной, уступительной и с определенными союзами — причинной части, стоящей в препозиции, подлежащее в 90% случаев наличествует, независимо от оттенков смыслового значения данных предложений, создаваемых как конкретным содержанием предложений, так и определенным видо-временным соотношением глаголов-сказуемых. Это положение в равной степени справедливо для сложноподчиненных предложений, используемых как в произведениях художественной литературы, так и в сочинениях научного и научно-публицистического характера: *Если он будет хорошо учиться и угодит католикам, он сразу же получит место ординатора при госпитале Сан-Мари* (Ильина, Возвращение).

3. Наличие или отсутствие подлежащего в интерпозитивной и постпозитивной придаточных частях обусловлено прежде всего сферой употребления сложноподчиненного предложения.

Сложноподчиненные предложения с придаточной временной, причинной, условной, уступительной частью, используемые в произведениях художественной литературы, имеют общую для них особенность: в их интерпозитивной и постпозитивной придаточных частях обычно отсутствует подлежащее, независимо от морфологического способа выражения подлежащего в главной части и разнообразных видо-временных соотношений глаголов-сказуемых в обеих частях: *И Дима, когда жил в Харбине, чуть не каждый день ходил к Нежданову* (Ильина, Возвращение); *Так чувствовал себя Матвей Веригин, когда приехал на побывку к отцу в Смоленщину* (Федин, Костер).

4. Названная тенденция нарушается крайне редко. Так, подлежащее используется в постпозитивной придаточной части (при наличии подлежащего в главной), если в главной части сказуемое именное, выраженное именем существительного или прилагательным в форме именительного или творительного падежа (либо кратким прилагательным): *Вот лежу — думаю: подозрительность сама по себе есть контрреволюция, потому что*

она подрывает веру в товарища и товарищество (Герман, Я отвечаю за все).

Наличие подлежащего с постпозитивной смысловой нагрузкой: подлежащее обусловлено дополнительной смысловой нагрузкой: подлежащее получает больший смысловой вес в связи с желанием говорящего или пишущего обратить особое внимание на лицо или предмет, характеристика которого в придаточной части приобретает основное значение.

Для некоторых видов придаточных наличие подлежащего в них обусловлено особенностями структуры данного вида сложноподчиненного предложения: порядком слов в главной части, определенным видо-временным соотношением глаголов-сказуемых главной и придаточной части, наличием в придаточной части слов и словосочетаний с определенным значением и другими особенностями.

5. В сложноподчиненных предложениях, используемых в сочинениях научного характера, преобладают конструкции (80%) с подлежащим в постпозитивной придаточной части (при наличии подлежащего и сказуемого): *Частотность имеет большое значение в математической статистике, так как она характеризует определенную динамику событий: совпадение их с нормой или отклонение от нее* (Левоник, Вопросы экономической геологии).

В главной части обстоятельственных сложноподчиненных предложений наличие или отсутствие подлежащего обусловлено определенными структурными особенностями сложноподчиненных конструкций:

1) в главной части сложноподчиненных предложений с придаточным временным и условным в препозиции подлежащее наличествует в тех сложных конструкциях, в которых союзу *когда* (или *если*) в придаточной части не соответствует частица *то* (так) в главной: *Когда Голубев вышел из бара, он увидел молодого человека, тоже в этот момент выходявшего из вертящейся двери Парк-отеля ...* (Ильина, Возвращение); *Если бы Володя был наблюдателем, он заметил бы, что Виктор изменился за эти годы. . .* (Ильина, Возвращение);

б) в главной части уступительных сложноподчиненных конструкций с препозитивным придаточным подлежащее имеется в тех сложноподчиненных предложениях, в которых уступительные отношения не осложнены противительными, и, следовательно, перед второй частью сложной конструкции отсутствует противительный союз *но*: *И хотя мальчик в глубине души предпочитал строевую подготовку или музыкальные занятия некоторым скучноватым урокам, он и в классе старался*

не отставать от других, боясь заслужить замечание командира (Смирнов, Брестская крепость).

7. На основании изложенного можно утверждать, что в сложноподчиненных предложениях с односубъектными частями неполнота одной из частей, выражающаяся в отсутствии подлежащего обусловлена структурой сложноподчиненного предложения.

Обусловленность отсутствия подлежащего в одной из частей местоположением ее в сложной конструкции дает основание утверждать, что существует два варианта типизирования модели сложноподчиненного предложения: в произведениях художественной литературы для препозитивного положения придаточной части и постпозитивного ее положения.

Препозиции придаточного типизированной моделью сложноподчиненного предложения будет такая, в которой подлежащее наличествует и в придаточной части и в главной: *Как только Таня будет лучше зарабатывать, она первым делом купит себе краски и мольберт* (Ильина, Возвращение).

При постпозиции придаточной части типизированной будет модель сложноподчиненного предложения с отсутствующим подлежащим в придаточной части: *Примерно так мог бы выглядеть Пьер Безухов, если бы очутился на улицах советской столицы* (Морозова, Одна судьба).

Для научного же стиля речи типизированная модель сложноподчиненного предложения одна — с подлежащим и в главной, и в придаточной части как в препозиции последней, так и в постпозиции.

Э. И. КОРОТАЕВА

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

1. Связь языка устной народной поэзии с языком художественной литературы исторически давняя, живая и многообразная. Крупицами общности языка литературы и фольклора являются народно-поэтические слова.

2. Использование стилистической пометы «народно-поэтическое» в Словаре под ред. проф. Д. И. Ушакова, в Словаре С. И. Ожегова, в Академических словарях (в 4-х и 17-ти томах).

3. Морфологический и семантический состав народно-поэтической лексики, зарегистрированной современными толковыми словарями.

4. Дополнительные материалы картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР позволяют уточнить или пополнить показания толковых словарей.

Л. П. СТУПИН

ИМЕЮТ ЛИ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ?

1.0. Как известно, уже давно ведутся споры о том, имеют ли имена собственные (ИС) лексическое значение. По этому вопросу наметились две диаметрально противоположные точки зрения.

1.1. Представители одной группы (Дж. Милль, Г. Амман, Е. М. Галкина-Федорук, А. А. Реформатский, Л. А. Булаховский, О. С. Ахманова, К. А. Левковская и др.) считают, что ИС, в отличие от имен нарицательных (ИН), никакого лексического значения не имеют, никаких понятий не выражают и всегда осуществляют лишь единичную номинацию: «один из ряда подобных».

1.2. Однако другая группа ученых придерживается того мнения, что ИС, кроме чисто указательной функции: «один из ряда подобных», имеют еще и сигнификативную функцию, то есть обладают (как и ИН) лексическим значением. К сторонникам этого взгляда принадлежат: Г. Суит, О. Есперсен, А. Петерсон, А. Гардинер, Е. Курилович, А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, Л. В. Щерба, и ряд современных лингвистов: В. М. Павлов, С. Д. Кацнельсон, Л. М. Щетинин, Т. Н. Кондратьева, О. К. Жданов и др.

2.0. Ученые, отрицающие наличие значения у ИС, основывают свои доводы на двух главных положениях:

а) ИС не раскрывают никаких признаков предмета, который обозначают; б) ИС не выражают никаких понятий.

2.1. Указывают (например, Н. А. Янко-Триницкая), что имя собственное, в отличие от нарицательного, не раскрывает никаких признаков, черт предмета: ни индивидуальных признаков обозначаемого, ни общих признаков, присущих данному классу, группе предметов. Другими словами, утверждается, что, если я слышу, что предмет называется «Борисом», то я абсолютно ничего не знаю о его свойствах, признаках, отличительных чертах. В то время как, если я слышу, что предмет называется «столом», то я знаю признаки этого предмета, отличающие его от других предметов.

На это можно возразить следующее. Во-первых, само звуко сочетание «стол» нам так же ровно ничего не говорит о свойствах данного предмета, как и звуко сочетание «Борис». Приписывание звукам каких-то значений находится, как известно, в противоречии с самой природой языка. Для того, чтобы знать предмет, надо знать не только его название, но и сам предмет. Во-вторых, когда я слышу слово «Борис» (зная заранее его как какое-то слово данного языка), то для меня этот элемент лексического состава языка связывается с определенным содержанием: я знаю, что этим словом можно назвать лицо мужского пола; я знаю, что это одно из мужских имен. Вот это самое содержание, вкладываемое каждым носителем языка (знающим данное слово) в слово «Борис», и будет отражать существенные признаки предмета, обозначаемого данным словом. Следовательно, имя собственное «Борис» указывает (как и любое имя нарицательное) на определенные свойства, признаки предмета, им обозначаемого. Мы не говорим уже о том богатстве признаков, которое будет ассоциироваться у слушателя с данным именем собственным в контексте.

2.2. Почти все исследователи заявляют, что ИС не выражают никаких понятий, в частности, не выражают общих понятий. Рассуждения сторонников этого взгляда, по-видимому, таковы: если ИС всегда только конкретны, если они каждый раз указывают только на данный предмет (Е. Курилович, К. А. Левковская и др.), то, следовательно, они не могут выражать никаких понятий, тем более общих. Между тем это далеко не так.

Слово в языке, как на это указывал еще В. И. Ленин, «уже обобщает»; «в языке есть только общее» (Философские тетради, М., 1947, стр. 256, 258). В речи же есть всегда только конкретное (за исключением, конечно, тех случаев, когда мы намеренно хотим выразить нечто общее).

Это положение как нельзя более ярко иллюстрируется в применении к ИС. Имя собственное в речи (например, личное имя «Борис» всегда конкретно, ибо всегда обозначает какой-то один предмет, какую-то одну специфическую индивидуальность. В языке же это имя собственное чрезвычайно абстрактно, общо, ибо потенциально может быть применимо к любому из ряда предметов, обладающих определенными свойствами (в данном случае к любому лицу мужского пола). На основании этого приходим к выводу о том, что имя собственное — такая же конкретная и такая же общая, абстрактная категория, как и имя нарицательное.

Таким образом, кроме индивидуальных понятий, которые образуются в конкретном акте речи (а наличие их давно установлено логикой, и вряд ли плодотворно их отрицать), ИС вы-

ражают еще и общие понятия, ибо они, как правило, всегда соотносятся в языке с определенным классом предметов: «Ивановым» не назовешь женщину; «Полканом — озеро, Николаем — гору. Как правило, каждое имя собственное имеет в языке какое-то общее значение: Борис, Николай, Сергей — мужские имена; Полкан, Каштанка, Джек — клички собак; Москва, Брянск, Саратов — названия городов.

Для языка не важно, что в речи, в данный конкретный момент «Ивановым» или «Борисом» зовется такой-то мужчина, а в следующий момент — другой, не похожий на первого. Для языка важно, что «Иванов» или «Борис» — это фамилия или личное имя лица мужского пола, принадлежащего, как правило, к русской национальности.

Таким образом, при слове «Иванов» или «Борис» каждый носитель языка неизменно связывает данные ИС с этим, а не каким-либо другим содержанием. Эти слова вызывают в его сознании какие-то определенные общие понятия: а) какое-то название (фамилия) предмета, принадлежащего к роду людей, причем мужского рода; б) другое какое-то название (личное имя) того же предмета.

Итак, тезис о том, что ИС не выражают понятий, по нашему мнению, несостоятелен

3.0. На основании рассмотренного, можно видеть, что мы присоединяемся ко второй точке зрения на ИС. Однако подчеркиваем свое понимание тезиса: «ИС имеют лексическое значение». Мы утверждаем, что ИС имеют значение, но не в контексте, не в речи (как, например, у О. Есперсена), а в языке. Лексическое значение имени собственного в языке — это общее понятие о ряде или классе предметов, каждый из которых (из предметов) может быть назван данным именем; в речи же это общее значение имени собственного каждый раз дополняется конкретным содержанием о том или ином отдельном предмете.

Л. А. КИСЕЛЕВА

ОБ ЭКСПРЕССИВНО-СИНОНИМИЧЕСКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

1. Выделение экспрессивно-синонимического значения как особого типа лексического значения, определение его сущности, установление круга носителей этого значения — вопросы, нуждающиеся в уточнении и обсуждении.

2. Если считать носителями данного значения стилистические синонимы, относящиеся к разным пластам, или слоям, лексики, что, как известно, и предложено В. В. Виноградовым, то нельзя признать достаточно мотивированной первую часть термина «экспрессивный». Экспрессивность не является обязательным свойством *всех* стилистических синонимов. Многие стилистические синонимы, закрепленные за книжными стилями и лишенные эмоциональной оценки, не обладают какой-либо экспрессией, когда используются в соответствующих стилях как номинативные средства языка.

3. Вторая часть термина — «синонимическое» — отражает существо данного В. В. Виноградовым определения экспрессивно-синонимического лексического значения: слова, обладающие таким лексическим значением, не имеют непосредственной направленности на действительность; они выражают свое значение не непосредственно, а через стилистически нейтральный синоним. Д. Н. Шмелев, развивая мысли В. В. Виноградова, включает в круг слов с экспрессивно-синонимическим лексическим значением и эмоционально-оценочные слова, считая, что оценочность невозможна без наличия в языке синонимов, лишенных оценки.

4. Утверждения об односторонней зависимости одних из членов лексико-семантической парадигмы находятся в противоречии с пониманием системности языка вообще и, в частности, с пониманием системного характера синонимического ряда, что предполагает не одностороннюю зависимость единиц, а более сложную семантическую зависимость (двустороннюю и многостороннюю), не исключающую качественного своеобразия каждой единицы в отдельности.

5. Положение о том, что оценочность невозможна без наличия в языке синонимов, лишенных эмоциональной оценки, противоречит факту существования эмоционально-оценочных слов, которые не имеют синонимов (такие слова составляют более 25% всей эмоционально-оценочной лексики).

По своим стилистическим свойствам эти слова различны: среди них есть не только а) стилистически нейтральные, но и б) книжные, в) разговорные, г) просторечные: а) *перестраховщик, капитулянт, карьерист, интриган, беспринципный, двурушничать, опозлиться, политиканствовать*; б) *вакханалия* (перен.), *властолюбец, клоака* (перен.), *величие, корифей, подвижничество, вдохновенный* и др.; в) *верхогляд, зажимщик, зубрила, паникер, вкусовщина, загиб, махровый* (перен.), *небрежничать, обюрюкратить, оригинальничать, остророжничать* и др.; г) *ведьма* (перен.), *дохлятина* (перен.), *ки-кимора* (перен.), *калымщик, пешка* (перен.), *обираловка, ошметки, затереть* (перен.), *нахальничать* и др. Существование

в языке слов последних трех групп ставит под сомнение закономерность, сформулированную М. В. Пановым: «слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда (выделено мною — Л. К.) имеют синоним в нейтральном».

Лексическое значение приведенных слов не может быть определено на основе их соотношения с синонимами, лишёнными оценки и стилистически нейтральными, так как они не имеют никаких синонимов. Было бы насилием над языковыми фактами считать, что такие слова не имеют непосредственной направленности на действительность.

6. Представляют интерес эмоционально-оценочные слова, имеющие только оценочные синонимы. Синонимические ряды подобного типа не содержат слов без эмоциональной оценки. Для некоторых из таких рядов характерно и отсутствие стилистически окрашенных слов: оппортунист — соглашатель, притворщик — лицемер — комедиант (перен.), вандализм — варварство. Оценочность подобных слов оказывается возможной несмотря на отсутствие в языке опорных единиц — их синонимов, лишённых оценки.

Примечательны среди данных синонимических рядов и такие, которые состоят только из эмоционально-оценочных слов, обладающих стилистической окраской, и не содержат слов стилистически нейтральных. Например: *разиня* (пренебр. разг.) — *растяпа* (недобр. прост.) — *шляпа* (пренебр. прост.) — *губошлеп* (бран. прост.). Приведенные факты также свидетельствуют о самостоятельной соотносительности с действительностью слов, обладающих эмоциональной оценкой и стилистической окраской. Эти слова имеют самостоятельное понятийно-предметное содержание, несмотря на то, что они соотносены друг с другом как члены единой системы — синонимического ряда.

7. Эмоционально-оценочные слова, в том числе и стилистически окрашенные, имеющие стилистически нейтральные синонимы без оценки, отличаются от последних не только эмоционально-оценочным содержанием и стилистическими свойствами, но и, как правило, своим понятийно-предметным содержанием. Например: *критик* и *критикан* (разг. неодобр.) — тот, кто огульно, придирчиво, несправедливо все критикует, *писатель* и *писака* (разг. презр.) — плохо, но много пишущий писатель, *борзописец* (ирон.) — тот, кто пишет наспех и поверхностно, *рисовать* и *мазать* (разг. пренебр.) — плохо рисовать, *говорить* и *мямлить* (разг. пренебр.) — говорить медленно, вяло, невнятно, *критиковать* и *критиканствовать* (разг. неодобр.) — критиковать огульно, придирчиво, несправедливо и др. Таким образом, вопрос о самостоятельности соотношения

с действительностью должен быть поставлен в отношении не только (и, может быть, не столько) стилистических и оценочных синонимов, сколько идеографических.

8. Если не сводить лексическое значение к понятийно-предметному содержанию, а рассматривать его как семантическую структуру («внутреннюю сторону», по терминологии А. И. Смирницкого), которая может включать в свой состав несколько ингредиентов, то самостоятельность лексического значения стилистических и эмоционально-оценочных синонимов выступает более отчетливо, чем самостоятельность соотносительных лексических значений идеографических синонимов. Стилистические, эмоционально-оценочные и нейтральные синонимы обладают лексическим значением разной структуры. Лексическое значение нейтральных слов сводится к понятийно-предметному содержанию. Лексическое значение эмоционально-оценочных слов, лишенных стилистической окраски, содержит два ингредиента: понятийно-предметное содержание и эмоционально-оценочное содержание. Лексическое значение стилистически окрашенных слов, не имеющих эмоциональной оценки, тоже включает в свою структуру два ингредиента: понятийно-предметное содержание и стилистическое свойство. Лексическое значение эмоционально-оценочных слов, обладающих стилистической окраской, содержит три ингредиента: понятийно-предметное содержание, эмоционально-оценочное и стилистическое свойство. Таким образом, соотносительность с действительностью эмоционально-оценочных слов и стилистически окрашенных более сложная, чем стилистически нейтральных слов, лишенных оценки, так как в их лексическом значении находит отражение соотношение с несколькими сторонами действительности (с понятием и предметом, с отношением говорящих к обозначаемому, к речевой ситуации).

В. П. ЖУКОВ

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. Как и слова свободного употребления, фразеологизмы не существуют вне живой речи: они обнаруживают вполне свой смысл лишь в определенном контексте, в сочетании с другими словами. Совокупность всех возможных сочетаний фразеологизма с другими словами как раз и обуславливает

появление чисто языковых признаков значения того или иного фразеологизма. Вместе с тем в сочетательных свойствах фразеологизма проявляется тесное взаимодействие фразеологической и лексической систем языка.

2. Связи и отношения фразеологизмов с другими словами не столь разнообразны и широки, как это можно наблюдать у лексических единиц. Во-первых, фразеологизмы по своей структуре сложнее обычных слов, так как состоят по меньшей мере из двух компонентов. При этом чем сложнее, многочленнее структура того или иного фразеологизма, тем ограниченнее сочетательные способности такого фразеологизма, и наоборот. Во-вторых, фразеологизмы в силу своей специфики обладают определенным «порогом устойчивости». Так, фразеологизмы с нулевой парадигмой обладают, как правило, наиболее ограниченной сочетаемостью. В-третьих, многим фразеологам присуще значение качественной оценки или характеристики. Чем характернее оценочное значение для фразеологизма, тем скорее он приобретает синтаксически обусловленное, или «предикативно-характеризующее значение» (В. В. Виноградов). Наконец, в-четвертых, словесные связи и отношения фразеологизмов с другими словами ограничены предметно-логически, то есть внелингвистическим фактором.

3. Поскольку фразеологизмы, по сравнению со словом, представляют собой качественно новую языковую единицу, то сочетание фразеологизма с другим словом образует особый тип контекста, который условимся называть фразеологическим контекстом. При реализации одних типов значения между фразеологизмом и ключевым словом или группой слов устанавливается прямая и притом необходимая синтаксическая связь, тогда как при других типах значений такой непосредственной связи не наблюдается. Иначе говоря, минимальным контекстом, в котором реализуются значения одних фразеологизмов, служит словосочетание предикативного или непредикативного типа, тогда как значения других фразеологизмов могут быть выявлены и на уровне словосочетания, и на уровне предложения.

4. Характер сочетаемости фразеологизмов с другими словами зависит от грамматической структуры фразеологизмов и от характера выражения опорного компонента, если он налицо.

5. Как свидетельствуют факты, фразеологизмы русского языка имеют те же основные типы значений, которые присущи и лексическим единицам.

Среди фразеологизмов необходимо выделить следующие типы значений:

- а) собственно свободное значение;
- б) контекстуально обусловленное;
- в) морфологически обусловленное;
- г) конструктивно обусловленное;
- д) синтаксически обусловленное;
- е) фразеологически связанное значение.

При выделении этих типов значений мы опирались на показания контекста, который служит языковым средством выделения и актуализации выделенного значения слова или фразеологизма.

6. В смысловой структуре любого многозначного фразеологизма сосредоточены однотипные или разнотипные значения. Однако в одном и том же фразеологизме никогда не концентрируются все типы значений одновременно.

7. Нередко в реализации какого-либо отдельного значения фразеологизма одновременно участвует несколько типов значения. Так например, морфологически обусловленный тип значения обычно совмещается с конструктивно обусловленным.

М. И. СИДОРЕНКО

СИНОНИМИЯ И ВАЛЕНТНОСТЬ

(по поводу одной теории синонимов)

Большинство исследователей лексических синонимов не учитывает вопроса о соотношении синонимии и валентности: устанавливая синонимические ряды, они исходят только из понятийной общности единиц, сочетаемость слов во внимание не принимают. Вследствие этого нередко синонимизируются единицы, которые в действительности синонимами не являются. Примером может служить синонимизация В. Н. Ключевой слов *борзый* и *поспешный*, понятийное содержание которых одинаково, а валентность совершенно различна: *борзый* конь, скакун и т. п., но не *поспешный* конь, скакун и т. п.

На основе валентности создал свою теорию синонимов В. А. Звегинцев («Замечания о лексической синонимии», Сб. «Вопросы теории и истории языка», ЛГУ, 1963). По его мнению, слова только тогда синонимичны, когда их сочетаемость абсолютно одинакова; если же одна единица сочетается с каким-либо словом, а другая нет, то в данной дистрибуции эти единицы не синонимизируются. С нашей точки зрения как недоучет валентности, так и ее абсолютизация не могут быть научно оправданными при установлении синонимичности единиц.

Валентность определяется предметной отнесенностью слова, зависит от нее: чем больше круг предметов, качеств или

действий охватывает единица, тем шире сочетаемость ее с другими словами. Следует различать валентность единицы в целом и валентность семемы, то есть ее значения. У моносемичных слов они тождественны, у полисемичных — не идентичны. Например, слово *кисть*, безотносительно к различиям внутри его семантической структуры, может сочетаться с такими словами, как *рука*, *виноград*, *скатерть*, *художник* и т. д. Но валентность его семем в большинстве случаев не совпадает: *боль в кисти* (руки), *съесть кисть* (винограду), *шелковая кисть* (скатерти), *рисовать кистью* (художника). Для теории синонимов важна валентность только семем, так как синонимизируются не слова, а их значения (ср. *идти* — «двигаться», *идти* — «продаваться», *идти* — «течь», но не *идти* — *двигаться* — *продаваться* — *течь*). Неразличение валентности слов и валентности семем может привести исследователя синонимов к фактическим ошибкам. Об этом свидетельствует, например, ошибочный вывод о несостоятельности и абстрактности предметно-понятийного критерия установления синонимичности слов, к которому пришел В. А. Звегинцев в результате дистрибуционного анализа синонимов *крепкий* — *прочный* — *твердый* (валентность слов *крепкий*, *прочный*, *твердый* различна потому, что их смысловая структура полностью не сближается. Эти слова синонимизируются только в отдельных значениях, например, в значении «нелегко разрушимый»).

Валентность синонимичных семем, как правило, совпадает (ср. *сметливый* — *смышленный* человек, рабочий, сын, студент и т. п.). Однако дистрибуционный анализ показывает, что валентность синонимичных семем в подавляющем большинстве случаев совпадает не полностью, причем не только у идеографических, но и у стилистических синонимов. Примеры: *близкое*, *далекое* б у д у щ е е, но не *близкое*, *далекое* г р я д у щ е е; *крутой*, *отвесный* о б р ы в, но не *обрывистый* о б р ы в. Причины здесь, видимо, много; и различия в оттенках значений, и стилистическая ограниченность, и традиционность словоупотребления, и собственно языковые закономерности и т. д.

Возникает вопрос: синонимичны ли семемы и в тех случаях, когда их валентность не совпадает. В. А. Звегинцев, вслед за Ст. Ульманом и другими сторонниками теории взаимозаменяемости, отвечает на него отрицательно. С этим трудно согласиться.

Если стать на точку зрения В. А. Звегинцева, то, во-первых, вопрос о лексической синонимии вообще снимается, так как она сводится в таком случае к синонимии словосочетаний (о чем недвусмысленно говорит и сам В. А. Звегинцев); во-вторых, если быть последовательным, то нужно будет признать, что слово имеет столько значений, сколько типов (моде-

лей) словосочетаний оно образует в речи. Но тогда стирается грань между значением слова и его употреблением, между фактом языка и фактом речи. В-третьих, так как конкретные словосочетания, воспроизводимые по определенным языковым моделям, выступают в качестве речевых единиц, неизбежен отказ от разграничивания языковой и индивидуальной валентности. Приведем пример. Одна из семем слова *карий* («темно-коричневый») имеет очень ограниченную валентность: в этом значении слово *карий* сочетается только со словами *глаза* и *очи*. Это общеязыковая сочетаемость. У Л. Толстого слово *карий* в том же значении употребляется распространительно, не-обычно с точки зрения языковой валентности — *карие лицо*: «Выражение «Началось! вот оно!» было даже и на крепком *карем лице* князя Багратиона» (Л. Толстой, *Война и мир*). Это уже факт речевой, индивидуальной валентности.

На наш взгляд, поставленный вопрос решается положительно. Синонимичные слова могут отличаться не только смысловыми оттенками, сферой употребления и т. д., но и шириной сочетаемости с другими словами. Нам представляется, что в языке нет так называемых чистых, абсолютных синонимов. Приводимый В. А. Звегинцевым пример подобных синонимов — *языкознание* и *лингвистика* — неудачен, потому что эти синонимы все же различаются по валентности: институт языкознания, но не институт лингвистики (хотя потенциально словосочетание *институт лингвистики* возможно, — но тем не менее мы так не говорим). Единицы нельзя признать синонимами, несмотря на их понятийную близость, только в случае полного несовпадения по валентности.

Р. В. ТУРКИНА

О ЗАВИСИМОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ОТ ИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

1. Практика семасиологических исследований свидетельствует о том, что невозможно рассматривать семантические процессы, происходящие в слове, в отрыве от его синтаксических свойств, что «различия в синтаксическом поведении слов указывают на наличие семантических различий в значении этих слов».

2. Особенно показательным в этом отношении является изучение синтагматических связей глаголов, значение последних в большей степени, нежели других частей речи, зависит от их синтаксической дистрибуции, так как многим глаголам свой-

ственно сильное управление (*брезговать кем-чем, ввериться кому-чему, добиться чего, любоваться кем-чем, ругать кого-что* и т. д.). Поэтому закономерно, что большое число глаголов характеризуется конструктивно обусловленным типом значения.

3. Изменение синтаксической модели может стать сигналом появления нового значения. (*Высидеть—высидеть кого-что, бегать от кого-чего, бегать за кем*).

Значение, реализующееся в определенной синтаксической модели, оказывается более конкретным, более частным, нежели значение, проявляющееся вне какой-либо конструкции, это связано с наличием обязательного определения, вносящего оттенок ограничения, детализации.

4. Характерным для семантической и структурной полноты конструктивно обусловленного значения слова является обязательность, непереносимость только данной конструкции, а значения другого рода могут появляться как в подобной конструкции, так и вне ее. Например, у глагола *отозваться* все значения, кроме основного, являются конструктивно обусловленными, требующими для своей реализации определенной модели: *отозваться на что-то, отозваться чем в ком-чем, отозваться на ком-чем, отозваться о ком-чем*. Свободное же значение лишено такой синтаксической замкнутости: *отозвался на крик. Отозвался (эхо) в лесу и отозвались подруги*.

5. Дифференциация прямого и переносного значения у полисемического глагола бывает в ряде случаев связана с неодинаковой сочетаемостью. Для каждого из значений характерны свои модели, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции друг к другу. Например у глагола *влиять* прямое значение конструктивно обусловлено (модель глагол + творительный падеж имени) — *влиять чем*, а переносное значение теряет данную конструктивную обусловленность. У глагола *разразиться* проявление прямого значения не обусловлено никакими специальными синтаксическими условиями, для реализации переносного *разразиться чем* требуется модель «глагол + имя в творительном падеже».

«Совокупность частных дистрибуций и соответственных семантических признаков и создает общую «сверхвалентность» таких полисемических глаголов.

6. В большинстве случаев конструктивная обусловленность, конкретизирующая значение слов, связана с развитием у него эмоционально-экспрессивной окраски, окраски сниженности, ибо конкретность как раз и свойственна разговорно-бытовой речи. Следовательно, эмоциональная характеристика, присутствующая определенному значению, тоже находит достаточное отражение в дистрибуции слова (*виснуть на ком-чем, вертеть кем-чем, обойтись без кого-чего* и др.).

7. У некоторых полисемических глаголов (с одинаковой конструктивной обусловленностью значений) изменение значений обуславливается не изменением синтаксической модели (она остается прежней), а иным характером зависимости слова, т. е. здесь налицо действие комбинированного лексико-синтаксического контекста. Так, каждое из двух значений глагола *гноить*, проявляющихся в одной и той же модели «глагол+винительный падеж имени без предлога», конкретизируется характером дополнения (одушевленный или неодушевленный предмет оно обозначает).

8. Различная конструктивная обусловленность способствует не только развитию многозначности у глаголов, но и расхождению их по значению, то есть благоприятствует появлению слов «омонимов» (*выжить — выжить кого-что, метить — метить в кого-что*).

Г. И. МИШУРОВА

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОНСТРУКТИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

*(модель „существительное+существительное
в родительном падеже“)*

1. Определенные синтаксические модели и лексические связи выступают не только для конкретизации значений слов, но и для их реализации. За теми значениями, которые реализуются в определенной синтаксической конструкции, мы оставляем термин акад. В. В. Виноградадова «конструктивно обусловленные значения».

2. Поскольку у слов «возможности их синтаксического функционирования в гораздо большей степени регулируются собственно языковыми факторами, чем их лексическая сочетаемость», наибольший интерес для анализа представляет рассмотрение различных синтаксических построений, конструктивно организующих лексические значения слов. Синтаксическая сочетаемость определяется как лексико-грамматической характеристикой слов (и, в первую очередь, принадлежностью их к определенной части речи), так и индивидуальными особенностями значения каждого конкретного слова.

3. Своеобразие имен существительных заключается в том, что конструктивная обусловленность характеризует лишь производные номинативные значения, причем для реализации значений наиболее типична модель «существительное + существительное в родительном падеже».

4. Для изучения вопроса о развитии у слов конструктивно обусловленных значений представляет интерес выяснение роли определенной синтаксической модели для реализации спорного и производного значений у одних и тех же тематических групп слов. Различие в лексической и синтаксической сочетаемости опорных и конструктивно обусловленных производных значений существительных (в конструкции с родительным падежом) позволяет выделить три группы слов.

5. Первая группа — имена существительные, не сочетающиеся в опорном значении с родительным падежом. Из сравнительно небольшого количества таких слов обращают на себя внимание существительные, обозначающие различные понятия, связанные с явлениями природы (*море, океан, пропасть, бездна, ураган, вихрь, буря, водоворот* и т. п.). Использование с родительным падежом приводит к появлению у этих слов конструктивно обусловленных значений: существительные, обозначающие «стихийное явление», развивают значение «движение», «проявление» (*ураган негодования, вихрь мысли, водоворот событий*), существительные со значением «безграничное пространство» — количественный семантический признак (*море людей, океан ржи, бездна дел*).

6. Вторая группа существительных характеризуется сочетаемостью с родительным падежом как в опорном, так и в производном значениях, причем синтаксическая модель «существительное + существительное в родительном падеже» выражает одни и те же отношения. Так, в словосочетаниях *табун лошадей, свора волков, стая уток* и *табун мальчишек, свора воров, стая туч* стержневое слово называет совокупность предметов, а зависимое — те предметы, из которых эта совокупность составлена. Изменение круга лексических связей приводит к сужению количественного значения: в словах с производным значением вместо значения «неопределенное количество» появляется значение «большое количество».

7. Третья группа — имена существительные, употребляющиеся с родительным падежом и в опорном, и в производном значениях, при различии отношений, выражаемых синтаксическими конструкциями с зависимым родительным падежом. Для существительных, обозначающих понятия, связанные с анатомическим строением живых существ, характерны, например, словосочетания со значением принадлежности (*сердце человека, мозг собаки, скелет вороны, голова рыбы* и т. д.)-

При метафоризации происходит развитие отвлеченного значения у названных слов: *сердце* — «центр, главная часть чего-либо», *скелет* — «основа, схема», *голова* — «передняя часть», *мозг* — «основное ядро» (*сердце области, скелет конструкции, голова колонны, мозг обороны*). Круг слов, с которыми теперь получают возможность сочетаться существительные, изменяется: в форме родительного падежа выступают неодушевленные имена существительные, конкретизирующие значение главного слова.

8. Если для реализации конструктивно обусловленных значений существительных первой группы достаточен чистый синтаксический контекст (конструкция с родительным падежом), то для актуализации производных значений слов второй и третьей групп необходим смешанный лексико-синтаксический контекст. Более детальное рассмотрение каждой из групп поможет изучению семантической классификации имен существительных.

С. Х. ИОФФЕ

О ПОНЯТИИ «СЛОВОФОРМЫ»

1. Обычное для русского языка понимание словоформы (*стол, стола...*, *бегу, бежишь...* и т. д.) является наиболее привычным, но не единственным. Очевидно, например, что В. И. Даль в своем словаре исходил из более широкого понимания словоформы, включая сюда словообразовательные варианты знаменательной морфемы в разных значениях (ощущаемых носителем языка именно как разные значения, а не иначе).

В лексикографии русского языка словарь В. И. Даля не был единственным примером указанного понимания словоформы. До Даля был «Словарь Академии Российской 1789—1794 гг.», а после Даля — вышедшие с 1950 по 1954 гг. три тома «Словаря современного русского литературного языка».

2. Следует отметить, что у специалистов по разным языкам представление о словоформах складывается иногда под влиянием факторов внешнего порядка. Так, например, для русиста (если он исходит из «узкого» понимания словоформы) **прибежать** и **убежать**, безусловно, два разных слова потому, очевидно, что у них разные префиксы (**при-** и **у-**). Переводы же этих слов на китайский язык — **паолай** и **паоцуй** — рассматриваются синологами как словоформы **пао** «бежать», но с разными модификаторами (**-лай** и **-цуй**), стоящими после **пао**

(как бы бежать+при и бежать+у). То есть русисты и синологи в данном случае понимают словоформу по-разному, в зависимости от препозиции или постпозиции служебных морфем.

3. Можно считать, что в русистике есть два понимания словоформы: «узкое» и «широкое». По-видимому, можно предложить и другое понимание, отличное от указанных.

Как известно, слово может быть многозначным, например, три значения слова бежать: 1) (он) бежал (по дороге), 2) (он) бегают (на длинные дистанции), 3) (он) бежал (из тюрьмы). Разным значениям бежать соответствуют разные словоформы (исходя из «широкого» понимания словоформы), или разные слова (если исходить из «узкого» понимания). Первому значению соответствуют: (он) бежал (по дороге)/перебежал (дорогу или через дорогу)/подбежал (к дороге)/убежал (с дороги или от дороги или на дорогу)/(его) беготня (по дороге); второму значению — (он) — бегун (на длинные дистанции),/(его) бег (на длинные дистанции); третьему — (его) побег из тюрьмы. Мы имеем как бы три слова бежать, различных по словоформам. Словоформы каждого из бежать включают словообразовательные варианты, тождественные по значению, а также словоизменительные формы каждого из вариантов (то есть словоформы в «узком» понимании).

Р. Н. ПОПОВ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С АРХАИЧНЫМИ ФОРМАМИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Значительное количество фразеологических словосочетаний современного русского языка, развившихся на основе народно-бытовой образности, например, таких, как *вот тебе (бабушка) и Юрьев день, с Иванову версту, драть как Сидорову козу, показать Кузькину мать, Филькина грамота, Емелина неделя, Попова свинья, Петровы батоги, Мамаево побоище*, а также *Шемякин суд, Тришкин кафтан, Демьянова уха* (по своему происхождению крылатых выражений), или *Николин день, Петров день, Ильин день, Антонов огонь* и других, служащих для обозначения старинных календарных дат и наименования болезней в языке народной медицины, устойчиво удерживают в своей структуре притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов, -ев, -ин*, образованные от собственных имен существительных.

В свободном употреблении данные формы прилагательных встречались лишь в грамматическом строе древнерусского языка; ср. например: «Се язъ, Есип Ондреевич, купил еси у Ивана у Злобы у *Ондреева* сына его село Ваганово в Володимерскомъ уезде...» (Из купчей грамоты конца XVI в.).

Постепенно эти прилагательные утрачивали функцию определения и подвергались процессу субстантивации. В той же грамоте наблюдается употребление притяжательных прилагательных как в роли определения к собственному имени, так и в роли наименования того или иного лица, сложившегося впоследствии в его фамилию.

Например: «А купиль еси то село зъ деревнями и со всемъ себе и своим детемъ впрокъ, без выкупа. А на то послуши: Иван *Непеицин*, да Булгак *Петров*, да Игнатеи *Яковль* сынъ Бестужова. А грамоту писал Одинец *Семеновъ* сынъ Моско-тиньева. А ся грамота бесъ печати».

В современном русском литературном языке эти формы прилагательных полностью субстантивировались и образовали основную систему наших фамилий: *Иванов, Петров, Сидоров, Савельев, Ильин, Кузьмин* и т. д.

Образование таких прилагательных современному русскому языку уже чуждо. Помимо фразеологических словосочетаний, они сохранились лишь в составе некоторых географических названий: *Магелланов пролив, Берингово море* и в научной терминологии: *Архимедов рычаг, Эвклидова геометрия*.

В свободных словосочетаниях современного литературного языка данные формы прилагательных уступили свое место либо сочетаниям существительного в именительном падеже с родительным принадлежности (*рычаг Архимеда*), либо оказались вытесненными полными формами (*поповская свинья*).

Архаичные формы притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов, -ев, -ин*, образованные от собственных имен существительных, удержаны также группой фразеологических единиц современного литературного русского языка, возникших отчасти на основе религиозно-культурных обрядов, отчасти на основе библейской мифологии.

Причем одни из них имеют яркую метафоричность, свойственную фразеологическим единицам: *дорого яичко ко Христову дню, Чертова дюжина, Иродово семя, принять Соломоново решение, прожить Аредовы веки, в Адамовы веки, лезть в Чертово пекло, наложить Антихристову печать, Иудин поцелуй, Ноев ковчег*; другие передают единое, слитное понятие, приближающееся к терминологическому, хотя и не лишённое определенной экспрессии: *слуги Христовы, Левитово колено*

(то есть духовное сословие), *Адамовы слезы* (то есть водка), *Адамово яблоко* (то есть выдающаяся вперед хрящевая часть гортани, кадык) и др.

Краткие притяжательные прилагательные с суффиксами: **-ов, -ев, -ин**, образованные от собственных имен существительных, встречаются, наконец, в составе фразеологических единиц современного литературного русского языка, возникших на основе античной (древнегреческой и римской) истории и мифологии и реже — на основе западноевропейской средневековой.

Таковы, например, фразеологизмы: *Ахиллесова пята, Аннибалова клятва, Геркулесовы столпы, Дантов ад, Прометеев огонь, Эзопов язык, Эоловы сыны, Ювеналов бич, Овидиевы превращения, Прокрустово ложе, (висит, навис) Дамоклов меч, разрубить Гордиев узел, чистить Авгиевы конюшни, прожить Мафусаилов век, Меркурьев жезл, Марсово поле, Венерин башмачок, Валтасаров пир, Ариаднина нить, Валаамова ослица, Буриданов осел, Пиррова победа, Панургово стадо, Пифагоровы штаны* и другие.

Тенденция к вытеснению «кратких» притяжательных прилагательных в современном русском литературном языке настолько сильна, что она захватывает даже устойчивые словосочетания, приводит к вытеснению в них архаичных форм прилагательных и замене их либо полными формами, по образцу других разрядов прилагательных, либо родительным принадлежностью имен существительных.

Эта тенденция распространяется на фразеологизмы типа *Танталовы муки, Прометеев огонь, Пиррова победа, Аннибалова клятва, Иудин поцелуй* и другие, где в именных компонентах содержатся притяжательные прилагательные с суффиксами **-ов, -ев, -ин**, образованные от собственных имен существительных, и, казалось бы, прочно обособившиеся в составе данных оборотов от норм современного грамматического строя.

Приведем несколько примеров на вытеснение архаичных притяжательных прилагательных в структуре указанных выше фразеологических единиц из языка художественной литературы и публицистики:

«Человек без темперамента, без *прометеевского огонька*, который только один и заставляет волноваться и беспокоиться, — хуже тряпки» (Писемский, *Взбаламученное море*). «Все же победы своего патрона он считал *победами Пирра*» (Станюкович, *Откровенные*). «Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца. Это была моя *аннибаловская клятва*» (Тургенев, *Литературные и*

житейские воспоминания). «Философия Маха относится к естествознанию, как *поцелуй Иуды* относится к Христу» (Ленин, Материализм и эмпириокритицизм).

Все три указанных выше группы фразеологических единиц широко освоены разными стилями современного литературного русского языка и часто используются как в языке художественной литературы и публицистики, так и в устной разговорной речи.

А. Н. ШРАММ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЧУВСТВО УДИВЛЕНИЯ

1. В настоящее время слабо изучены системные отношения в области лексики.

2. Для обнаружения системных отношений надо изучать не отдельные слова, а лексико-семантические группы слов, объединяющиеся в свою очередь в тематические словарные группы.

3. Изучение должно осуществляться как в синхронном, так и в диахронном аспекте, однако начинать следует с синхронического изучения.

4. Слова, входящие в исследуемую лексико-семантическую группу, рассматриваются в плане выяснения парадигматических и синтагматических отношений. Материалом для исследования послужили примеры, выбранные из произведений по преимуществу русских советских писателей, а также данные толковых словарей.

5. Рассматривались все части речи, выражающие чувство удивления: глаголы, существительные, прилагательные и наречия. Обнаружен полный параллелизм образования этих частей речи от глаголов удивлять, изумлять, недоумевать.

6. Синонимический ряд глаголов распадается на несколько подгрупп, различающихся лексическим значением, эмоционально-экспрессивной окраской и тем, является ли значение чувства в них первичным или нет.

Обнаружено передвижение в эту лексико-семантическую группу глаголов из тематической словарной группы со значением физического воздействия.

7. Невозвратные и возвратные формы глаголов (удивлять — удивляться) выражают различные «оттенки» значения: «вызывать удивление» и «испытывать удивление».

Этими «оттенками» значения обусловлена семантика подлежащего при них и прямого дополнения при невозвратных глаголах.

8. Синонимы-существительные новых слов не включают. Различия между ними семантические и обусловлены стремлением выразить разную степень чувства. В индивидуальном употреблении у слова не до ума не развивается новое значение, то есть намечается переход его в другую тематическую словарную группу.

9. Существительные, выражающие чувство удивления, чаще всего употребляются в творительном падеже с предлогом с и сочетаются с глаголами, обозначающими восприятие человеком окружающего, речь, мысль, режиссура — физические действия.

10. Среди имен прилагательных обнаруживается два ряда синонимов. Один — с общим значением «вызывающий чувство, названное производящей основой» (удивительный, изумительный, поразительный); другой — с общим значением «испытывающий чувство, названное производящей основой». Различия между синонимами внутри каждого ряда те же, что и у имен существительных.

11. У прилагательных-синонимов первого ряда развиваются новые значения «необыкновенный, необычный, из ряда вон выходящий», что также сближает их со словами другой тематической группы.

12. Аналогичное явление отмечается и у наречий, которые приобретают значение «необыкновенно, необычно, очень» (удивительно радостное чувство, поразительно похоже и т. д.).

13. Рассмотрение даже одной лексико-семантической группы слов позволяет обнаружить взаимосвязь между разными лексико-семантическими группами разных тематических словарных групп, то есть обнаружить проявления системных отношений в лексике современного русского языка.

Д. П. ВАЛЬКОВА

О НЕСКОЛЬКИХ ИТАЛЬЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вопрос об итальянских заимствованиях в русском языке современной лексикологией по существу не изучен: нет специальных исследований ни о лексических заимствованиях из итальянского языка, ни о фонетических закономерностях, ко-

торые свойственны италянизмам, проникающим в русский язык. Общепринятым является лишь мнение о том, что итальянские термины входят в состав современной музыкальной терминологии.

2. Большое число заимствований, в том числе и из итальянского, начало свою историю в русском языке с XVII—XVIII вв.

3. Имеющиеся в работах А. И. Соболевского и Н. Смирнова, И. Огиенко и других исследователей определения источников и хронологии заимствованных слов в ряде случаев страдают неточностью, в связи с чем создано недостаточно верное представление о роли отдельных языков в общем потоке заимствований XVII—XVIII вв. и об особенностях процесса заимствования в Петровскую и допетровскую эпоху; и такие представления до сих пор разделяются некоторыми языковедами, хотя за последнее время все чаще раздаются голоса о необходимости пересмотреть существующие точки зрения по этим вопросам (П. Я. Черных, Л. Гальди, В. М. Тамань, А. Рейцак и др.).

4. Данные хронологического, историко-литературного и фонетического характера говорят о том, что некоторые слова, до сих пор считающиеся заимствованными из польского, немецкого или французского языка, на самом деле, по-видимому, являются проникшими в русский язык из итальянского (*грот, фундамент, студент* и др.).

5. Роль итальянского языка в процессе освоения русским языком так называемой интернациональной лексики заключалась и в том, что итальянский язык во многих случаях придерживал употребление интернационализмов, проникших в русский язык через другие языки: *арсенал, анатомия, гвардия* и др.

Ю. В. СОЛОНИЦЫН

РАБОТА СО СЛОВАРЕМ В КУРСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Одним из важнейших навыков, которые должен получить в институте будущий учитель русского языка и литературы, является навык работы со словарем. Некоторый опыт в выработке такого навыка накоплен кафедрой русского языка Кировского пединститута.

2. В лекционном курсе ознакомление со словарями не ограничивается темой «Лексикография». Лексикографические сведения сообщаются попутно, в связи с другими темами.

3. На практических занятиях студентам постоянно даются задания, требующие обращения к разнообразным словарям. В докладе приводится примерный перечень таких заданий. Некоторые из них включают большое количество лексических единиц, значение которых должно быть усвоено студентами. Эти задания рассчитаны непосредственно на обогащение словарного запаса студентов. Задания, как правило, даются на дом. Проверка работы и анализ соответствующего языкового материала проводится на занятии.

4. Большое значение придается работе с «тематическим словарем», который включает 1 500 слов, объединенных в тематические группы: «Книга», «ИСКУССТВО», «Спорт», «Транспорт», «Политика и дипломатия», «Экономика и торговля», «Право», «Кулинария» и т. п.

М. А. ЗОНДЕЛЬ

СТИЛЬ ИЛИ СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА?

1. Понятие **стиль**—одно из самых сложных и неопределенных не только в лингвистике, но и в литературоведении. В лингвистическом аспекте термин этот чаще всего соотносится с понятием «функциональный стиль». Однако до сих пор нет общепризнанного и единообразного понимания его значения. В последнее время многие исследователи принимают определение функционального стиля как своеобразной «частной» системы внутри общей системы языка, представленной по образу и подобию языковой системы.

2. Если признать стиль системой языка, то в нем обязательно наличие всех признаков системности.

Значение языковой единицы как элемента системы определяется ее местом на двух осях: отбора (член парадигмы) и комбинации (член синтагмы). Следовательно, и стилистические единицы языка (подобно лексическим и грамматическим) должны тоже характеризоваться как парадигматическими, так и синтагматическими отношениями.

3. Однако стилистическая парадигматика и синтагматика характеризуют только лексический уровень языка, в области же грамматических единиц не удается с достаточной четкостью и последовательностью выделить стилистические оппозиции и подобию тех или иных единиц. Таким образом, из единиц языка лишь слово обладает стилистическим значением.

4. Стилистическое значение слова, как и лексическое и грамматическое, обусловлено также двумя факторами: возможностью выбора его из стилистической парадигмы, то есть его стилистическим соотношением с другими словами на основании стилистических подобий и оппозиций, и возможностью сочетания его с другими словами.

В области парадигматики отношения между стилистическими значениями слов характеризуются прежде всего супплементностью трех видов:

а) Супплементная противопоставляемость. Члены стилистической оппозиции восполняют друг друга тем, что обладают четко различающимися противопоставленными друг другу стилистическими значениями (очи — гляделки, воитель — вояка).

б) Синонимическая супплементность. Стилистические значения на целом ряде участков парадигматической системы могут восполнять друг друга тем, что они в той или иной плоскости воспроизводят друг друга, в тех или иных пределах являются взаимозаменяемыми (стилистически нейтральное значение может в каких-то случаях заменять стилистически окрашенное без изменения стилистической окраски контекста: Форум наших зодчих — форум наших архитекторов).

в) Супплементно-иерархические отношения. Одни стилистические значения выступают как более частные по отношению к другим. Стилистически нейтральное значение в данной парадигме является господствующим по отношению к стилистически окрашенному: сообщать ^{возвещать}
выкладывать

есть ^{вкушать}
уплетать.

5. Стилистические отношения в области синтагматики:

а) проявление стилистического значения слова в синтагме (разбушевало море — нейтральное, разбушевался пьяный — разговорное);

б) отношения стилистической несовместимости (фагоциты уплетают микробов).

На грамматических уровнях (морфологическом и синтаксическом) подобные виды отношений установить трудно, поэтому не представляется возможным говорить о системности единиц этого уровня в стилистическом плане.

6. Итак, слово как основная единица языка, наряду с лексическим и грамматическим значением, имеет еще и стилистическое (точнее — экспрессивно-стилистическое) значение, являющееся таким же обязательным элементом слова. Каждое из этих трех типов значений обладает своим означающим. Десигнатором лексического значения является семантема, грам-

матического — формена, экспрессивно-стилистического — словоформа целиком, так как стилистическая окраска может создаваться любой морфемой (очи, юнец, главарь, в отпуску, инженерá, слесаря).

Экспрессивно-стилистическое значение, подобно лексическому, может быть узуальным, которое с той или иной степенью точности регистрируется словарем, и okazjiональным.

7. Благодаря наличию в слове стилистического значения, оно и является основным стилеобразующим элементом языка. Элементы грамматической структуры, не обладая в стилистическом плане отношениями системности, не являются стилеобразующими элементами языка. Способность к стилеобразованию приобретается ими при функционировании в речи. вследствие особенностей их употребления (особой концентрации и комбинации), причем обязательно в сочетании со стилеобразующими лексическими элементами, которые являются своеобразными стилевыми, или как говорит Д. Шмелев, «условными сигналами» — основным, но не единственным средством создания стиля речи. Грамматические структуры становятся стилеобразующими только в результате стилистической актуализации в речи. «...теперь следует говорить уже не о «замкнутых» «стилях языка», а об использовании различных стилистических средств в различных «стилях речи». Подобная точка зрения высказывается Б. В. Горнунгом и рядом других исследователей.

8. Вывод. Хотя нами принимается дозъюнкция язык — речь, признать существование стиля языка не представляется возможным, поскольку не удастся установить определенную стилистическую систему на всех уровнях языкового выражения. Только на лексическом уровне язык обладает системностью в стилистическом плане. Поэтому стилеобразующим в языке является только слово, которое имеет, наряду с лексическим и грамматическим, еще и экспрессивно-стилистическое значение, обладающее своим десигнатором.

В речи при использовании в определенных целях стилистических возможностей языка стилеобразующие единицы языка сочетаются с проходящими стилистическую актуализацию различными языковыми единицами грамматического уровня и образуют определенную «целостную совокупность «фактов экспрессий», придающих особую смысловую «окраску» высказыванию сверх его основной семантической структуры», образуют определенную функциональную разновидность речи — стиль речи.

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ
СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

1. Поэтика личных собственных имен у Ф. М. Достоевского чрезвычайно своеобразна.

Проследивая русскую традицию художественного использования имен героев, убеждаемся, что в этом отношении Достоевский ближе всего к Грибоедову и Гоголю.

Грибоедов первый в русской литературе широко использовал значение не только фамилии, но и имени персонажа. Павел Афанасьевич Фамусов (Павел — лат. *raulus* — малый незначительный; Афанасий — греч. бессмертный) большой барин, значительный чиновник, но мал и незначителен как человек. Отчеством Афанасьевич Грибоедов как бы подчеркивает неистребимость фамусовщины в мире пошлости и низкоклонства.

Ближайший помощник Фамусова Алексей Степанович Молчалин, помощник не только в делопроизводстве, но и в насаждении низкоклонства и пошлости. В этом смысле он идет дальше своего патрона, тут он — венец фамусовщины (Алексей — греч. — помощник; Степан, греч. — венец).

Фамилии у Грибоедова обычно многозначны. Молчалин «не богат словами», но это не только показатель его ограниченности, «безмолвие» — его маска и оружие, «бессловесность» — средство сделать карьеру. С Лизой он говорлив, тут маска сброшена и обнаруживается нутро пошляка, наглеца и циника. Он многословен, но истинно человеческое в нем молчит.

Многозначны в комедии и другие фамилии: Фамусов, Скалозуб, Тугоуховский, Репетилов.

У Гоголя периода «Ревизора» и «Мертвых душ» в имени персонажа — большое обобщение, оно обычно связано с внутренней темой произведения. Зловещая тяжеловесность Собакевича, его мрачный дом с заколоченными с одной стороны окнами (намек на собачью конуру), его вещи, словно говорящие: «И я тоже Собакевич!» — все это вместе с именем превращают его в огромного сторожевого пса, охранителя реакции.

Широкое обобщение заключено и в именах других персонажей поэмы.

2. Достоевский, вслед за Грибоедовым, не раз использует значение имени героя в художественных целях. Не случайно, конечно, и герой «Бедных людей» и крестьянин Долгору-

кий — выразитель идеи «благообразия» («Подросток») носят имя Макар. (Макарий — греч. — блаженный). В первом случае знаменательность имени осложнена перекличкой с русской пословицей: «На бедного Макара все шишки валятся» («из меня пословицу сделали»).

Достоевский (как и Гоголь) чрезвычайно внимателен к звучанию имени. В имени Родион Романович Раскольников подчеркнутость аллитерации очевидна.

Как у Гоголя и Грибоедова, фамилии у Достоевского зачастую многозначны. Смердяков («Братья Карамазовы») — ничтожество, смердящая пошлость. Но он еще и двойник Ивана Карамазова, воплощение самой темной загнивающей стороны его я.

3. Новаторство Достоевского в области художественного использования собственных имен прежде всего заключается в том, что иногда значение и символика имен героев связывается очень сложным сплетением нитей с внутренней архитектурной его произведений, с их глубинным подтекстом, с их идейно-философской основой. Для Достоевского важен круг ассоциаций, связанных с именем.

Следователь Порфирий («Преступление и наказание») — двойник Раскольникова, воплощающий наполеоновское начало в нем, его жажду власти, отсюда его имя. Можно полагать, что образ пристава следственных дел Порфирия Петровича задуман в какой-то мере и как символ власти — порождения Петровской государственности, власти, подавляющей отдельную личность. Одновременно в отчестве Петрович содержится и намек на общность Порфирия Петровича с другими двойниками Раскольникова — Петром Петровичем Лужиным и полицейским Ильей Петровичем, прозванным «поручиком Порохом».

Первоначально символика имен в романе была прямолинейнее: в черновых записях Раскольников именовался Василием, позже царственное имя переходит к двойнику героя. Подобным же образом усложнено значение имен многих героев других произведений Достоевского.

Ф. С. ШАПИРО

ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦВЕТ, В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО

1. В языке советской эпохи почти все имена прилагательные, обозначающие цвет, стали употребляться в переносном значении и получили новую эмоциональную окраску.

Слова *красный, белый, желтый* — находят яркую обработку в языке произведений В. Маяковского предреволюционной и советской эпохи.

2. В языке поэта эти прилагательные вступают в новые синонимические отношения, невозможные при употреблении их в первичном значении.

Автор сближает слово *белый* — «контрреволюционный» с прилагательным *черный*, служащим для определения черносотенцев еще до революции. Параллельное употребление этих слов характеризует ярых врагов нового строя.

Субстантивированное прилагательное *зеленый* — «дезертир» примыкает по своему значению также к слову *белый*.

Прилагательные *желтый, розовый*, являющиеся названиями соглашателей, выступают в языке поэта как синонимы.

Выражением новых синонимических отношений являются созданные поэтом сложные прилагательные: *черно-белый, желто-розовый*.

Слово *красный* по своему значению и эмоциональной окраске сближается со словом *синий*, обозначающим цвет рабочих блуз.

3. Противопоставление прилагательных *красный*, с одной стороны, и прилагательных *белый, черный*, с другой, поэт использует для изображения резко разделенного мира в первые революционные годы.

Иногда противопоставление слов *белый* и *красный* Маяковский использует для создания сатирической характеристики своих персонажей. Важную роль при этом играет сочетание в одном и том же слове его прямого и переносного значения.

4. В переносном значении употребляет поэт и прилагательные, входящие в устойчивые словосочетания («Мы выбили *белых* орлов да *ворон*»).

5. Новый смысл придает Маяковский также словам, производным от прилагательных, обозначающих цвет, употребляемых обычно в первичном значении («Некто сел за *белизну*; («*Белизна* — «контрреволюция»).

6. Метафорически использует поэт фразеологизмы советской эпохи, имеющие в своем составе имена прилагательные в их новом значении («Волгам *красных* армий нету-устья»).

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕМУАРАХ
А. И. ГЕРЦЕНА «БЫЛОЕ И ДУМЫ»**

1. Освещение острых социальных вопросов своего времени, оценка общественных событий русской и европейской жизни, характеристика духовных и жизненных исканий передовых людей прошлого столетия, интерес к изображению личности человека в ее развитии, во всех ее проявлениях — все это нашло своеобразное отражение в интенсивном употреблении терминологической лексики в герценовских мемуарах. Введение этой лексики тесно связано с художественным замыслом произведения, с развитием художественного образа, органически вплетается в его создание.

2. Особенно обильно представлена общественно-политическая терминология (название разных политических учений, идейных и философских направлений, социальных групп, слоев, их представителей и т. п.), философская, юридическая терминология, термины естественных наук, химии, астрономии, географии, физики, искусства и др. Обилие терминологической лексики делает целесообразным составление словаря, отражающего специальную лексику в языке художественного произведения, которое занимает такое значительное место в истории развития русской литературы, русской общественной мысли.

3. Естественно, что названная терминологическая лексика неравномерно распространена в мемуарах: она очень ограничена в главах, повествующих о детских годах, о семейной драме, и чрезвычайно обильна в главах, где ведется повествование об идейной борьбе или разворачиваются размышления об исторических событиях. Терминологическая лексика преобладает на тех страницах, где излагаются философские рассуждения и заключения или даются публицистические комментарии.

4. В мемуарах «Былое и думы» можно обнаружить большое количество терминов, которые в середине XIX в. вошли уже в систему русского литературного языка. Вместе с тем интересно выделить сохранение той дублетности терминологии, которая имела место еще в научных статьях А. И. Герцена 40-х годов и отражала начальный период формирования того или иного термина (мещанство — буржуазия, реализм — материализм, солидарность — *solidarité*, дух — *geist* и т. п.). Такая дублетность объясняется, с одной стороны, художественными задачами отражения определенного периода русской

жизни, с другой стороны, условиями, в которых А. И. Герцен писал свои мемуары, то есть оторванностью от родной языковой среды.

5. Многообразно в мемуарах отражено переносное употребление терминологической лексики, характерное для развития русского литературного языка середины XIX столетия (социальная **артерия**, **пизмонтский слой**, **припадок** статистики, **резервы** ссылки и т. п.). Переносное значение таких слов обычно поддержано контекстом, новыми фразеологическими связями слова, отраженными в подборе определения.

6. Своеобразна и индивидуальна герценовская метафора, создающаяся на основе соединения терминологической лексики с лексикой других сфер употребления (алгебра идей, чувств и стремлений, IX, 9; «поэт и диалектик самовластья», VIII, 268; «гербарий логических теней», IX, 251; и т. п.). Сложная развернутая герценовская метафора создается не только на основе лексики искусства, медицины, в нее широко включена лексика естественных, математических, технических наук (см. например, X, 46; X, 346; XI, 75 и др.). Эта же лексика привлечена и для сравнений (см. IX, 289; IX, 211; IX, 30; XI, 79 и др.).

Р. З. КОМАЕВА

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ К. ХЕТАГУРОВА

1. Основоположник осетинской литературы и осетинского литературного языка К. Хетагуров — глубоко самобытный национальный поэт, с юных лет проявивший глубокий, разносторонний интерес к русской культуре, к русскому художественному слову.

К. Хетагуров писал не только на родном осетинском, но и на русском языке, которым владел в совершенстве. Русский язык для поэта стал вторым родным языком. Большая часть произведений К. Хетагурова, в том числе и публицистика, написана на русском языке.

Значение Коста-публициста очень метко определила М. Шагинян. В статье, посвященной творчеству выдающегося осетинского писателя, она назвала Коста «блестящим, одним из крупнейших и лучших творцов газетной публицистики», подчеркнув при этом, что «заметки и фельетоны Коста Левановича Хетагурова могут быть с полным правом названы классическими».

К. Хетагуров, страстный публицист, писавший статьи на важные общественно-политические темы, с большим мастерством использовал фразеологическое богатство русского языка. Исследователи языка его произведений (Л. М. Семенов, К. Е. Гагкаев и др.) отмечают, что постоянное обращение к фразеологии составляет одну из характерных особенностей его творческого метода.

2. Изучение состава фразеологических единиц публицистики К. Хетагурова показывает, что писатель в совершенстве знал русскую фразеологию и широко привлекал в свои произведения фразеологизмы, различные по лексическому составу, происхождению, экспрессивно-стилистическим свойствам.

Книжные фразеологические единицы в публицистике широко представлены крылатыми выражениями, афоризмами из художественной литературы: науки юношей питают (245), а ларчик просто открывался (80), злые языки страшнее пистолета (228), избави бог от этаких судей (224), у сильного всегда бессильный виноват (284), сейте разумное, доброе, вечное (292), не мудрствуя лукаво (151), все было бы смешно, когда бы не было так грустно (11) и многими другими.

Коста глубоко интересовался русской литературой, очень ценил русских писателей-реалистов. Изучение их литературного наследия способствовало росту его художественного мастерства.

Во фразеологическом составе публицистики имеются фразеологизмы церковно-книжного происхождения: глас вопиющего в пустыне (184), предать анафеме (21), посыпать пеплом голову (62), фразеологизмы, восходящие к греческой и римской мифологии: золотое руно (239), поклонение Бахусу (49), геркулесова сила (31) и др.

В публицистике К. Хетагурова особенно широко представлена разговорно-просторечная фразеология: ломать голову (27), затыкать уши (221), тянуть ляжку (297), вылететь в трубу (109), ни кола, ни двора (296), семья не без уроды (424), новая метла по-новому метет (9), старого воробья на мякине не проведешь (168), не было ни гроша, да вдруг алтын (67) и мн. др.

Основную массу фразеологических единиц Коста-публицист привлекает из общенародного источника.

3. Фразеологические единицы в публицистике Хетагурова выполняют различные стилистические функции. Одни из них используются для создания ярких, красочных характеристик: сеятели разумного, доброго, вечного (292), без вины виноватые (425), печальник горя народного (221), мелкая сошка (20), рыцари темной ночи (73), чудак большой руки (13) и мн. др.

Другие — придают речи образность, но в то же время краткость и лаконичность: «Цаголов, видимо, думает, что «открыл Америку» (219); «Секут так, что ой люли-малина» (383); «Сторож Б. тут как тут» (82) и т. п.

В публицистике фразеологические единицы используются в качестве сравнения, сопоставления, выполняют функцию образного выражения, служат средством создания метафоры и т. п. Например: «Население Кавказа, как и все человечество, чуть ли не с сотворения мира руководилось единственным правилом: «У сильного всегда бессильный виноват» (284); «Семья не без уroda» и именно этот урод мог больше, чем кто-нибудь затеять скандал. . .» (424); «Кто раньше из них обрадует ставропольцев — неизвестно. Быть может, все разом. И выйдет тогда по пословице: «Не было ни гроша, да сразу алтын» (57) и т. п.

К. Хетагуров нередко использовал фразеологические единицы в качестве заголовков своих публицистических произведений: «Говорят, что новая метла. . .» (11), «Избави бог и нас от этаких друзей» (224), «Ларчик, оказывается, не так просто открывался» (80).

4. Основные приемы использования общенародной фразеологии в публицистике К. Хетагурова своеобразны и оригинальны. Писатель разрушает структуру устойчивой фразы и включает отдельные компоненты ее в состав предложения в качестве членов предложения, изменяет традиционный порядок слов во фразеологизме, включает в состав фразеологической единицы новый лексический материал, сокращает ее компоненты и т. д. Например: «Вот и выходит, что корреспонденто «Биржевых ведомостей» хоть и слышал древними ушами древних стариков «звон» в Подгорном, да и не узнал, откуда именно раздавался он» (56); «Агитация, впрочем, не удалась, потому, должно быть, что избиратель не воробей — на мякине не проведешь» (168); «Но не для одних только этих заезжих «мудрецов» у нас довольно простоты, ее достаточно и для доморощенных факиров, которые проделывают над публикой такие фокусы, каким в нору позавидовать лучшему медиуму» (74) и др.

Особенно часто Хетагуров включал во фразеологическую единицу уточняющие, конкретизирующие слова: попасть в кривые лапы (282), тянуть нелегкую лямку (297), оказать крупную услугу (311), отбить у публики охоту (124), хранить, как говорится, за семью замками (326), прольет, конечно, не мало света (35), ларчик, оказывается, не так просто открывался (80).

Коста часто привлекал в текст сразу несколько фразеологических единиц: «Зато простым смертным, работающим в канцеляриях, конторах и тому подобных учреждениях, не жизнь, а масленица» (81); «...и тогда он, напрягая до крайней степени все фибры столичного своего организма, стал проливать потоки крокодиловых слез над «несчастливым» подсудимым, связанным по рукам и ногам» (272).

В некоторых случаях писатель приводит фразеологическую единицу не полностью, а лишь часть ее. Так, одна из статей Хетагурова называется «Говорят, что новая метла...».

• 5. Фразеологические единицы делают язык публицистики образно-выразительным, являются одним из средств идейного выражения.

Э. М. ШУСТОРОВИЧ

ЛЕКСИКА АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ХРОНИКИ ИОАННА МАЛАЛЫ

1. Изучение лексики древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы представляет значительный интерес по очень многим причинам и имеет весьма разнообразные аспекты. Лексика славянского Малалы привлекает внимание прежде всего с точки зрения литературной истории этого памятника и, наряду с другими сторонами его языка, может осветить вопрос о месте перевода Хроники (Болгария или Древняя Русь), времени появления ее на Руси, ее бытовании и роли в древнерусской литературе.

2. Особое место занимает античная лексика памятника; она свидетельствует о степени античной образованности Древней Руси, усвоении и осмыслении русскими книжниками и читателями античной, а через нее и всемирной (в объеме, доступном в ту эпоху) истории и культуры в связи с древнерусской историей.

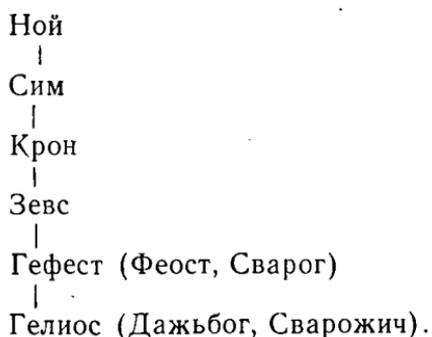
3. Античная лексика древнеславянского перевода Хроники в основном представлена именами собственными, среди которых нужно различать два слоя: а) имена мифологических персонажей (боги, герои) и б) имена исторических лиц (поэты, философы, государственные деятели).

4. Имена античных мифологических персонажей переплетаются с именами героев восточной (библейской, египетской, сирийской) и славянской мифологии, дополняют или поясняют друг друга, создавая стройную картину истории человечества.

5. В мифологическом слое античной лексики прежде всего нужно выделить имена, имеющие в переводе параллели в виде славянской языческой лексики. Это имена греческих богов, осмысленные переводчиком (переписчиком) как иноязычные имена известных ему представителей славянского языческого пантеона. Этот вид лексики по объему составляет наименьшую часть мифологического слоя, но по ценности содержащихся в нем сведений и по его значению может быть выдвинут на первое место:

а) антично-славянские параллели интересны для истории славянского, и прежде всего восточно-славянского, язычества и отношения к нему в первые века распространения на Руси христианско-византийской культуры (Гефест — Феост — Сварог, Гелиос — Дажьбог — Солнце — Сын Сварогов — Сварожич);

б) антично-славянские параллели характеризуют осмысление в мифологической форме всемирно-исторического процесса и исторических связей в свете феодально-христианской идеологии и современной переводчику (переписчику) исторической концепции. Предлагается следующая схема:

Согласно Слову о полку Игореве, русские — внуки Дажьбога. Таким образом, переводчик (переписчик) Хроники в наивной форме отразил распространенное в его время воззрение на связь древнерусской и мировой истории и место древнерусского народа среди других народов.

6. По литературной и художественно-стилистической функции античной лексики древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы, вероятно, может быть отнесен к тому направлению в древнерусской литературе домонгольского периода, которое представлено Словом о полку Игореве, Хождением Богородицы и Посланием Климента Смолятича.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Современные исследователи справедливо выделяют три основных периода в истории русского литературного языка: донациональный (XI—XVII века), период формирования национального языка (XVII — первая четверть XIX века) и период существования русского литературного национального языка в его современном виде (первая четверть XIX века — наши дни).

2. В донациональном периоде развития русского литературного языка В. В. Виноградов, Ю. Т. Сорокин, В. Д. Левин, А. И. Ефимов и другие специалисты в области русского литературного языка выделяют два этапа: язык Киевского государства и язык Московского государства, что обусловлено не различием структур литературного языка Киевского государства и литературного языка Московского государства, но различным соотношением литературных языков двух указанных периодов с живой речью. Исходя из понимания литературного языка как высшей формы народного языка, как языка нормированного, нормы которого даны в системе, а также исходя из понимания истории русского литературного языка как истории литературной обработки, творческого освоения народного языка, невозможно строить периодизацию литературного языка без учета основного фактора его развития — отношения к живой речи.

3. В Киевском государстве было три вида письменной речи: язык деловых документов, наиболее полно отразивший особенности живой речи восточных славян, литературно обработанный тип литературного языка, или древнерусский литературный язык, в основе которого лежит два источника: живая восточнославянская речь и старославянский язык, книжно-славянский тип литературного языка или церковнославянский язык, в основе которого лежит старославянский язык, подвергшийся на русской почве значительным изменениям. Все три вида письменной речи и два типа литературного языка Киевского государства очень близки друг другу (можно констатировать совпадение морфологического строя, наличие недифференцированного словарного состава для памятников всех жанров древнерусской литературы XI—XIV вв.). Тенденция сближения с живой речью — основная для литературного языка Киевского государства.

4. В Московском государстве (XV—XVII вв.) было два вида письменной речи: государственный приказной язык, отразивший особенности живой речи великорусской народности (качественно нового этапа в развитии живой речи, по сравнению с речью жителей Киевского государства), и литературный язык, усилением книжников сохранивший все грамматические и лексические особенности старого древнерусского языка, подвергшийся вторичной славянизации, далекий от живой речи великорусской народности. Тенденция расхождения с живой речью — основная для литературного языка Московского государства.

5. Однако нельзя полностью отождествлять живую речь великорусской народности с ее многообразными местными особенностями и государственно-приказной язык, с одной стороны, более нормативный, чем живая речь, с другой — более связанный с языковыми традициями прошлого.

6. Анализ сравнительно большого количества памятников XV—XVII вв. показывает, что в литературном языке Московского государства фактически перестает существовать различие между народно-обработанным типом литературного языка, или древнерусским литературным языком, и книжно-славянским типом, или церковнославянским языком, так как живые для киевского периода языковые формы (например, формы двойственного числа, звательного падежа, система прошедших времен глагола и т. п.) становятся архаическими, книжными, как и исконно книжные языковые формы (например, конструкция дательный самостоятельный, неполногласие, кальки с греческого языка и т. п.).

7. Два типа письменной речи Московского государства нашли применение в различных жанрах литературы Московского государства XV—XVII вв. (исторические повести, публицистические произведения написаны литературным языком этого времени, путевые заметки, донесения послов — государственно-приказным языком), в различных частях одного и того же памятника («Домострой»), в различных текстах одного и того же памятника в зависимости от темы повествования (переписка Ивана Грозного с Курбским, переписка Филарета с Михаилом Федоровичем, «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. Котошихина).

8. В XVI—XVII вв. можно констатировать наличие трех стилей литературного языка, дальнейшее развитие которых приведет к системе трех стилей XVIII в., описанной и обоснованной Ломоносовым в ряде своих работ, подтверждением этому может служить анализ драматических произведений XVII в.: высоких духовных драм, переводных драматических произведений и интермедий.

9. Во второй половине XVII в. возобладала тенденция сближения литературного языка с живой речью, создаются предпосылки для образования национального литературного языка, единого для всех видов устной и письменной речи, формирование которого относится к следующему периоду в истории русского литературного языка (XVII — первая четверть XIX века).

О. П. ЛИХАЧЕВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПОВЕСТИ «СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ»

1. Язык повести «Стефанит и Ихниллат» отличается значительным своеобразием. Для этой повести характерно обилие «звериной» лексики, которая и является предметом наших изысканий. Эта лексика поддается рассмотрению в различных аспектах, обусловленных литературной историей памятника, его текстологией, этнической и языковой средой, в которой памятник создавался и существовал.

2. Литературная история памятника очень сложна: несколько веков существования на востоке, путь от Индии («Панчатантра») через арабов («Калила и Димна») к грекам («Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης»). В XII в. это произведение попало от греков к южным славянам. Известны две южнославянские редакции памятника — сербская и болгарская. Вопрос о взаимоотношениях этих редакций еще не решен. На Руси памятник появился в XIII—XIV вв. и получил широкое распространение.

3. Своеобразие языка памятника определяется следующими обстоятельствами:

а) Памятник переведен с греческого языка. В тексте имеются грамматические и лексические гречизмы. С этой точки зрения можно наблюдать употребление названий животных. Интересно также своеобразное осмысление некоторых понятий из области тератологической лексики. Кроме того, текст имеет интерполяции, вводящие в него библейскую лексику с ее традиционно-символическим значением (овца, голубь).

б) Русский текст «Стефанита и Ихнплата» хранит следы южнославянской среды, в которой формировался памятник.

в) «Стефанит и Ихнилат» как произведение художественной литературы имеет словоупотребление, несколько отличное от присущего русскому литературному языку. Названия животных делятся на две группы — слова, соответствующие определенным реалиям, и слова, обозначающие литературный образ. В этом плане можно наблюдать отличия в оттенках употребления одного и того же слова.

г) Историю русского текста мы можем проследить на протяжении трех с половиной веков. Можно наблюдать семантические изменения лексики, особенно в плане большего отрыва от реалии.

4. По ряду признаков лексика делится на группы. Каждая из них может быть рассмотрена отдельно.

а) Слова русские, зафиксированные словарями уже в ранних памятниках, соответствующие существующим на Руси животным или касающиеся животных, известных на Руси понаслышке: блоха, верблюд, волк, вошь, вран, голубь, жаба, желва, заяц, змий, коза (или козлице), конь, котка, крагуй, лев, лисица, медведь, муха, мышь, пес, пчела, серна, телец. Эти слова полностью соответствуют греческому слову в оригинале: блоха — $\eta \psi\acute{\iota}\lambda\lambda\alpha$; верблюд — $\sigma\kappa\alpha\mu\eta\lambda\omicron\varsigma$; волк — $\sigma\lambda\acute{\upsilon}\chi\omicron\varsigma$; вошь — $\eta \varphi\theta\epsilon\acute{\iota}\rho$; вран — $\omicron \kappa\acute{\omicron}\rho\alpha\acute{\xi}$ и т. д.

б) Вторую группу составляют слова заимствованные, относящиеся к животным, которых на Руси не было: слон, леопардос, пифик, пситак.

в) Есть случаи, когда греческое слово оригинала, имеющее соответствия в русском языке, зафиксированное в памятниках и имеющее реалию, передается совсем другим словом, относящимся к другой реалии, то есть неверно переведено:

$\omicron \kappa\alpha\rho\kappa\iota\omicron\nu\omicron\varsigma$ (рак) переведено как еж (по-гречески $\omicron\epsilon\lambda\iota\nu\omicron\varsigma$), и от этого страдает смысл;

$\omicron\kappa\upsilon\lambda\iota\nu\omicron\varsigma$ (лебедь) переведено как жеравь (по-гречески $\delta \gamma\epsilon\rho\alpha\nu\omicron\varsigma$), здесь, по-видимому, связь с литературно-художественной нагрузкой слова.

г) Своеобразен выбор слов при переводе в случаях синонимичности слов и сходства их значений. Например: греческие слова $\omicron \iota\alpha\upsilon\rho\omicron\varsigma$, $\omicron \beta\omicron\nu\omicron\varsigma$, $\omicron \mu\omicron\upsilon\lambda\iota\varsigma$ переводятся одинаково — телец. Греческое слово $\omicron \iota\epsilon\rho\alpha\acute{\xi}$ переводится различными словами — крагуй, фалкон, орел.

д) Особо следует выделить группу непереведенных слов — отсутствующих в русском языке и не замененных иноязычными:

ο θως (шакал) — некий зверь (с раскрытием в тексте его признаков);

ο κροκοδειλος (крокодил) — ядовитый зверь.

5. Различие значений слов-образов можно проследить на некоторых примерах. Слова-реалии: представители животного мира данного места (волк, медведь, лисица), пища других животных (заяц, рыба), товар или рабочий скот (телец, конь, коза, верблюд) и т. д. — употребляются в тексте притч в общепонятном значении и несут вполне определенную информацию. Они часто используются в сравнениях (неразумы, как мухи, залетающие в уши еленанта; враждуют, как котка и мыш; кривой, как песья опашь). Слова-имена литературных героев не полностью соответствуют своей реалии, а имеют более широкое и более условное значение. Например, заяц (слово это употреблялось в памятникe и в реальном значении) как литературный образ — носитель хитрости и мудрости. Такая окраска образа не соответствовала русской фольклорной традиции. Характерно, что в одном из поздних списков повести заяц в этой притче вычеркнут и заменен лисцей. Образы животных в притчах очеловечены. Эта черта усугубляется в поздних списках и подчеркивается контекстом (в ранних текстах было: «древо, поверженное на земле, пригодно к чесанию уха», в поздних: «к сечению и к строению»). Отрыв от реалии был так силен, что явилась потребность в поздних списках сблизить персонажи с новыми реалиями, близкими переписчику — соболю, горностаю, белка, кот, заяц.

А. Г. ЧЕРКАСОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УНИФИКАЦИЙ ФОРМ ДАТЕЛЬНОГО, ТВОРИТЕЛЬНОГО И ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ СЕРЕДИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

1. Проблема унификации форм дательного, творительного и предложного падежей множественного числа имен существительных, несмотря на известную традицию в ее изучении, далека от своего решения.

2. Формы дательного, творительного и предложного падежей множественного числа имен существительных извлекались из языка московской частной переписки середины второй

половины XVII в., языка памятника, отражающего живую речь своего времени и относящегося к одному из этапов формирования русского национального языка. Дополнительно привлекался материал других исследователей.

3. По свидетельству изученного памятника, намечается ряд причин, определявших процесс изменения форм дательного, творительного и предложного падежей множественного числа существительных. Таковыми причинами представляются следующие: лексико-семантические, фонетические, структурные, грамматические, жанрово-стилистические, либо торжизившие рассматриваемый процесс, либо усилившие его ход.

4. Грамматическими факторами, влиявшими на историю форм дательного, творительного и предложного падежей множественного числа имен существительных, являлись род, число, падеж.

5. Категория рода имен обуславливала приобретение существительными новых окончаний. Например, в дат. п. в именах среднего рода повсеместно распространилась флексия -ами; у существительных же мужского рода ведущим являлось окончание -ом (*и писать Королевского Величества къ гетманомъ и къ полковникомъ — утерпитъ ли благодать его злобнымъ моимъ согрешениямъ*).

6. Интересно отметить, что существительные, употребляющиеся только во мн. ч., относительно широко оформлялись флексиями -ам, -ами, -ах (*в иныхъ отпискахъ ясаку и поминкамъ*).

7. Формы дат., твор. и предл. падежей не одновременно включались в процесс распространения новых окончаний. Например, в именах -и- основ. дат. п. по степени употребления новых форм превосходил предл. п. (сказали бы де по ея речамъ — и в поклетехъ двери и окна розкрыли; Тем же и язъ зазрехъ себе о прежде бывших твоихъ милостяхъ и любви).

Л. В. КАПОРУЛИНА

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ДВУХ РЕДАКЦИЯХ
«ПОВЕСТИ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»**

1. «Повесть о Савве Грудцыне» известна в 80 списках конца XVII — начала XVIII вв. Язык этого периода, характеризующийся сложным и своеобразным переплетением старого,

связанного как с нормами церковнославянского языка, так и с древнерусской архаикой, и нового, идущего в основном непосредственно из обиходного языка Московской Руси, давно привлекает к себе внимание исследователей. Интерес к «Повести о Савве Грудцыне» усугубляется тем, что она дошла до нас в двух редакциях, смысловое различие которых незначительно, языковое же, напротив,— очень значительно и сводится к разному количеству «книжных», «высоких» элементов в лексике, морфологическом и синтаксическом строе повести.

II. Объяснить это можно или тем, что вторая редакция возникла несколько позже первой, или же, при одновременности создания, особенностями чисто стилистическими. И в том, и в другом случаях сопоставление языка двух редакций повести полезно, так как оно дает представление или о специфике перераспределения различных языковых средств в языке XVII в., или же о процессе постепенного разрушения «высокого» стиля речи, к которому, несомненно, принадлежит первая редакция повести. Изучение языка одной редакции выявляет определенную систему слов и форм; сопоставление с языком другой редакции позволяет определить, в какой мере целостна данная система, какие звенья ее наиболее уязвимы, какие семантические и структурные нарушения возникают в ней.

III. Сравнение употребления различных глагольных форм в двух редакциях «Повести» обнаружило следующее:

1. **Нетождественность** системы прошедших времен. Различие касается прежде всего форм перфекта, которых во второй редакции в три раза больше, чем в первой. Используются они в ней в разных значениях (и в собственно перфектном), в любых предложениях, связка при этом употребляется чисто спорадически, не сохраняя старого значения, объединяются употреблением в одной конструкции, как правило, в прямой речи. Связка (обычно *еси*) опускается в немногих случаях. В качестве основной формы прошедшего времени в обеих редакциях выступает аорист, причем если во второй редакции чаще всего наличествует аорист третьего лица единственного и множественного числа, то аористные формы первой редакции очень разнообразны, по сути дела там представлена вся парадигма, есть даже второе-третье лицо двойственного числа. В обеих редакциях встречаются преимущественные аористные формы правильного образования, изредка наличествует третье лицо бысть (в отличие от частицы *бы*), от жити — живе, от дати — даде. Однако даже в первой редакции нередко аористные формы единственного числа относятся ко многим лицам, и наоборот, а кроме того, аорист может быть использован в значении причастия (в списках соответствуют причастные образования),

а во второй редакции прибавляется частое употребление аориста в несвойственном ему значении (в значении имперфекта; например; любопытны также такие замены, как *иде* — *отиде*) и, что особенно важно, замена аориста перфектом. Имперфект в обеих редакциях очень часто смешивается с причастием, а во второй редакции может употребляться еще и параллельно с формами настоящего времени (объединяется с формами настоящего времени союзом **И**). И в той, и в другой редакции обычны неправильные формы имперфекта (*любяще, бегаху, помогаше*), двойственное число отсутствует, первое и второе лицо единственного и множественного числа встречаются крайне редко, формы третьего лица единственного числа постоянно относятся ко множественному числу. В языке второй редакции, кроме всего этого, форм имперфекта в два раза меньше, чем в первой, а в списках обычна замена их перфектом.

2. Отличия в использовании форм настоящего времени, в различных значениях (от будущего до *praesens historicum*) используемого в «Повести» очень широко. Например, обычное в обеих редакциях окончание второго лица единственного числа **-ши** заменяется **-шь** только в языке второй редакции. В языке второй редакции форма *есть* относится к разным лицам, первая редакция представляет правильные старые формы атематических глаголов (наличествуют *ув(«ять»)сть, имать, даси* и пр.).

3. Отличия в образовании форм сослагательного и повелительного наклонений. Первое в обеих редакциях образуется при помощи частицы **бы** (даже в первой редакции возможны формы типа: *азъ бы сказалъ*), но частица **б** (с редукцией конечного гласного) имеется лишь во второй редакции. Редукция конечного гласного в повелительном наклонении также шире отражена второй редакцией. Кроме этого, при сравнении выявились соотношения типа: *пов(«ять»)ждь* (I) — *пов(«ять»)дай* (II), *подаждь* (I) — *подай* (II) и т. п.

4. Архаичность системы причастных форм. Особенно в языке первой редакции часты образования типа *сый, св(«ять»)дый, оставль, вземъ, приемъ*, склоняемые формы причастий на **-л-**, винительный единственного числа мужского рода типа *зовуць*, отсутствовавшие уже в живом языке XVI в., а может быть, еще раньше. Причастные формы часто функционируют там как сказуемые. Во второй редакции таких форм значительно меньше (например, формы типа *оставль* совсем отсутствуют), кроме того, язык этой редакции явно свидетельствует о превращении кратких причастных форм в деепричастия.

5. Несоответствие в образовании неизменяемой инфинитивной формы — в языке первой редакции в качестве показателя

инфинитива выступает суффикс **-ти**, суффикс **-ть** единичен, во второй редакции **-ть** — обычное явление, к тому же там отсутствуют такие старославянские образования, как *реци*, *помощи* и т. д.

IV. Совершенно очевидно, что проделанное сопоставление не даст представления об изменении живого языка рассматриваемого периода, ибо ни первая, ни вторая редакция не являются образцом обиходного языка конца XVII — начала XVIII вв. и даже более раннего времени (в чем убеждают сравнения с исследованиями языка в XVI и середине XVII вв.). Оно представит лишь отдельные элементы живой речи, поскольку сущность языковой переделки повести, несомненно, заключается в постоянной ориентации на живой разговорный язык Московской Руси того времени.

Р. А. ГУРМУЗОВА

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

*(конструкции «что касается... , то» в языке
И. А. Крылова)*

1. Сложные конструкции с оборотом «что касается... , то» Академическая грамматика первая выделила в особый структурный тип сложного предложения с лексико-синтаксическими средствами связи. Это было подготовлено частными наблюдениями русских грамматистов XVIII—XX вв. (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Н. Греч, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. Б. Шапино и др.), указавших на ряд дополнительных средств связи, сходных с союзами, в составе сложного предложения.

2. Как отметил И. Срезневский, оборот «иже касается... , то» был известен уже в «Послании» митрополита Никифора к Владимиру Мономаху (XII в.). В научной лингвистической литературе упоминание этого оборота содержится у Н. Греча. Наблюдения А. Потебни показывают, что в древнерусском языке оборот «иже касается... , то» имел ограниченное употребление. Гораздо шире использовался именительный «самостоятельный» и «самостоятельное» неопределенное наклонение для выражения «касательства». Наблюдения А. Потебни позволяют предполагать, что оборот «что касается... , то» возник путем постановки союза «что» перед именительным «самостоятельным».

3. В XVII в. оборот «что касается... , то» получает широкое употребление, но сохраняет элементы архаичности, разнообразие лексического состава — союзов и частиц: (А) что (же) касается... , и (то) (сие)... — Г. И. Герасимов). Оборот выступает в функции дополнительного придаточного и придаточного подлежащего, соотносительное местоимение «то» имеет падежные формы, глагол «касается» управляет местным падежом имени с предлогом «до»: (А) что (же) касается о... , и о (том...).

4. В литературном языке XVIII в. оборот «что касается... , то» подвергается фразеологизации. Окончательное оформление и стабилизация сложных конструкций с оборотом «что касается... , то» падает на конец XVIII — первую треть XIX в.

5. В языке И. А. Крылова оборот «что касается... , то» отличается своеобразием и имеет следующие особенности:

а) варьированье элементов лексического состава; б) колебание в управлении; глагол «касается» управляет родительным падежом с предлогом «до»; в) осложнение оборота усилительными частицами (же, ж) в стилистических целях; г) варьированье частиц (то, так); факультативное употребление частицы «то»; д) инверсивная постановка дополнения; е) богатая синонимика оборотов со значением «касательства»; ж) И. А. Крылов впервые ввел просторечный оборот «что до... , то» в литературный язык, соединив здесь книжную и народную стихию; з) обороты «высокой» книжной речи «что касается... , то» и «что принадлежит... , то» используется И. А. Крыловым исключительно в прозаических повествовательных жанрах («Почта духов», «Ночи», «Каиб»); оборот «что до (меня)... , то» — в баснях и комедиях, что объясняется народно-разговорным характером языка этих жанров в творчестве И. А. Крылова; и) преобладание оборота «что до (меня)... , то» над «что касается... , то», что обнаруживает тяготение И. А. Крылова к народному варианту оборота — «что до (меня)... , то».

6. Анализ сложных конструкций с оборотом «что касается... , то» в языке И. А. Крылова показывает, что развитие этого оборота в XVIII в. шло по пути грамматизации его лексических элементов и упрощения его структуры: исчезновение начинательно-присоединительных союзов (а, и) перед оборотом, переход местоимения «что» в союз и местоимения «то» — в частицу, утрата лексической знаменательности глагола «касается», превращение оборота в союзно-относительные слова, близкие по значению к союзу «если... то», и окончательное вовлечение фразеологического оборота «что касается... , то» в число лексико-синтаксических средств оформления подчинительной связи.

7. В современном языке оборот «что касается... , то» имеет ограниченное употребление. Характерным является исчезновение архаичных конструкций «что принадлежит... , то», изменение в управлении глагола «касается» (исчез предлог «до»), более редкое использование коррелятивной частицы «то».

Г. Н. МОЛОТКОВА

ТИПЫ ПЕРИОДОВ В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ XVIII ВЕКА

1. В ораторской прозе XVIII в. выделяются два основных типа периодов. С одной стороны, это период в традиционном его понимании, представляющий собой многочисленное сложное предложение, распадающееся на две основные, четко размещенные части соответственно его смысловому, структурному и интонационному членению (см. похвальные слова Ф. Прокоповича, Ломоносова).

С другой стороны, это построения, состоящие из ряда однотипных, как правило, простых или сложных предложений, объединенных параллелизмом частей и относительной смысловой законченностью, самостоятельностью (см. похвальные слова Ф. Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова, Карамзина).

2. Общими чертами являются эстетически упорядоченное членение, многочленная форма, однотипное оформление членов периода, их относительная соразмерность наряду с другими риторическими достоинствами.

Членение на две основные соотносительные части является неотъемлемой особенностью периодов, состоящих из ряда однородных главных или придаточных предложений с соответствующим им главным или придаточным предложением. Для периодов, состоящих из ряда однотипных простых или сложных предложений, членение на две соотносительные части также характерно, но вторая часть периода в структурном отношении не всегда является обязательной. Она может быть частью сложного предложения, может представлять собой самостоятельное предложение, объединенное с периодом не только лексически, но и грамматически.

3. а) Однородность структуры членов периода, состоящих из ряда придаточных предложений, выражается в повторяющихся, как правило, синонимичных союзах или союзных словах с соответствующими им соотносительными словами в главном предложении, в единстве грамматических форм сказуемого.

Вторая часть периода представляет собой простое или сложное предложение, иногда организованное по типу периода.

б) Простые или сложные предложения, входящие в состав периода, имеют однотипное оформление, объединены параллелизмом частей.

Члены периода могут соответствовать друг другу по количеству членов предложения, их расположению и морфологической соотнесенности. Лексико-синтаксические единоначатия и соответствия в виде синонимических рядов сказуемых и целых предложений также объединяют члены периода.

Члены периода могут быть объединены только лексически или лексико-синтаксическими единоначатиями.

Периоды, состоящие из ряда простых или сложных предложений, иногда соответствуют абзацу, обладая относительной смысловой законченностью и самостоятельностью.

Г. Н. АКИМОВА

ТИПЫ ТРЕХЧЛЕННОГО СКАЗУЕМОГО В ЯЗЫКЕ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

*(на материале произведений Кантемира,
Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова)*

1. Вопрос о сказуемом, состоящем из трех и более частей, в последнее время привлекает внимание лингвистов (см. Грамматику АН СССР, Синтаксис, изд. МГУ, 1958 г., а также работы Р. В. Протогеновой, Г. Н. Несиной, Г. П. Домашенкиной, С. А. Хаврониной). Однако остается еще много нерешенного в трактовке самой природы таких сказуемых в современном языке и их истории.

2. В данной работе рассматривается только тот тип многочленного сказуемого, который был назван еще А. А. Потемной «трехсоставным», третий компонент в нем выражен именем: *хочу быть артистом, желает показаться умнее* и т. п.

На первый взгляд, такое сказуемое как бы совмещает структуру глагольного и именного, на самом деле оно ближе к именному, так как вещественная сторона сказуемого выражена в его последней, именной части. Первые же две части являются как бы *сложной связкой*. В отличие от двухчленного, в таком сказуемом есть дополнительные модальные оттенки, привносимые туда первой частью.

3. В языке середины XVIII в. эти сказуемые имеют свои особенности. В отличие от современного трехчленного сказуемого они менее разнообразны и встречаются значительно реже. Трехчленное сказуемое в исследуемом материале отличается и от двухчленного именного той же поры прежде всего более книжным характером. Это выражается в следующем: 1) В трехчленном сказуемом больше представлены архаические элементы в разных компонентах и в сочетании компонентов. Больше всего архаики в первой части. Это либо лексическая архаика (*долженствует, соизволит, дерзает, возможет, похочет, повинен* и т. п.), либо грамматическая, когда в первой части встречаем глаголы хотя и сохранившиеся в современном языке, но переставшие употребляться в подобной функции (*стеречься, верить, стать, иметь* и т. п.). 2) Часто наблюдаем инверсию частей сказуемого (*скареее быть может, сохраняем быти должен, наблюдаемо быть долженствует* и т. п.). 3) Преобладает настоящее время сказуемого. Это настоящее постоянное, оно связано с употреблением трёхчленного сказуемого в произведениях делового, научного, эпистолярного жанров и, реже, в художественных произведениях, особенно близких к разговорному языку.

4. Отдельно следует отметить трехчленные сказуемые, представляющие синтаксические галлицизмы и уже в XIX в. вышедшие из употребления: *кажется быть важнее, вредно быть представляется* и т. п. Эти сказуемые носят еще более именной характер, так как даже первый компонент их является глаголом связочного полузнаменательного значения. Стилистическое употребление их в исследуемом материале ограничено.

И. Я. САХАРОВ

ИСТОРИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XIII вв.

1. Памятники XI—XIII вв., при всей их малочисленности, очень выразительно отражают процессы специализации имеющихся и формирование новых союзных средств связи. Так, в специализированной функции сочинительных средств связи выступают в памятниках этого периода *и, ни-ни, но, паче*, в функции подчинительных — *аще, вьньгда, егда — тъгда, зане, иже, который, кто* и др. Недифференцированно по типам связи используются для выражения как сочинительных, так и подчинительных отношений такие средства, как *а, бо, да* и др.

В совмещенном значении различных частиц и союзных средств отмечены *а, да, же, ли* и др., включая и анафорическое употребление некоторых из них.

2. Для XI—XIII вв. отмеченная специализация средств связи, имевшихся ранее, не согласуется с какими-либо иными определенными структурными показателями сочинения или подчинения, и использование их соотносится лишь с соответствующими смысловыми отношениями частей. Сложная смысловая зависимость одной части от другой оформляется нередко механическими комбинациями средств связи разного типа, к тому времени уже определенного, или тех, которые определяются как разнотипные в следующем периоде (начиная с XIII в.). Сюда относятся *бо-но, его же, даже -и, и-бо* и т. д., причем они еще также не связываются с какой-либо специфической конструкцией предложения в целом. Датировать появление подобных комбинаций как средств связи не представляется возможным: количественная ограниченность фактов позволяет только констатировать их существование в XI—XII вв. Обращает на себя внимание сочетание *и-бо*, явно сопоставимое с союзом *ибо*.

3. Памятники XIII в. позволяют говорить о грамматикализации смысловых отношений прежде всего в области сочинения, проявляющейся в выработке структур частей и структуры сложного предложения в целом. Прослеживается структурная соотносительность компонентов разных частей (подлежащее—имя и подлежащее—местоимение; подлежащее первой и второй частей и подлежащее—обобщающее слово с определением ко всем подлежащим—в третьей части; четкая соотносительность сказуемых со своими подлежащими; опускание сказуемого, представленного в одной части, в другой части; выделение составов и соотносительность предикативных единиц). Этот факт дает возможность понять продолжающееся механическое совмещение разнотипных средств связи как отражение формирования структуры подчинения в сочинительных конструкциях.

4. XIII в. своими материалами в единстве с данными XI—XII вв. свидетельствует о расчленении сочинительных построений на собственно сочинительные и подчинительные конструкции с соответствующими структурами. В частности, в XIII в. отмечаются собственно соотносительные слова в структуре главной части, не сливающиеся в дальнейшем в единый союз (*тот, который; тот, что*). Для сложноподчиненных предложений становится устойчивым употребление двойных союзов, что определяется относительной структурной четкостью соответствующих частей. Видимо, типизация структур приводит к

уменьшению объема сложноподчиненных предложений как рассматриваемого, так и иного происхождения.

5. Противопоставление сложносочиненных предложений и сложноподчиненных проводится последовательно в случаях закрепления за выражением определенных смысловых отношений, например, присоединительных, соединительных и др. При наличии смысловых отношений, равно передаваемых как сложносочиненными, так и сложноподчиненными предложениями, разграничение типов предложений затрудняется смешанностью или недостаточной выявленностью структурных показателей. Таким образом, структурная определенность связана с грамматикализацией сложившихся смысловых отношений. Структурная и формальная неоформленность типа сложного предложения не дает оснований для выделения конструкции нанизывания, поскольку она связывается лишь с внешним формальным показателем и не определяется какой-либо типовой структурой.

Порядок частей сложноподчиненного предложения нельзя считать установившимся для XIII в.

6. В XIII в. в той или иной степени структурно оформлены сложноподчиненные предложения с типизированными смысловыми отношениями временного, локального, условного, причинно-следственного, целевого, объектного и определительного плана. Количественная недостаточность союзов в ряде случаев дает о себе знать совершенно определенно, что относится прежде всего к временным союзам и некоторым другим. Недостаток временных союзов ощущается особенно ясно ввиду разрушения древнерусской системы времен и непоследовательности в употреблении видовых форм.

Б. Н. ПАВЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЯХ КАКО и ЯКО В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В работах по синтаксису древнерусского языка **како** и **яко** обычно определяются как слова, близкие не только в функциональном, но и в семантическом отношении, несмотря на их полисемантизм.

Сопоставление функций и значений **како** (**как**) и **яко** (**як**) в современных славянских языках указывает на большое функционально-семантическое тождество этих слов. В настоящее

время почти неизвестно параллельное употребление **како** и **яко** в одном и том же языке (русскому **как** соответствует украинское **як**, польское **jak, jako** и т. д.).

Но крупнейшие памятники древнерусского языка дают нам несколько иное представление об употреблении **како** и **яко**. Анализ текстов показывает, что между ними сохранялась достаточно четкая дифференциация как по синтаксической роли, так и по стилистическому употреблению.

2. **Како** и **яко** в функции наречия.

Наречная функция **како** значительно определеннее, чем у **яко**: а) **како** выступает в качестве вопросительного наречия, относя вопрос к образу действия, названного глаголом-сказуемым; б) сохраняя функцию вопросительного наречия, **како** оформляет косвенный вопрос; в) наречный характер **како** выражается также в том, что оно присоединяет к главному предложению особый тип придаточного дополнительного, содержащего оттенок обстоятельственных отношений.

Наречная функция **яко** очень невыразительна: **яко** не используется в роли вопросительного наречия в прямом или косвенном вопросе и употребляется лишь с теми придаточными дополнительными, которые отражают чисто объектные отношения.

Известную близость **яко** к наречиям можно заметить лишь в конструкциях сравнительно-сопоставительного типа, а также в тех, которые указывают на временные связи. Адвербальный характер **яко** в таких сложных конструкциях поддерживается некоторыми деталями их структуры и наличием соотносительных слов.

В целом же следует признать, что **яко** в значительной степени ближе к союзам, чем к наречиям.

III. **Како** и **яко** в функции союзов.

В роли союзов оба эти слова многозначны, круг их значений, на первый взгляд, во многом совпадает, хотя примерно до XVI в. употребление **како** (**как**) было ограничено рамками определенного стиля. Но при дополнительном анализе выясняются детали, свидетельствующие не только о стилистических различиях употребления этих слов. Например, показательное сопоставление союзов **како** и **яко** в сравнительных конструкциях.

Употребление союза **како** ограничено. Сравнения с этим союзом, как правило, лишены образного характера, они передают лишь простое сопоставление или приравнивание и чаще всего встречаются в однотипных устойчивых оборотах и юридических формулировках. По наблюдениям исследователей, сравнительный союз **како** (**как**) получает широкое распространение лишь в памятниках XVI—XVIII вв.

Сравнительные конструкции с **яко** отличаются выразительным структурно-семантическим разнообразием: **яко** оформляет сложные конструкции соразмерности, указывающие на параллелизм способа действия, однородность содержания двух фактов в целом, равную меру или степень действия; подобные же отношения выражаются посредством сравнительного оборота с **яко**; к конструкциям этого типа примыкают различные выражения вводного характера, дающие ссылку на источник сообщения, указывающие на связь данного сообщения с предыдущим и т. п.; почти исключительно с союзом **яко** представлены сложные конструкции образного сравнения с различными вариантами полноты грамматического состава зависимой части; сравнительные обороты образного содержания также обычно оформлены союзом **яко**, такие обороты выступают в предложении с разнообразными синтаксическими функциями (именная часть сказуемого, обстоятельство, определение, приложение). Сравнительные конструкции с **яко** больше других удерживаются в русском литературном языке, хотя к XVII в. они уже приобретают архаический оттенок.

Отмеченные различия между **како** и **яко**, выступавших в роли сравнительных союзов, носят, как видим, семантико-стилистический характер.

IV. **Яко** в функции частицы.

Употребление **яко** (**аки**, **аки**) в роли частицы и отсутствие этой функции у **како** — еще одно свидетельство функционального своеобразия этих слов в древнерусском языке. Правда, **яко** — частицу порой трудно отличить от **яко** — союза, поскольку союзная функция **яко** явилась, вероятно, исходным моментом в истории формирования этой частицы. В более поздний период в языке формируется частица **якобы** из **яко бы**. В данном случае особенно заметна генетическая связь частицы с изъяснительным союзом. Семантика этой частицы связана с выражением условности или приблизительности признака, нереальности сказанного.

Како, выступая в качестве вопросительного наречия, могло сочетаться с частицей **бы**, вносящей в содержание вопроса определенный модальный оттенок. **Якобы** из **яко бы**, не выступающего в роли наречия, с таким значением не связано.

В современном русском языке как **бы** иногда выступает в функции частицы, так же как и **якобы**, но до сих пор между ними существует заметная семантическая разница.

5. За пределами нашего анализа остались те типы конструкций с **како** и **яко**, которые не выявляют каких-либо особенностей, интересных с точки зрения нашей темы, или вообще не дают повода для сопоставления. Так, очень специфично

употребление **яко** в сочетании с инфинитивом. **Како** в таких конструкциях не встречается.

Можно предположить, что одной из причин функционально-семантического различия **како** и **яко** является этимологическая природа этих слов. Структурно они совпадают лишь во второй части своего состава: **ко** из **ка** (ср. лат. *qualis*). Позднее **ко** было воспринято как суффикс наречий. Очевидно, основную семантическую нагрузку имели первые элементы слов **ја** > **јо** и **ка**. Основа **ка** причисляется этимологами к вопросительным, основа **јо** — к указательно-относительным. Сближение между ними (ср. укр. *як* и русск. *как*) — следствие более позднего процесса.

Г. М. КАЛМЫКОВА

ДИАЛЕКТНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ ГОРНОГО АЛТАЯ

1. Значение исследований по данному вопросу.

Описание и анализ диалектных явлений семантического характера в русских говорах Горного Алтая может служить задаче изучения лексики русских сибирских говоров, может способствовать выделению и классификации семантических диалектизмов, что особенно важно в связи с выпуском «Словаря русских народных говоров», может дать материал для исследований по таким общелингвистическим вопросам, как полисемия и омонимия, соотношение слова и понятий.

2. Изучаемый вопрос связан со следующими проблемами:

семантическая структура слова,
полисемия и семантические изменения,
словообразование,
омонимия,

взаимодействие литературного языка и диалектов.

Этот вопрос связан также и с проблемой синонимии, поскольку диалектное значение слова определяет его место в том или ином синонимическом ряду.

3. Цель доклада и его материал.

Доклад ставит целью синхронное описание характера некоторых диалектных семантических явлений в русских говорах Горного Алтая и строится на материале пяти диалектологических экспедиций, организованных Горно-Алтайским педагогическим институтом в 1959, 1960, 1961 и 1965 гг. Наблюдения велись в двух смежных районах (Усть-Коксинском и Усть-Канском) Горно-Алтайской автономной области.

4. Диалектные семантические явления, обнаруженные в говорах.

Для описания берутся слова говоров, тождественные с литературными по звучанию.

а) Больше количество значений у слова в говоре, чем в литературном языке:

береста 1) верхний слой березовой коры (как и в литературном языке);

2) сумка для ягод, сплетенная из бересты (диалектное);

хариус 1) пресноводная рыба из семейства лососевых (как и в литературном языке);

2) одна (любая) рыба (диалектное).

б) Употребление названия видового значения в значении родовом:

горшки — любая посуда (чаще всего «грязная посуда, предназначенная для мытья»);

стадо — группа любых предметов или живых существ.

в) Употребление в говорах слова в более частном, более специализированном, чем в литературном языке, значении: **вымять** (теленка) — отелиться; **выставить** (ногу, руку) — вывихнуть.

г) Наличие в говорах омонимов за счет терминологизации некоторых слов, которой нет в литературном языке.

I **клев** — общее с литературным значение.

II **клев** — приспособление для закрепления хомута.

д) Наличие в говорах омонимов, образовавшихся в связи со своеобразным диалектным использованием общезыковых словообразовательных моделей: **снаряд** и **обряд** — «одежда, наряд».

В литературном языке есть только глаголы «снарядить» и «обрядить», близкие по значению к этим диалектным существительным.

е) Если условно принять говоры и литературный язык за разные системы, то следует отметить в говорах и в литературном языке межсистемные омоантонимы с тождественной корневой морфемой:

запамятовать в литературном языке «забыть», в говорах «запомнить».

ж) Наличие в говорах омонимов, получившихся в результате словопроизводства с использованием омонимичных морфем:

замочный год (от «замочить»);

замочный мастер (от «замок»).

з) Многозначность и омонимия слов в говорах, возникающая в результате сохранения архаических значений.

- I почва 1) подошва у обуви;
2) передняя часть ступни.

II почва — верхний слой земли.

и) Однозвучное с литературным слово в говоре имеет диалектное значение, которое в синхронном плане никак не соотносится с общезыковым значением.

шах — «жидкий чай»;

обедать — «завтракать».

5. Уже синхронный взгляд на диалектные семантические явления говорит о значении изучения этого вопроса для истории языка. Лексика сибирских и алтайских русских говоров может дать обширный материал для подобных исследований.

В. П. СТРОГОВА

О СЛОВАХ КАЗАК И ПОДСУСЕДНИК В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И НОВГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

1. В современном русском литературном языке *подсуседник* отсутствует, а *казак* — 'наемный работник' неизвестно.

2. Памятники древнерусской письменности отмечают *казак* в этом значении с XIV в. (по «Материалам» И. И. Срезневского). В XV—XVI вв. очень широко *казак* употребляется в источниках по Новгороду Великому и его пятинам: «Новгородские писцовые книги», т. VI; «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов»; «Опись Торговой стороны по Новгороду Великому XVI в.», Б. Д. Грекова и др. О распространении *казак* — 'наемный работник' на территории северо-запада говорят и материалы картотеки ДРС.

Из синонимов этого ряда к слову *казак* в значении 'наемный работник' встречаются *батрак* и *захребетник*. Первый из них известен в единичных случаях («Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г.»), а *захребетник* засвидетельствован широко («Новгородские писцовые книги», т. V). *Батрак* и *захребетник* И. И. Срезневским не отмечены.

3. В современных новгородских говорах *казак* в указанном значении употребительно в речи старшего поколения. На Новгородчине живет и поговорка: «Оттого казак гладок, что поел да на бок». То же в архангельских говорах (по А. Подвысоцкому). По свидетельству печатных материалов XIX—XX вв., *казак* — 'наемный работник' характерно также для северо-запада. В ряде других говоров *казак* в этом значении не зарегистрировано.

4. Русское литературное *казак* свойственно украинскому, польскому и болгарскому языкам.

А. Преображенский приводит *казак* как заимствование из тюркских языков со значением 'слуга', давая при этом и древнерусское *казак* — 'работник, наемный работник' (со ссылкой на «Материалы» И. И. Срезневского).

5. Слово *подсуседник* было известно на северо-западе (Псков, Новгород). Оно указано И. И. Срезневским лишь в одном очень кратком и неясном примере по Псковской судной грамоте 1397—1467 гг. со значением 'приживалец': «Подсуседник на гдри, судьи, или иного чего волно искати».

Богатый материал об этом слове дают памятники Новгорода: «Опись Торговой стороны в Писцовой книге по Новгороду Великому XVI века» Б. Д. Грекова, «Писцовая книга Великого Новгорода 1583—84 гг.», изданная П. Л. Гусевым в 1906 г., и другие.

Данные этих памятников, а также учет ремесленного характера Новгорода и особенностей его застройки, жизни и быта населения в прошлом (по свидетельству опубликованных материалов о раскопках) помогают видеть иное значение слова *подсуседник* в сравнении с толкованием у И. И. Срезневского: *подсуседник* в большинстве примеров употребляется в значении 'подручный, помощник, своего рода подмастерье' (см.: а) «...въ подмогу брата его Трешку да зятя его Степанка, его жъ подсуседниковъ...»; б) «... да по приказу государевых дьяковъ данъ ему жъ Васки въ подсуседники Андръико Костянтиновъ сапожный мастеръ, молотчей, московский же приведенецъ...»).

Подсуседники по приказу дьяков (при новых описях) со временем могли получить землю, где, видимо, строили свои дворы и занимались ремеслом («... и то место князь Федоръ Мещерской съ товарищи далъ под дворъ Гриши Захарьеву мяснику да подсуседникомъ то жъ улицы, Гриши Сарафаннику, да Иванку, прозвеще Рушенину, сапожнику...»).

В значительной своей части *подсуседники* — молодчие, то есть молодые, начинающие ремесленники. Таким образом, *подсуседник* в новгородских памятниках — это помощник, подручный в деле, а не приживалец.

6. В современных новгородских говорах *подсуседник* не встречается: это, возможно, связано с социальными изменениями, происшедшими в городе и деревне. В Словаре В. И. Даля *подсуседник* приводится с пометой старинное. Одни значения у него совпадают с толкованиями И. И. Срезневского, другие характеризуют как наймита и т. п.

7. Из славянских языков оно отмечено только в украинском языке (підсусідок) в значении безземельный крестьянин, живущий в чужом доме (см. Гринченко. Словарь украинского языка, т. III, Киев, 1909, стр. 181).

Ю. И. ЧАЙКИНА

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ЧЕРЕПОВЕЦКИХ ГОВОРАХ

1. В работах по лексике русских народных говоров исследуются в первую очередь местные слова с прямыми значениями, обозначающие те или иные предметы и явления окружающей действительности и не возбуждающие дополнительных эмоций. При диалектном членении русского языка преимущественно учитываются только эти же местные слова и не привлекается лексический материал, имеющий экспрессивно-эмоциональную окрашенность. В связи с этим работы, в которых изучается диалектная лексика, содержащая элемент образительности, будут представлять некоторый интерес.

2. Эмоционально-оценочная лексика, обозначающая человека, очень древнего происхождения. Здесь и слова, характерные для общеславянского языка, так как, кроме нашего говора, они наличествуют сейчас в других славянских языках (в словаре М. Герасимова приводится название-прозвище «клюс» с уже забытым значением; в других славянских языках польск.—*klus*—рысь, чешск. *klus*, а *klusak*—конь; здесь и слова, бытовавшие в древнерусском языке, относящиеся в современном литературном языке к устаревшей лексике (*ратай*—*борец*, *рында*—Г); здесь, наконец, и лексемы, построенные по словообразовательным моделям общенародного языка.

Разнообразно происхождение эмоционально-оценочной лексики. Есть слова, заимствованные из древней библейской мифологии (*áред*—«скупой, злой человек», от библейского *Jаред* «... проживший (согласно Книге Бытия) якобы 962 года»—Ф.), из древних тюрко-татарских и угро-финских языков (*оботур*—лодырь, лентяй», из тюрского *bahadyr*—«смелый», ср. казах. *ár batyr*—«герой», тюркского—Ф., *обдál*—«лентяй», «персидский монах» (кавказ.), восточн.—«обманщик»—Даль), из (араб.) тур. *abdal*—«нищий», «дервиш»—Ф.), *ягáрма*—обижающая других, бойкая, злая женщина (зырянское *ягáрма*—бойкая баба)—СД.

3. Обращает на себя внимание вторичный характер этой лексики. Большинство названий лица выражается местными лексемами с переносными замечаниями, причем перенос значения происходит в локально ограниченных словах, обозначающих самые обыденные предметы окружающего мира. Это говорит об «образном» мышлении носителей диалекта, о способности их уловить сходство между предметами окружающего мира и действиями и качествами тех или иных лиц. Ср., например, сходство внешнего облика человека с тем или иным предметом: *кокóра* — пень с корнями, коряга (Яр., Вят.) и в то же время — «толстый, неуклюжий, неповоротливый человек» — Г.; сходство между действиями и свойствами предметов окружающего мира и качествами характера человека, его психическими свойствами: *молотило* — во многих говорах — Арх., Перм. (Оп.), Костр., Вологод. (Д) — цепь для обмолачивания колосьев, в Череповецких говорах еще одно значение: «Болтливый, говорливый человек»; ср. также *трепáлка*, *мош-нйк*, *чунарыш*, *багúла* и пр.,

В Череповецких говорах (с. Дмитриевское) обнаруживаются лексемы, употребляемые только со вторичным, переносным значением.

В Ярославских говорах *óследь* — жердь, которая кладется под солому по всей крыше (Яр.), в наших говорах — «высокий, худощавый, слабосильный человек», *галяма* — в Ярославских говорах — «нескладная глупая собака» (Яр.), в наших — фамильярно-пренебрежительное обращение детей к матери.

4. Эмоционально-оценочная лексика характеризуется непостоянством, подвижностью, краткостью изоглосс. Для обозначения одного и того же понятия на юге и севере района (протяженность всего 40—50 км) используются совершенно разные слова. Так, в говоре с. Дмитриевское (северная часть Череповецкого р-на) для выражения понятий «буйный человек», «озорник» употребляются лексемы — *санапáл*, *зимогóр*, *шмыткi*, *ухорéз*. Вместе с тем в данном говоре совершенно не употребляемы такие обозначения лиц по тому же самому качеству, которые, по свидетельству М. Герасимова, бытуют на юге района — *басалáй*, *бúхан*, *чекáло*, *хоз*, *пазгáль*, *махáн*, *хабáль*, *шибáй* (Г.).

5. Подвижность, непостоянство эмоционально-оценочной лексики со значением лица определенным образом связано с ее быстрым исчезновением, с быстрой забываемостью горящими. Автор Череповецкого словаря М. Герасимов приводит ряд слов, значение которых осталось для него неизвестным:

«Никакими способами, — пишет он, — нам не удалось узнать происхождение их; нам говорили: так от старины, от дедов называют». Так как Словарь Герасимова вышел из печати в начале XX в., то можно предполагать, что к этому времени на севере Череповецкого р-на утратили значение такие слова, которые во второй половине XIX в. еще без труда истолковывали составители. Для слов *база́н*, *яга́нко*, *мизя́к* Герасимов не приводит значений, между тем в других словарях — *база́нить* — кричать, орать, плакать (Д., Оп., СМ., СК.), *яга́нко* — «горлан, бранчливый нахал» — Д., *мизю́р* — «подслепый, близорукый», *мизю́рить* — «щурится» — Д.).

6. Установление лексических соответствий данной группы слов со словарным составом других говоров подтверждает (хотя и на ограниченном лексическом материале) целесообразность выделения по новому диалектному членению Белозерской межзональной группы (Череповецкие говоры расположены на территории этой зоны). В лексико-семантической группе слов со значением лица в Череповецких говорах находят себе место лексемы, обнаруживающие родственную близость, с одной стороны, со словарем Ладого-Кирилловских говоров (по старой классификации — Новгородских), с другой стороны, Восточных среднерусских окающих говоров (Ярославские и Владимирские говоры). Тем самым эмоционально окрашенная лексика при существующем интересе к вопросам диалектного членения русского языка может быть полезной и должна быть учитываема при классификации говоров.

А. А. ДАНИЛОВ

ОБ УДАРЕНИИ НАРЕЧИЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

*(на материале говора деревни Дулово
Белёвского района Тульской области)*

1. Ударение в наречиях исследуемого говора, как и в литературном языке, представляет пеструю картину, объясняемую тем, что наречие является частью речи, развившейся и развивающейся на базе других частей речи.

2. Подавляющее большинство старых наречий имеет в говоре ударение, не отличающееся от литературного. Исключения составляют формы наречий *позавчера* и *после*, обуслов-

ленные фонетико-морфологическими особенностями их структуры в говоре: *пузучёра, пудучёра, пудучёр*, но и *пузучяра, пасля, апасля, паслёй*, но и *пóсли*. У первого наречия преобладают формы с ударением на предпоследнем слоге, у второго — на последнем.

3. У некоторых наречий, образованных сочетанием предлогов с различными формами числительных, а также местоименных по происхождению ударение колеблется: *спярва́ — спёрва*; *пайны́чи — пы́ннычы* и др.

4. Из наречий деепричастного происхождения с ударением отличным от литературного употребляется *за́пчы* и *пыха́дзя*.

5. Качественные наречия, образованные от кратких форм прилагательных с неподвижным ударением с помощью суффиксов -о, -е, в нашем говоре, как и в литературном языке, сохраняют ударение имен прилагательных: *маро́зна, лини́ва, вя́ла, даса́дна, блыга́ро́дна, пя́вучя* и мн. др.

6. Качественные наречия, образованные с помощью суффикса -о от кратких форм прилагательных с подвижным ударением любого характера или с неподвижным ударением на последнем слоге, вследствие совпадения в говоре кратких форм прилагательных среднего рода с краткими формами женского рода противопоставляются последним и в отличие от них, как правило, имеют ударение на корне или суффиксе основы имен прилагательных, то есть на том же слоге, на котором оно находится в кратких формах прилагательных мужского рода: *ля́хка—лѣ́хка, тья́на—тѣ́мна, тья́ла—тѣ́пла, свята́ла—свѣ́тла* и мн. др. К ним примыкает и не имеющее соотносительных кратких форм прилагательного наречие *мно́га*. Ударение здесь, таким образом, используется как смыслоразличительное средство. Исключения составляют немногие наречия, образованные от кратких форм прилагательных, корни которых оканчиваются на шипящий согласный (*гыри́чэ, свая́жэ, смяшнó, чижалó, хырашó*), а также наречие с полногласной основой *хыладнó*, известное в говоре только в предикативном употреблении.

Большинство наречий данной группы и в обстоятельственном, и в предикативном употреблении в нашем говоре, подобно кратким прилагательным, может иметь своеобразные элятивные значения (значения безотносительной большой или максимальной степени проявления признака действия-состояния). Наречия с элятивными значениями, как и краткие формы имен прилагательных, употребляются обычно с **наконечным** ударением (на суффиксе -о) и встречаются также преимущественно

в восклицательных предложениях, содержащих в себе, как правило, эмфатическое ударение. При этом значения безотносительно большой и максимальной степени проявления признака действия или состояния довольно четко разграничиваются специфическими условиями употребления, а также рядом фонетических и лексико-грамматических признаков.

7. В наречии *всё равно* место ударения зависит от смысла: если наречная форма употребляется в значении сравнительных частиц *будто, словно* и т. п., то ударение падает на первый слог (как *сёрывна* акунули иё); в других значениях наречие употребляется с ударением на конце или двойным — основным на последнем слоге и побочным на первом (*сёравно* ни угадáiш и т. п.).

8. Сложная система закономерностей размещения ударения в наречиях, образованных сочетанием предлогов-приставок с падежными формами кратких имен прилагательных, сравнительно с литературным языком имеет у нас особенности в наречиях с предлогами-приставками *до-, на-, за-*.

Наречия с приставкой *до-*, оканчивающиеся на *-а*, употребляются в говоре обычно с ударением не на приставке, как в литературном языке, а на конце: *дыкрасна́, дыпьяна́, дысиня* и т. п.

Из наречий с приставкой *на-* отличное от литературного ударение имеют *ныбяло́, ныгрязно́, нычарно́*; из наречий с приставкой *за-* — *задылга́*.

9. Наречия, образованные от беспредложных форм имен существительных, представленные в говоре, как и в литературном языке, главным образом застывшими формами творительного падежа единственного числа, имеют обычно ударение на последнем слоге: *малчкóм, пирядóм, агулóм, силóм* и т. п. Ударение на первом слоге или колеблющееся свойственно лишь немногим наречиям: *бéгам, нáмита́м: пяшóй—пéшай*. Место ударения в таких наречиях и в формах творительного падежа единственного числа имен существительных, употребляемых самостоятельно, в нашем говоре, как и в литературном языке, не всегда совпадает: *бéгам—бегáм, бóкам—бокáм* и т. п.; *вярхóм—вёрхам, пирядóм—пéридам* и т. п. Тем не менее наречия, генетически восходящие к формам творительного падежа единственного числа существительных, уже не употребляемых самостоятельно, вероятно, сохраняют ударение последних.

10. Ударение в наречиях, образованных путем сочетания предлогов-приставок с различными косвенными падежами имен существительных, как употребляемых самостоятельно, так и лишенных самостоятельного употребления, в нашем го-

воре обычно совпадает с ударением соответствующих существительных и мало чем отличается от литературного. Случаи употребления наречий с ударением отличным от литературного единичны: *узáмы, паўтру, ускладчину*.

11. Отличное от литературного ударение имеют некоторые наречия, образованные сочетанием предлогов-приставок с вышедшими из употребления формами имен существительных женского рода с основой на мягкий согласный. Так, в говоре не переносится ударение на предлоги-приставки *на-, о- (об-), по-*, сочетающиеся с винительным падежом существительных, и на предлог-приставку *из-*, сочетающийся с родительным падежом существительных в наречиях: *нукóсь* (наискось), *нуска́ч* (вскачь), *нузнáч* (навзничь), *паврóсь* (порознь); *издаля, издали́*.

Место ударения в наречии *впереди* определяется его значением: *упириди* — в значениях «в будущем, раньше чего-либо» и *упирéди* — в значении «первым, раньше других».

Наречие *вдоволь* выступает иногда в говоре в формах *дываля, удываля́*.

12. Не совпадает в говоре с литературным ударение в некоторых формах сравнительной степени наречий, что обусловлено иным, чем в литературном языке, соотношением форм сравнительной степени, образованных с помощью суффиксов *-ее (-ей)*, с одной стороны, и суффикса *-е-* с другой: *глубачéй, глушэ́й, густéй, далжэ́й, званчéй, твирдéй, хужэ́й, ирчéй, здарóвши, тéпли, чижэ́льшы*.

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

ОБ ОТРАЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

(на материале говоров Тотемского района
Вологодской области)

1. Обследованные нами тотемские говоры, будучи в основном однородными и типичными для восточной части Вологодской области, характеризуются специфическими диалектными особенностями.

2. В фонетической и грамматической системах тотемских говоров сохраняются некоторые черты, характеризовавшие древнерусский язык. Многие из них в процессе развития русским литературным языком были утрачены. Например, в области фонетики: наличие гласного **о** закрытого под ударением после твердых согласных (на месте этимологического **о** под восходящим ударением); сохранение этимологического **о** в первом предупредительном слоге в слове **стокан**; последовательное произношение гласного **о** в безударном положении в приставке **роз**—**рос**, а также в начальном сочетании **ро** в словах **робота**, **роботать** и производных; мягкость аффрикаты **ц**; наличие в сочетаниях **ш'ч'**, **шч'** (на месте древнерусских **ш'ч'**, **сьч**, **зьч**); сохранение мягкости согласных **н**, **м**, **ф**, **с** перед суффиксом **-ск** (из древнерусского **-ьск**); сохранение мягкости звука **р** в сочетании **ер**, восходящем к древнерусскому сочетанию **ьр** перед заднеязычными и губными согласными, и т. д. В области морфологии: флексия **-ые (-ыйо)**, **-ие (-ийо)** в родительном падеже единственного числа полных прилагательных женского рода; сохранение архаических форм именительного и винительного падежей единственного числа существительных **мать** и **дочь**; наличие архаических форм второго лица единственного числа настоящего времени глаголов **есть**, **дать** и т. д. В области синтаксиса: согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном единственным числом существительного, имеющего собирательное значение; употребление именительного падежа от существительных на **-а** в качестве прямого дополнения при инфинитиве и т. д.

3. Одни из особенностей, о которых идет речь, свойственны большому количеству слов (открытый класс). В области фонетики таких особенностей значительно больше, чем в области морфологии, где преобладающими являются такие особенности, каждая из которых характеризует очень небольшой (закрытый) класс слов.

4. Параллельно со специфическими диалектными архаическими явлениями в наших говорах всегда наблюдаются явления, имеющие в настоящее время общерусское распространение. Архаические явления, употребляясь в нейтральном стиле диалектной речи, характеризуют преимущественно речь старшего поколения носителей говора и употребляются непоследовательно.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ БРЯНСКИХ ГОВОРОВ

1. Морфологические особенности брянских говоров пестры и разнообразны, что обусловлено историческим своеобразием формирования брянских говоров. Расчленение в прошлом территории Брянщины между соседними государствами (часть территории вместе с Белоруссией входила в состав Польско-Литовского государства, часть относилась к Московской Руси), содействовало дифференциации брянских говоров, консервации некоторых языковых явлений в отдельных говорах и противопоставлению их другим говорам.

Говоры Брянской области характеризуются тесными языковыми контактами как с соседними южновеликорусскими говорами, так и с говорами близкородственных языков — белорусского и украинского.

2. Особенно сильным является воздействие белорусского языка. Проблема взаимодействия белорусского языка и брянских говоров интересовала многих лингвистов (С. Максимов, Е. Ф. Карский, Е. Ф. Будде, И. Г. Голанов, А. В. Пруссак, П. А. Расторгуев, М. В. Ушаков, А. А. Полевой и др.), но основное их внимание было сосредоточено на фонетических особенностях. Белоруссизмы в именном склонении брянских говоров не получили еще достаточно полного освещения в лингвистической литературе.

3. Воздействие белорусского языка на брянские говоры не является одинаковым для всех брянских говоров, вследствие чего именное склонение последних является неоднородным и неровным. На территории Брянщины сосредоточились, во-первых, говоры, которые по целому ряду особенностей могут быть отнесены к южнорусскому наречию (это преимущественно восточные, частично юго-восточные брянские говоры); во-вторых, западные брянские говоры, заключающие в себе отдельные черты, которые объясняются влиянием белорусского языка.

4. Влияние белорусского языка на брянские говоры в области именного склонения осуществляется двумя путями: 1) либо отдельные языковые явления, свойственные белорусскому языку, заимствуются брянскими говорами, 2) либо отдельные формы, давно утраченные русским литературным языком в большинстве его говоров, поддерживаются белорусским языком, так как они являются в нем литературной нормой или типичной чертой говоров.

К числу языковых явлений первого рода, объясняемых непосредственным влиянием белорусского языка, можно отнести следующие факты:

а) употребление в западных брянских говорах в твор. п. ед. ч. форм на *-ой/-ей* существительными первого склонения: *женой, землёй*;

б) широкое распространение в западных брянских говорах в имен. п. множ. ч. форм на *-ы/-и* у существительных мужского рода, причем флексия *-ы/-и* часто выступает в ударенном положении: *дамы, рукавы, главы, лясы*;

в) широкое использование форм на *-ы/-и* в имен. п. множ. ч. именами существительными среднего рода: *балоты, вбкны, лятны, сёлы*;

г) частое употребление в западных говорах форм на *-амы* в твор. п. множ. ч.: *с ученикамы, рукамы, за дамамы*;

д) формы предл. п. множ. ч. с ударенной флексией *-о́х*, наблюдаемые в западных брянских говорах: *у чулко́х, в лясо́х*;

е) использование в западных говорах рядом имен существительных, обозначающих неодушевленные конкретные предметы, формы вин. п. ед. ч., совпадающей с род. п.: *дау нажа́, знайшоу грыба́* и т. п.

К числу языковых явлений второго ряда относятся следующие:

а) спорадическое использование в брянских говорах, в западных по преимуществу, в дат. и предл. пп. ед. ч. у существительных первого склонения и в предл. п. ед. ч. у существительных второго склонения архаических форм на свистящие *ц, з, с* на месте заднеязычных согласных: *к Ва́рцы, дай ба́бушыцы, на то́й даро́зи, к свякру́си, на паро́зя*;

б) употребление в предл. п. ед. ч. именами существительными мужского рода мягкой разновидности второго склонения ударенной флексии *-и*, являющейся остатком старой формы местн. п. ед. ч. *-jo* основы: *на кани́, на кэ́рянí, на пни́* и др.;

в) широкое распространение в брянских говорах конструкции дат. п. множ. ч. с предлогом «*по*», совпадающей по форме с предл. п. множ. ч.: *па хватэ́рах жыла́, учились па ха́тах* и т. п.;

г) употребление в твор. п. множ. ч. старой формы дат.—творит. п. двойственного числа на *-ма* у имен существительных, обозначающих парные предметы: *вилки ни бяру́ть, а на́да рукама́ усё, падда́й пляча́ма*.

5. Несмотря на заметное влияние белорусского языка на именное склонение брянских говоров, система именного склонения брянских говоров вполне оригинальна и только в частных деталях, перечисленных выше, роднится с морфологическими особенностями белорусского языка.

А. Л. МИРЕЦКИЙ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ НА -Ы(-И) И -ЯТЬ(-Е) КАК СИНКРЕТИЧНЫХ ФОРМ ЖЕНСКОГО СКЛОНЕНИЯ В ЖИВОЙ НОВГОРОДСКОЙ РЕЧИ XVII ВЕКА

1. Сравнительный анализ новгородских деловых документов XVII в., написанных разными писцами, позволяет установить, что одновременное употребление форм род. ед. на «-ять» (-е) и дат. — мест. ед. ч. на -ы(-и) при склонении существительных женского и мужского рода с исконной основой на а является не свидетельством противопоставленности этих падежных форм в живой новгородской речи, а результатом существования в ней синкретичной трехпадежной морфемы Р—Д—М, которая в пределах твердого варианта склонения могла иметь две алломорфы -ы и -ять».

2. При одновременном использовании этих двух алломорф была возможна их дифференциация. Так, некоторые писцы, употребляя форму Р—Д—М на -ы при склонении существительных (например, *из Соф«ять»йской вотчины—в Соф«ять»йской вотчины*), в то же время образуют Р—Д—М на «-ять» (-е), склоняя краткие прилагательные (*ис тое Чюдинцове улицы—в Чюдинцове улицы*). У других можно наблюдать своеобразную тенденцию к дифференцированному употреблению этих форм уже при склонении существительных, а именно: Р—Д—М на -ы от имен нарицательных, но Р—Д—М на «-ять» (-е) от имен собственных (например, *у него Саве или у жены и у детей ево при ему Саве.и жены и д«ять»тям его*).

Данное явление можно рассматривать как результат постепенного вытеснения алломорфы «-ять» алломорфой -ы, более поздней по возникновению. По-видимому, наименее устойчивым оказалось употребление первой в склонении нарицательных существительных. Например, соотношение *из вотчине—в вотчине* мы находим лишь у трех писцов (два — I пол. и один — II пол. XVII в.), тогда как *из вотчины—в вотчины—у восьми* (три — I пол. и пять — II пол. XVII в.). Алломорфу «-ять» в формах личных имен отмечаем у нескольких писцов еще в документах 70—90-х гг. XVII в., но и здесь она неустой-

чива и вытесняется алломорфой **-ы**. Так, у одного из писцов в восьми документах, написанных в 1684—1692 гг., соотношение форм *Савы* и *Саве* в род. 4:7, в дат. 1:14, а в двух документах, написанных им же в 1698—1699 гг., соответственно в род. 8:0, в дат. 5:6.

4. На основании имеющихся данных можно предположить, что к концу XVII в. в живой новгородской речи все больше развивалась тенденция употреблять форму Р—Д—М на **-ы** при полном отсутствии род. на **-ять** (**-е**) у большинства писцов этого периода или при единичных формах род. на **-ять** (**-е**) у некоторых. Дольше всего алломорфа **-ять** сохранялась, по-видимому, в склонении кратких прилагательных, что можно объяснить грамматической обособленностью этого класса слов.

5. В склонении существительных с мягкой основой, а также с основой на **ж, ш, ц** на всем протяжении XVII столетия в живой новгородской речи господствовала синкретичная форма Р—Д—М на **-и** (после **ж, ш, ц** — **-ы**).

И. С. МЕРКУРЬЕВ

ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГОВОРЕ СТАРИННЫХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

А. Падежные формы

1. Единственное число

1. В именительном падеже прилагательных мужского рода обычно употребляется окончание **-ой** как под ударением, так и в безударном положении: грудной ребёнок, дедушко досельной, медной котёл. Единичные примеры отмечены с окончанием **-ей** (из **-ой**): самовар горёцей. Иногда под влиянием литературной речи появляется окончание **-ый** (**-ий**): погодливый год, робёчий ум, крепкий рематис.

Прилагательные женского и среднего родов, как правило, имеют усечённые формы: совецка влась, ростяжна песня, морё, как бёло берёсто, горит; дожливо пало лето. Воздействие литературного языка в этих формах сказалось незначительно:

полных прилагательных отмечено мало (убылая вода, потпольноё окошечко и некоторые другие).

2. В родительном падеже прилагательные мужского и среднего родов имеют окончание **-ого (-его)**: с **Белого моря, среднего пера, с северного краю**. Прилагательные женского рода не отличаются от литературной нормы: **морской туры наносит**.

3. Формы винительного падежа прилагательных мужского и среднего родов совпадают с формами именительного падежа. Прилагательные женского рода обычно имеют усечённое окончание **-у (-ю)**: **за совёчку влась, голову оленну ес, избу передню**. Очень редко встречаются примеры типа **ча́стую сеть**.

4. В дательном, творительном и предложном падежах формы прилагательных такие же, что и в литературном языке: **по тонкой воды, с осино́вой лоткой, на полой воды, порато надо говоркому быть, вересовым помелом, ф пёсельном крушки, на терьском берегу и т. п.**

II. Множественное число

5. Именительный и винительный падежи имеют в говоре усеченные формы: **теперь люди мо́лды не умеют пря́сь, мы здешни фсе, печи раньше копотны́ были, дупля каки-то лёгоньки**. Иногда наблюдается влияние литературного языка.

Ср.: **безотные дети, нажомные ветра́, кормы́ niskие**.

В качестве единичных примеров в некоторых сёлах отмечены прилагательные с окончанием **-ья (-ия)**: **сёстры родныя, они кольския, вёсла большья**.

6. В творительном падеже употребляются окончания **-ыма (-има)**: **двухручныма корзинама, с такима узорама со старыма, с синима воротникама, с малыма детьмы**.

7. Формы родительного, дательного и предложного падежей прилагательных в говоре совпадают с аналогичными формами в литературном языке: **с малых лет, старым людям, в особых хижынах и пр.**

Б. Сравнительная степень

8. Сравнительная степень качественных прилагательных в говоре, как и в русском литературном языке, образуется при помощи продуктивного суффикса **-ее (-ей)** и непродуктивных суффиксов **-е, -ше**: **она белё сёмги, покрупнё, тяжелё** (в этих примерах **-е** из **-ее**); **скорей, жарчей, кошка лофчйвей, круче, глубже, дороже, старше, длинше**.

Редко образуется сравнительная степень с диалектным суффиксом -ае: *теплые, поумные*.

9. Формы прилагательных мурманского говора свидетельствуют о том, что изучаемый говор относится к поморской группе северновеликорусского наречия (см. окончание -ого (-его) у прилагательных в мужском и среднем родах родительного падежа единственного числа и окончание -ыма (-има) для творительного падежа множественного числа).

10. Влияние литературного языка на оформление прилагательных в речи старшего поколения носителей мурманского говора проявляется еще незначительно.

Е. А. БАРИНОВА

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ

1. Вооружение учащихся навыками устной и письменной речи, т. е. умением содержательно, логически последовательно, грамматически правильно в устной и письменной форме выражать свои и чужие мысли — одна из задач школы.

2. Речь — это процесс общения людей друг с другом, процесс «говорения» и «понимания». В речевом процессе люди пользуются общенародным языком, его словарным составом, грамматикой, а также различными средствами звуковой выразительности. Поэтому в работе над развитием речи и определяются такие направления, как: воспитание произносительной культуры и обучение выразительному чтению; словарная, или лексическая, работа; работа над предложением как наименьшей единицей высказывания и связной речью.

3. Определение принципов и создание научно-обоснованной системы работы по развитию устной и письменной речи школьников — важнейшая проблема методической науки.

4. Основными принципами методики развития речи нам представляются: единство в развитии речи и мышления; взаимосвязь устной и письменной речи; разнообразие видов упражнений; постепенное нарастание трудностей и усиление роли самостоятельности учащихся в работе; связь занятий по развитию речи с изучением грамматики, орфографии, пунктуации и работой по литературе.

5. Устная и письменная речь — это взаимосвязанные формы процесса общения людей посредством языка, каждая из которых имеет свои специфические особенности. Наблюдения и экспериментальные исследования психологов говорят о том,

что овладение письмом происходит на базе устной речи и через ее посредство. По мнению К. Д. Ушинского, устные упражнения должны предшествовать письменным. В. П. Шереметевский считал, что если у человека есть умение выражать мысли «живым словом», то «найдется умение, в случае надобности, выразить их и письменно, но не наоборот». Между тем в методической науке вопрос о месте и взаимодействии этих форм в системе развития связной речи учащихся остается нерешенным, как и проблема изучения недочетов в устной речи учащихся, хотя разработка этих проблем необходима.

6. Принцип постепенного нарастания трудностей и усиления роли самостоятельности учащихся в работе получает широкое раскрытие, но понимается и осуществляется по-разному. Так, в предлагаемом АПН РСФСР проекте новой программы для средней школы в разделе «Работа над изложениями, сочинениями и навыками выразительного чтения» предусматривается, например, работа над описанием, которая, с точки зрения авторов, проводится в порядке нарастающей трудности. «Описание отдельных предметов, животных» — в 4 классе; «Описание обстановки (интерьера), природы. Описание картин, изображающих интерьер и пейзаж» — в 5 кл. «Описание внешности человека (портрет). Описание картины — портрета» — в 6 кл. «Описание производственных объектов. Описание картин, изображающих труд» — в 7 кл. Нарастание трудностей в системе развития связной речи нами ставится в зависимость от задач, характера, а также способов изложения материала на той или иной ступени обучения. В одном случае — это привитие умения подробно и последовательно передавать содержание увиденного, услышанного или прочитанного; в другом — вычленять наиболее существенное, основное, в третьем — производить отбор материала на данную тему и т. д.

Достижение единства в понимании сущности этого принципа и разработка на этой основе системы развития связной речи — важнейшая задача методики.

7. Обучение «деловой речи» имеет свои особенности и практически необходимо в школе. Различная степень проявления индивидуально-авторских черт в разнообразных видах «деловой речи», позволяет условно разделить их на две группы: деловую речь, лишенную индивидуально-авторских черт (деловые бумаги) и обладающую этими чертами. Создание научно-обоснованной методики обучения различным видам «деловой речи» следует рассматривать как одну из проблем, непосредственно связанных с повышением стилистической грамотности учащихся.

8. Важнейшая проблема методики развития речи — предупреждение и исправление ошибок в творческих работах уча-

щихся и решение в связи с этим вопроса о принципах классификации стилистических ошибок.

9. Наиболее разработанными в системе развития речи являются вопросы методики словарной работы. Однако создание словарей-минимумов, в том числе и словарей-фразеологизмов, с 1-го по 8-й класс, еще не решен и остается чрезвычайно важной очередной проблемой, над разрешением которой необходимо работать.

10. Выделение и обсуждение основных проблем методики развития речи позволяет сосредоточить на них внимание исследователей.

В. Ф. ГУТЕНЕВ

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДЛЯ ШКОЛЬНОГО СЛОВАРЯ- МИНИМУМА

Фразеологические запасы русского языка исключительно велики.

Отбор фразеологических единиц для школьного словаря-минимума определяют следующие принципы:

1. Характер фразеологических единиц:

- а) с точки зрения сферы их употребления;
- б) с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств;
- в) с точки зрения их употребляемости.

В словарь включаются:

1) Общеупотребительные (в большинстве своем исконно русские) фразеологические единицы, за счет которых и идет главным образом обогащение фразеологического запаса учащихся.

Из узко профессиональной фразеологии отбираются фразеологические единицы, ограниченные в своем употреблении сферой деятельности школьников.

2) Межстилевые фразеологические единицы, являющиеся основным фразеологическим материалом для работы над развитием речи учащихся.

Из книжной фразеологии с известными ограничениями, обусловленными учебно-педагогическими задачами, в словарь включаются фразеологические единицы терминологической фразеологии (*мягкий знак*), публицистической фразеологии (*пятая колонна*), литературно-поэтической фразеологии (*узы дружбы*) и фразеологии делового языка.

С жесткими ограничениями включаются фразеологические афоризмы и крылатые выражения, а также пословично-поговорочные выражения и другие фразеологические единицы, имеющие стилистически сниженный оттенок.

3) Фразеологические единицы активного фразеологического запаса (предпочтение отдается фразеологическим единицам с высокой частотностью употребления и фразеологизмам, являющимся единственным способом выражения данного понятия), а также фразеологические неологизмы языка, получившие широкое распространение и высокую частотность употребления.

2. Степень владения учащимися фразеологическим богатством языка. Большинство фразеологических единиц находится в пассивном запасе учащихся.

Фразеологические единицы в текстах школьники узнают: при отборе 12 фразеологических единиц из знакомого текста все 12 выбрали четырнадцать учащихся из 40 человек класса, одиннадцать — 11 фразеологизмов, шесть человек — 10, четыре человека — 9, три — 7 и два — 5.

В своей речи учащиеся употребляют фразеологизмы редко, при использовании их допускают неточности и ошибки (*Я стараюсь учиться во весь дух. Концерт произвел на меня большое влияние. Я попал в маленький зеленый впросак*). Школьники не видят речевой ошибки даже тогда, когда их внимание направлено на ее исправление: ошибки в задании «Какую роль имел в процессе работы Лапоть? Какое значение для работающих играли его шутки и остроты?» Из 40 учащихся VII класса ошибки исправили 17 человек.

Частью фразеологических единиц школьники не владеют: фразеологизм «себе на уме» учащиеся VII класса определяют как *запомнить, про себя, задумать, сохранить*; «дать маху» — *убежать, разогнаться, промахнуться, перестараться*.

Активный фразеологический запас школьников сравнительно беден и характеризуется наличием в нем устойчивых сочетаний преимущественно разговорно-бытового характера.

Речь учащихся должна обогащаться главным образом за счет фразеологических единиц межстилевой и книжной фразеологии.

3. Доступность усвоения учащимися фразеологических единиц.

Преобладание конкретности в детском мышлении обуславливает трудности усвоения фразеологических единиц: фразеологизм «кожа да кости» учащиеся VII класса определяют как *скелет, покойник*; при составлении предложений с сочетаниями «зеленая улица», «намылить голову» из 40 учащихся обычно только 4—5 человек используют их как устойчивые.

По данным исследований психологов, переход от конкретного к абстрактному в мышлении школьников за годы их обучения в V—VII кл. позволяет включать в словарь трудные для усвоения учащимися фразеологические единицы.

4. Наличие фразеологических единиц в учебниках и программной литературе.

Характер фразеологических единиц (*часть речи, мастера высокого урожая, оказать помощь, иметь виды, гнуть от трёх углов, показать кузькину мать, чёрт возьми, сивый мерин, валяй в колокола, честь имею, какой пассаж, в четыре глаза, что требовалось доказать, человек — вот правда* и др.) и стилистическое использование их в текстах учебников и программной литературы разнообразны; степень насыщения фразеологизмами школьных текстов достаточно высока: в книге для чтения во II классе (Е. Е. Соловьева и др., Родная речь. «Просвещение», М., 1965) встречается более 350 устойчивых сочетаний.

5. Степень ценности фразеологических единиц с точки зрения образовательно-воспитательных задач преподавания родного языка:

1) актуальность (*бригада коммунистического труда*) и воспитательная ценность содержания (*чистота — залог здоровья*);

2) возможность анализа грамматических форм (*знание — сила*) и эффективного закрепления орфографических (*во что бы то ни стало*) и пунктуационных (*ни свет ни заря*) навыков учащихся с учетом задач по развитию речи и специфики изучаемого материала.

Е. И. ЛАВРИНАЙТИС

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ В РЕЧИ УЧАЩИХСЯ И ПРИЧИНЫ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ

I. К стилистическим нарушениям мы относим «несоответствие используемых лексических, грамматических или фонетических средств выражения мысли содержанию, характеру и задачам высказывания» и классифицируем стилистические ошибки как лексико-стилистические, грамматико-стилистические и фонетико-стилистические.

II. Наблюдение за речью учащихся школ Белоруссии (Гродненская область), изучение письменных работ, данных анкеты, специальных контрольных работ по стилистике показало, что лексико-стилистические ошибки допускаются в наиболь-

шем количестве, особенно в употреблении слов и словосочетаний, повторении одинаковых слов, тавтологии, в употреблении лишних слов.

Значительное число ошибок составляют ошибки грамматико-стилистические: нарушение границ предложений, порядка слов, однообразии синтаксических конструкций, громоздкость предложений, неправильное построение, неверное употребление предлогов.

Фонетико-стилистические ошибки чаще встречаются в устных высказываниях учащихся, в письменных же работах их сравнительно немного.

III. Сравнение работ учащихся 6-х классов с работами 7 и 8-х, выпускников школ, студентов младших курсов пединститута, а также данные проверочного эксперимента показали, что перечисленные ошибки являются наиболее устойчивыми и сохраняются очень долго, хотя процент их несколько снижается.

IV. Объем стилистических навыков учащихся невелик. Особенно слабо развит навык выбора лексических и синтаксических синонимов в речи и навык правильного употребления словосочетаний. Учащиеся не умеют определить характер стилистических недочетов и сделать элементарный стилистический анализ текста.

V. Стилистическая бедность речи проявляется в многословии. («Весь класс смотрел на эту драку, но рассоединить ее никто не решался, но вот в эту драку вмешалась девочка, которая рассоединила эту драку»), в штампах речи («Это говорит о том, что Павел был смелый...», «В начале романа мы видим Павла, который» и т. п.). Встречаются предложения, лишенные содержания («Человечество обязано Островскому за его любовь и чувство гордости за свой народ»).

VI. У многих учащихся, особенно старших классов, заметно стремление к украшательству, неумение использовать образительные средства языка, фразеологический материал («...золотистые березы... стоят как большой дворец», «...как принцессы...», «...небо кажется очаровательным...», «рожь очень великолепная и большая»). Наблюдаются случаи неоправданного смешения разных форм и стилей речи: монологической и диалогической, просторечной и литературной.

VII. Причиной лексико-стилистических нарушений нередко является недостаточное понимание сущности таких языковых явлений, как многозначность слов, переносное значение, синонимия и т. д.

VIII. Наличие лексико-стилистических ошибок в неточном или неправильном употреблении слов объясняется и явлениями психологического характера. «У каждого ребенка число

слов значительно более числа образов и понятий» (В. Стоюнин), отсюда явления ложной аналогии, смешения слов, неправильные ассоциации («В Кистеневке их встретили все придворные», «Много дорог в нашей стране. Из них есть и железные, и железобетонные, и полевые»).

Повторение слов часто бывает следствием «персеверирующей тенденции» (Н. И. Жинкин), вызванной тем, что планомерному отбору слов противостоит инертность, которая мешает, уводит в сторону.

IX. Многие грамматико-стилистические ошибки вызваны незнанием грамматических правил и определений или их недоработкой: ошибки в употреблении видо-временных форм глаголов, деепричастных оборотов, местоимений, предлогов и др.

X. В школах Белоруссии наличие ряда стилистических ошибок объясняется влиянием белорусского языка.

1. Лексико-стилистические ошибки:

1) включение в русскую речь белорусских слов: «и схватили его под могучие плечи», «она выняла его из корзины», «дыхнул ветер» и т. д.;

2) случаи контаминации: «Обезьяна... стала дразниться перед ним». Глагол «дразниться» употреблен в значении «кривляться», потому что в белорусском языке «дражницца» имеет значение и «дразниться» и «кривляться».

2. Грамматико-стилистические ошибки:

1) в области грамматических форм под влиянием белорусского языка наблюдается:

а) употребление глаголов на *-ши*: «Открывши и заглянувши в сарай Саша увидел немцев»;

б) неуместное употребление полных форм прилагательных и причастий, вместо кратких: «Они были трудолюбивые», «Она почти вся заросшая травой и цветами»;

в) ошибки в употреблении предлогов: «Все смеялись с нее», «С носа и со рта лилась кровь», «Про это было написано в газете».

Перечисленные формы в белорусском языке являются правильной литературной нормой.

2) Белорусизмами в области синтаксиса следует считать:

а) построение предложений, в которых определительное начинается с *что* без соотносительного слова в главном: «В лесу был очень глубокий снег, что Игорь проваливался»;

б) конструкции при глаголах с отрицанием типа «У Вуны с сыном не было чего кушать»;

в) постановка частицы *ці* в значении *ли* и *или* на первом месте: «Командир спросил у Пети, или знает он другую дорогу»;

г) белорусские просторечные или диалектные формы: «Кирила Петрович не смотрел, что они ему были преданы», «Ему закружилась голова».

XI. Причиной появления стилистических ошибок нередко является уровень развития учащихся.

XII. Контрольные работы, проведенные в 6—8-х классах, выявили очень незначительный рост стилистической грамотности учащихся.

Это объясняется недостатками в постановке стилистической работы в школе: отсутствием преемственности между начальными и старшими классами, отсутствием четко выраженных требований к речи детей, однообразием приемов и методов работы над словом, преобладанием упражнений, направленных на работу со словом вне контекста, отсутствием единого речевого режима в школе и межпредметных связей в области развития речи учащихся.

К. П. ЩЕПИНА

ОСНОВЫ РАБОТЫ ПО ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИСА

1. Изучение грамматики, в частности синтаксиса, необходимо связывать с работой по стилистике.

2. Стилистическая работа проводится систематически и последовательно с учетом постепенного нарастания трудностей и возрастных особенностей учащихся.

Так, в процессе овладения навыком стилистического анализа текста учащиеся последовательно проходят четыре ступени обучения.

На первой ступени — коллективно с помощью учителя определяется общий характер отрывка, его стиль, учащиеся находят изучаемые синтаксические конструкции и путем беседы подводят к выводу об их стилистической функции и уместности употребления.

Вторая ступень рассчитана на самостоятельное выделение и определение стилистической роли изучаемых категорий, уместности использования их в данном контексте.

Третья ступень — обучающие изложения, рассчитанные на подражание образцу. Учащимся предоставляется возможность соотнести использованные языковые средства с содержанием произведения и замыслом автора, употребить эти грамматические категории как наиболее соответствующие требованиям стиля данного произведения в своих работах.

На четвертой ступени — сочинения по личным наблюдениям, впечатлениям, по картине и т. п. — учащиеся самостоятельно определяют содержание и языковую форму работы (сочинения), используют в зависимости от цели и замысла автора нужные синтаксические конструкции.

2. В основу всей работы по синтаксической стилистике должно быть положено использование связанных текстов, так как только в связном тексте становится понятной уместность употребления синтаксической конструкции, возможность взаимозамены синтаксических синонимов.

3. Большое значение в организации занятий по синтаксической стилистике имеют межпредметные связи, и особенно связь уроков русского языка и литературы.

После изучения каждой синтаксической категории учитель показывает практическое использование и стилистическую роль ее на текстах из учебников по различным предметам. Например: чтобы показать сферу употребления односоставных предложений в научном стиле, мы использовали тексты из учебников по черчению (стр. 16), химии (стр. 28), физике (стр. 43) и др.

Особое место занимают тексты программных художественных произведений, уже изученных и проанализированных на уроках литературного чтения, в которых учащиеся быстро находят изучаемую синтаксическую конструкцию и сосредотачивают основное внимание на уяснении ее синтаксической и стилистической функции.

4. Связь занятий по синтаксической стилистике с выразительным чтением текста, наблюдениями над интонацией и порядком слов — необходимое условие успешной работы по повышению стилистической грамотности учащихся. Выразительное чтение, правильное интонирование предложений отрывка и всего текста в целом создают возможность для одновременного восприятия содержания произведения и его формы.

5. Хорошо организованные и систематически проводимые занятия по стилистике во внеурочное время имеют большое образовательно-воспитательное значение: повышают общую речевую культуру школьников, развивают их лингвистические способности, содействуют лучшему усвоению программного материала.

Экспериментальная проверка показала, что для успешной организации стилистической работы при изучении синтаксиса необходимо учитывать все рассмотренные нами основные положения в их совокупности.

РАБОТА НАД СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

1. Работа над словосочетаниями при изучении частей речи создает благоприятные условия для более сознательного и углубленного усвоения основных грамматических признаков частей речи, в частности, роли и значения падежей, а также для наблюдения законов сочетаемости слов, в которых с особой отчетливостью обнаруживаются специфические особенности русского литературного языка. В силу этого необходимо сообщать учащимся сведения о словосочетании до изучения частей речи, обращая внимание на различие между словосочетанием и словом, между словосочетанием и предложением.

2. Работа над словосочетаниями при изучении частей речи должна строиться по принципу постепенного усложнения материала, с соблюдением этапности в нарастании трудностей.

В 5 классе при изучении частей речи главное внимание важно сосредоточить на образовании словосочетаний путем распространения основного слова зависимыми, поясняющими, уточняющими и конкретизирующими словами, постоянно сравнивая словосочетания с данными основными словами, в целях установления сходства и различия между отдельным словом и словосочетанием. Учитывая возрастные особенности детей, целесообразно рассматривать сначала словосочетания, состоящие из конкретных слов.

3. Практическое и теоретическое значение словосочетаний обнаруживается главным образом при изучении падежей, в процессе грамматического разбора, при работе над речевыми ошибками. В каждом словосочетании дети находят главные и зависимые слова, определяют их значение и форму, ставят вопросы от главного слова к зависимому, в случае надобности подбирают однотипные словосочетания.

4. При изучении падежей имени существительного работа над словосочетаниями направлена на сознательное усвоение падежей, их значения. Учащиеся рассматривают таблицы словосочетаний (например, словосочетания с родительным принадлежности, действующего лица и др.), анализируют их по известному им плану (см. пункт 3), подбирают однотипные словосочетания:

Таблица 1

платье сестры
портфель учительницы
шлем летчицы
костюм балерины

Таблица 2

помощь сестры
объяснение учительницы
тренировка летчицы
выступление балерины

В результате целенаправленной проведенной беседы учащиеся под руководством учителя приходят к выводу: в первой таблице словосочетаний родительный падеж всех зависимых слов обозначает принадлежность лицу какого-нибудь предмета, а во второй — действующее лицо.

5. Работа над словосочетаниями закономерно соединяется с грамматическим разбором частей речи, так как в процессе разбора любой знаменательной части речи указываются и постоянные (классифицирующие) признаки, и непостоянные, зависящие от отношения данного слова к другим словам. Согласно общепринятому порядку разбора, учащиеся, перечислив непостоянные признаки (падеж, род и число — для имен, лицо, число и род — для глаголов), должны установить, на какой вопрос отвечает анализируемое слово и от какого слова оно зависит, то есть фактически выявить словосочетание (кроме предикативного). Такое словосочетание выделяется, определяется его тип и подбираются в случае надобности однотипные словосочетания.

6. Работа над ошибками в построении словосочетания обычно сопровождается повторением основных сведений о словосочетаниях данного типа: учащиеся называют главные и зависимые слова, устанавливают их значение, определяют форму зависимого слова, заменяют в случае надобности зависимое слово, ставят вопрос от главного слова к зависимому, выявляют характер ошибки, подбирают однотипные словосочетания. Так например, в словосочетании с допущенной ошибкой «пушинки одуванчиках» («Во все стороны разлетались пушинки одуванчиках») учащиеся по заданию преподавателя находят главное слово «пушинки» и зависимое от него «одуванчиках» главное слово обозначает часть предмета (цветка), а зависимое — весь предмет (цветок); заменяют множественное число зависимого слова единственным: пушинки (чего?) одуванчика; устанавливают падеж зависимого слова (родительный); выявляют ошибку: вместо родительного падежа употребили предложный; исправляют ошибку: «пушинки одуванчиков»; подбирают однотипные словосочетания: крыши домов, ящики столов, листья растений, окна домов, стебли цветов, ветви деревьев, ступени лестниц.

СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ВЕЧЕРНЕЙ ШКОЛЕ

1. Самостоятельная работа учащихся включает в себя активное слушание рассказа или лекции учителя, умение выделить главное и законспектировать, составить тезисы, план, отобрать факты для ответа по данному учителем плану. Вместе с тем это и работа с учебником, выполнение различных грамматико-стилистических упражнений и использование изученных языковых конструкций в творческих работах и в жизненной практике.

2. Психологическую основу самостоятельности составляет процесс преодоления трудностей, в результате которого не только повышается уровень знаний учащихся, но и развиваются их познавательные способности, воспитывается воля, характер.

3. Предлагая систему заданий при изучении темы «Сложноподчиненное предложение», мы определили и поставили перед учащимися цель, наметили перспективность и последовательность в овладении определенным кругом вопросов, установили объем знаний, умений и навыков, которыми должны овладеть учащиеся.

4. Все задания были подчинены единой цели — научить школьников использовать богатство родного языка в устной и письменной речи.

5. При изучении языковых фактов в каждом конкретном случае перед учащимися ставилась учебная задача — проблема, для решения которой требовалась активизация мыслительной деятельности, умение анализировать и сопоставлять факты, выделять частное от общего, делать выводы на основе наблюдений.

6. При составлении заданий учитывались принципы доступности изложения материала, постепенного наращивания трудностей, разнообразия, принимая во внимание и характер изучаемого материала.

7. Основное внимание было сосредоточено на разработке методики организации самостоятельной работы в процессе приобретения новых знаний, так как этот вопрос оказался наименее разработанным в методической литературе.

8. При изучении теоретического материала использовались три вида заданий:

1. Задания с постановкой одной конкретной цели перед учащимися. Например, изучить параграф, ответить на вопрос, какие новые сведения дает параграф о видах связи; кратко сформулировать правило постановки знаков препинания в сложноподчиненном предложении на основании самостоятельного изучения параграфа. Подобные задания давались при изучении простых правил.

2. Задания с постановкой нескольких задач, предполагающих необходимость краткого вывода. Например, отобрать из параграфа, примечания к нему и дополнительного сообщения учителя материал для ответа на вопрос: «Что вы узнали о косвенном вопросе?» Или: «составить план ответа на данную тему на основании объяснения учителя и чтения параграфа в учебнике». Такие задания предлагались при изучении более сложного материала, требующего сравнения, сопоставления, отбора фактов и обобщения по одному какому-то вопросу.

3. Третья группа заданий использовалась при изучении большого по объему и трудного по содержанию материала, частично отсутствующего в учебнике, требующего обобщений по разделу или всей теме: например, дать развернутый ответ по данному плану на вопрос: «Грамматические признаки придаточного предложения». Или: составить таблицу «Способы выражения сравнения в русском языке». При этом требовалось подобрать соответствующие примеры для иллюстрации.

9. В результате опытного изучения темы по разработанной нами системе в 48 классах вечерних школ г. Ленинграда, в школах передового опыта, специальной экспериментальной работы в нескольких классах, а также на основании данных индивидуального эксперимента установлено, что наиболее эффективными оказались следующие приемы работы: отделение главного от второстепенного, нового от уже известного в результате наблюдений над фактами языка; сравнение, сопоставление и различие языковых явлений, выделение основной мысли, установление причинно-следственных связей и последовательности явлений, обобщение.

Т. Г. ПОПОВА

СВЯЗНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ АКТИВИЗАЦИИ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ

1. Проблема связного изучения морфологии и синтаксиса не является новой: попытки такого изучения языка мы находим у Белинского в его учебнике «Основания русской грам-

матики» (1837 г.). В. Г. Белинский дает синтаксическое обоснование частей речи, показывая принцип «назначения» их, т. е. рассматривая роль грамматической категории в практике речи. На позициях связного изучения морфологии и синтаксиса стоит и Ф. И. Буслаев, который «выводит» части речи из членов предложения. Авторы многих дореволюционных учебников русского языка отстаивали принцип параллельного изучения морфологии и синтаксиса (С. Бородин, Н. Кульман, В. Богородицкий, К. Говоров, В. Иванов и многие другие). Академик Л. В. Щерба соотносит принцип связи между морфологией и синтаксисом с очень важной проблемой: учить детей языку или только грамматике его.

2. Вопрос о связанном изучении морфологии и синтаксиса широко освещается в советской методической литературе, однако он нуждается в дальнейшей разработке.

В основе принципа связи между морфологией и синтаксисом лежит общеизвестное положение о том, что различные грамматические категории могут быть усвоены только в системе языка, так как «вырванное из связи слово мертво», по словам Потебни.

Опытная проверка изучения русского языка на основе связи морфологии и синтаксиса, проводимая в ряде школ города Ленинграда, Челябинской области и г. Уссурийске Приморского края, показала, что изучение материала идет при достаточно высокой активности учащихся; синтаксические сведения усваиваются.

Связное изучение морфологии и синтаксиса в 5—6 классах ведет к значительному повышению пунктуационной грамотности в последующих классах восьмилетней школы. Пунктуационная грамотность семиклассников, по данным контрольного эксперимента, на 34% выше в тех кластах, где синтаксических материал изучался параллельно с морфологическим.

Связное изучение морфологии и синтаксиса способствует развитию речи детей. Изучая каждую морфологическую категорию, учащиеся знакомятся с ее синтаксическими функциями и приучаются свободно и сознательно пользоваться этими знаниями в устной и письменной речи. Это позволяет проводить большее количество творческих работ, больше работать со связным текстом. Так, в 6-а классе (экспериментально) и 6-б класс (контр.) школы № 11 г. Уссурийска в течение учебного года проведено одинаковое количество контрольных диктантов, зато творческих работ в экспериментальном классе проведено в три раза больше, чем в контрольном. (27—в 6-а и 9—в 6-б кл.). Речь учащихся экспериментального класса ярче, выразительнее, богаче не только по содержанию, но и по форме.

3. В прямой связи с количеством проведенных работ находится учет знаний учащихся и индивидуальная работа с ними. Каждый ученик экспериментального класса опрошен в течение года в среднем 55 раз (устно и письменно), тогда как в контрольном классе ученики имеют в среднем по 37 оценок.

Параллельное изучение морфологии и синтаксиса позволяет организовать работу над устными и письменными изложениями и сочинениями самых различных видов. Например, изучение синонимичных синтаксических конструкций помогает целенаправленно проводить работу над сжатым изложением прочитанного, что является одной из задач обучения языку.

Известно, что ученики 5—6 классов избегают употребления более или менее сложных синтаксических конструкций, особенно в письменной речи, боясь допустить лишние ошибки. Стремясь преодолеть этот недостаток в развитии речи детей, мы уделяли серьезное внимание работе над способами выражения той или иной мысли, над вариантами передачи содержания этой мысли, работе над заменой сложных синтаксических конструкций более простыми и наоборот.

В результате этой работы шестиклассники начали более осмысленно вводить в свою письменную речь сложные предложения (союзные и бессоюзные); предложения, осложненные обособленными оборотами. Так, после изучения темы «Сложное предложение» на материале морфологической темы «Союз» в сочинениях и изложениях учащихся целенаправленно использовалось в среднем 37% сложных синтаксических конструкций от общего количества написанных предложений.

4. Выполнение различного рода заданий, содержащих в себе одновременно синтаксические, орфографические и пунктуационные задачи, и предусматривающих постепенное усиление роли самостоятельности детей, работа с раздаточным материалом, выполнение различных упражнений, подготовленных учителем на переносной доске, работа с книгой, учебником и хрестоматией, разные виды грамматического разбора, творческие работы-миниатюры и т. п. повышает активность школьников и способствует лучшему усвоению материала.

5. Связное изучение морфологии и синтаксиса предполагает постоянную систематизацию и обобщение изученного материала, сравнение и сопоставление новых фактов с уже известными. Большое значение в связи с этим приобретают обобщающие систематизирующие таблицы, особенно те, которые составляются самими учащимися вначале под руководством учителя, затем самостоятельно. Так, в конце каждой темы после изучения всего морфологического и синтаксического материала проводится обобщение его по принципу «Грамматичес-

кие признаки имени существительного (или любой другой части речи), синтаксическая роль его и основные правила правописания».

Таблицы, составленные учащимися, объединяются в грамматический альбом. Такая работа является серьезной проверкой знаний и помогает систематизировать материал.

(Доклад иллюстрируется данными экспериментальной проверки связного преподавания морфологии и синтаксиса по темам: «Имя существительное», «Наречие» и «Союз». Таблицы и работы учащихся прилагаются).

В. Н. ЛУКЪЯНЧИКОВА

ПРИЕМ СРАВНЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФОНЕТИКИ

1. Наблюдения за преподаванием фонетики в школах показывают, что изучение фонетических тем нередко проводится на очень низком уровне. Основным недостатком изучения названного раздела программы следует признать отрыв звуковой стороны языка от смысловой, звука от значения, отсутствие исторического объяснения фонетических явлений там, где это возможно.

Фонетика в школе часто изучается в отрыве от морфологии и, прежде всего, от состава слова. Фонетический разбор в сочетании с морфологическим разбором по составу слова практикуется очень редко.

Изучение фонетических явлений многими учителями не связывается с развитием мышления, устной и письменной речи учащихся.

2. На базе накопленных общепедагогических и психологических научных данных о дидактических приемах мы попытались построить систему занятий по теме «Фонетика» с использованием приема сравнения как одного из средств успешного усвоения знаний, умений и навыков, развития логического мышления и речи учащихся.

3. Вопрос о сравнении ставился и разрешался методистами прошлого: Ф. И. Буслаевым, К. Д. Ушинским и др. Георетическое обоснование дидактического приема сравнения впервые в методической литературе было сделано К. Д. Ушинским. Сравнение, по его мнению, является таким приемом обучения, который не только помогает сознательно усвоить материал и прочно удержать его в памяти, но и развивает мышление детей. Сравнение, по К. Д. Ушинскому, основа всякого понимания и всякого мышления.

4. Естественнонаучное обоснование методического приема сравнения получил в учении И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Большое внимание приему сравнения уделено в советской педагогической и психологической науке, в исследованиях М. Н. Шардакова, П. Н. Груздева, И. Г. Кушкова, Ш. И. Ганелина, Е. Я. Голанта и др.

Все авторы отмечают положительную роль сравнения как средства развития логического мышления и как средства борьбы за сознательное и прочное усвоение знаний, умений и навыков.

5. Организуя экспериментальную работу по использованию приема сравнения в процессе изучения темы «Фонетика», мы стремились не только дать учащимся знания о фонетических явлениях современного русского языка и выработать навыки правильной устной и письменной речи, но и развивать познавательные способности детей.

6. На первом этапе обучения учащиеся знакомятся с приемом сравнения практическим путем. Обучение сравнению на этой стадии представляет собой повторение учащимися тех мыслительных операций, которые производит учитель. Затем учащиеся устанавливают под руководством учителя объекты сравнения, линии сравнения.

Постановкой определенного вопроса учитель помогает учащимся выяснить характер отношений между сравнительными объектами, то есть устанавливать, исходя из логики материала, в первую очередь сходство, затем различие.

При сравнительной характеристике того или иного объекта, например разделительных *ъ* и *ь*, выделенные признаки воссоединяются учащимися в целое понятие.

В. И. ШАБАНОВА

СТЕННЫЕ ТАБЛИЦЫ С ПОДВИЖНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

1. Проблема развития логического мышления учащихся при обучении русскому языку, впервые сформулированная профессором В. А. Добромысловым, в настоящее время в различных направлениях исследуется психологами и методистами. Основное внимание при этом уделяется управлению познавательной деятельностью учащихся на уроке, воспитанию у учащихся мыслительных навыков.

2. Особенно важно развивать мыслительную активность учащихся при изучении глагола и глагольных форм, которые

представляют наибольшие трудности для усвоения их учащимися в силу большой объемности содержания понятия «глагол», многочисленности его грамматических категорий, а также в силу конкретно-жизненного понимания учащимися понятия «действие».

3. Таким образом, руководство логическим мышлением учащихся при изучении глагола и глагольных форм должно обеспечивать понимание учащимися грамматически закрепленной абстрактности действия. Кроме того, развитие мыслительных навыков на основе овладения логическими операциями анализа, синтеза, сравнения, обобщения и т. д. становится возможным в определенной системе использования средств наглядности. Назначение наглядности должно заключаться не только в стимулировании мыслительной деятельности учащихся, но главным образом в определенно направленной системе руководства мышлением.

4. Для обоснования и выбора определенной системы применения наглядности как средства руководства логическим мышлением учащимися при изучении ими глагола и глагольных форм нами было проведено предварительное исследование. Оно имело целью определить степень развития «глагольного чутья» у учащихся VI класса к началу изучения темы «Глагол», то есть выяснить, на какой фактор — семантический, морфологический или синтаксический — опираются учащиеся, определяя принадлежность того или иного слова к глаголу. Анализ экспериментальных данных показал, что морфологический фактор преобладает, а семантические признаки имеют второстепенное значение в определении глагола и его форм. Особенно ярко проявилась эта тенденция по отношению к причастию. Поэтому нам представляется совершенно необходимым изучать глагол и глагольные формы в тесной взаимосвязи, присоединяясь к точке зрения ряда психологов и методистов.

5. На основании экспериментов нами разработаны стенные таблицы с подвижными элементами, с помощью которых учитель может руководить логическим мышлением учащихся на уроке в области систематизации грамматических знаний. Так как под системностью знаний в советской психологии и педагогике понимается не количественное накопление знаний, а взаимодействие уже имеющихся знаний с новыми, включение старых знаний в новые в качестве активного компонента, то и предлагаемая система содержания стенных таблиц основана на применении учащимися логических операций и обеспечивает более эффективное усвоение учебного материала учащимися.

РАБОТА ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «КОРЕНЬ, СУФФИКС, ПРИСТАВКА»

1. Вопросы словообразования при усвоении орфографии интересовали Ф. И. Буслаева, К. Д. Ушинского, И. С. Соломоновского, В. П. Шереметевского и других методистов прошлого. Ф. И. Буслаев писал, что в правописании следует руководствоваться образованием слов. По мнению К. Д. Ушинского, упражнения по словопроизводству дают учащимся «власть над тем запасом слов, который бессознательно лежит в их памяти». И. С. Соломоновский считал образование слов необходимым упражнением для развития логического мышления и для целей правописания.

2. В методике советского периода также признается необходимость изучения в школе вопросов словообразования для успешного овладения орфографией, «Словообразовательной работой,— пишет Н. М. Шанский,— в значительной степени определяется орфографическая грамотность, ученика, его словарный запас, его языковое чутье и богатство его в стилистическом отношении». Проблемам словообразования посвящены работы В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, Н. Д. Арутюновой, К. Земской и др., в частности, разграничению словообразовательного и морфологического анализов, часто смешиваемых в школе.

3. Соотношение производных основ с производящими в процессе словообразовательного анализа дает учащимся возможность правильно и осмысленно выделить значащие части в основе слова, определить способ образования, уяснить порядок присоединения морфем.

Учащиеся экспериментальных классов, разбирая, например, слово **ОБОРВАТЬ** по составу, соотносят его со словом **РВАТЬ**, слово **ЖАЛОСТЛИВЫЙ** соотносят со словом **ЖАЛОСТЬ**. При таком соотношении они правильно выделяют в слове **ЖАЛОСТЛИВЫЙ** два суффикса **ОСТ** и **ЛИВ**, в слове **ОБОРВАТЬ** приставку **ОБО** не включая в состав корня, что нередко наблюдается при механическом членении слова по составу.

Наблюдение за изучением состава слова и экспериментальная работа убеждают в необходимости проведения словообразовательной работы в 5 классе.

4. Работу над словообразованием в экспериментальных классах мы начали перед изучением состава слова. С учащимися были рассмотрены основные способы образования слов.

Путем словообразования подвели учащихся к понятию производной и непроизводной основ, а также к понятию образующей основы.

Наиболее эффективными оказались следующие приемы:

- а) выделение словообразовательных морфем при записи примеров;
- б) составление схем

мор + як моряц + к + ий
 Море моряч + к + а
 мор + ск + ой
 за + мор + ск + ий

в) заполнение таблицы

Слова для разбора	От какого слова образовано	Образующая основа	Образующие прист., суфф.

5. Результатом изучения словообразования в 5 кл. явилось повышение интереса учащихся к предмету, внимательное отношение к слову, его образованию, составу и правописанию, повышение грамотности учащихся.

К. И. СЕМЕНОВА

ПРОБЛЕМА ВОСПИТЫВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Цель доклада — выяснить общие положения проблемы воспитывающего обучения вообще и конкретизировать их в применении к русскому языку как предмету преподавания. Поэтому мы останавливаемся на главных, наиболее общих положениях поставленной проблемы, иллюстрируя их отдельными примерами из практики преподавания русского языка в средней школе.

2. Обучение и воспитание — органическое единство процесса формирования нового человека. Только обучая и одновременно воспитывая, можно достичь поставленной цели. Обучение должно быть воспитывающим, то есть должно предпола-

гать, что учитель вместе с сообщением фактов конкретного материала осуществляет политическое, нравственное и эстетическое воспитание своих учеников.

3. Наибольшими возможностями в процессе воспитывающего обучения располагает учитель русского языка. Русский язык как предмет позволяет формировать научно-материалистические представления и убеждения учащихся.

4. Большим пороком работы словесника являются такие занятия по русскому языку, где все содержание их составляет только тренировка по орфографии и пунктуации. Важнейшим условием высокого воспитательного и образовательного качества уроков должно быть изучение русского языка во всем многообразии его аспектов.

5. Большое влияние на формирование трудовой дисциплины будущего работника оказывает организационная сторона урока: четкость, слаженность компонентов урока, требование этой четкости от учеников, что развивает привычку относиться ко всякому труду, ко всякой трудовой обязанности также четко и ответственно.

6. Учитель русского языка должен помочь своему ученику выработать коммунистическое мировоззрение. Одним из основных средств воздействия является текстовой материал, который должен: 1) соответствовать изучаемой грамматической теме, 2) быть воспитательным по содержанию, 3) служить средством развития речи, 4) быть показательным в орфографическом отношении. Подбор таких текстов — главная задача при подготовке учителя к уроку.

7. Изучение краеведческого материала развивает чувство любви к родине и к своему краю. Средствами антирелигиозного воспитания и формирования эстетических вкусов могут служить картины русских художников, кино, театр, выставки картин и др.

Н. И. ГАМБУРГ

ЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. В последние годы вышел ряд книг и статей, рекомендующих использование в преподавании русского языка заданий занимательного характера.

Между тем, несмотря на то, что опубликованы задания и упражнения занимательного характера, остается дискуссион-

ным вопрос о том, что такое занимательность, неизвестно, чем следует руководствоваться при определении занимательности тех или иных заданий.

2. В психолого-педагогической науке занимательность рассматривается как разновидность интереса, стадия интереса и пути формирования интереса.

Мы понимаем под занимательностью в обучении возбуждение непосредственно (часто эпизодического, ситуативного) интереса к предмету путем введения в преподавание элементов неожиданности, необычайности, призванных удивить учащихся и способствовать формированию у них познавательных интересов.

Использование занимательности в процессе обучения — это методическое средство, повышающее эффективность обучения.

3. Задания занимательного характера должны соответствовать содержанию понятия «занимательность», однако литература по «занимательной грамматике» рекомендует немало серьезных грамматических заданий, совершенно не соответствующих понятию «занимательность».

Так, ничего занимательного не содержат задания типа:

«Допишите окончания прилагательных в следующих предложениях» (Н. Ф. Александрович. Занимательная грамматика, Минск, 1964, стр. 106); «Приведите примеры качественных и относительных прилагательных с суффиксом «тельн» (А. Т. Арсирий, Г. М. Дмитриева. Материалы по занимательной грамматике русского языка, ч. 1, Учпедгиз, 1963, стр. 126); «Какими членами предложения являются выделенные слова?» (И. И. Бабкова. Работа с учащимися в кружке русского языка. В сб. «На уроке и после урока», Учпедгиз, 1962, стр. 102) и др.

Подобные задания не могут удивить учащихся и вызвать их любопытство; не возбуждая же непосредственного интереса, они не являются занимательными.

4. Занимательность следует отличать от развлекательности. Развлекательность, как и занимательность, может способствовать возникновению непосредственного интереса, однако их коренное различие заключается в том, что развлекательность не связана с содержанием обучения и не подчинена познавательным целям, в то время, как занимательность, используемая в процессе обучения, органически связана с ним и всегда подчинена процессу познания. В обучении нет места развлекательности: все должно быть направлено на достижение серьезных познавательных целей. Вместе с тем в литературе по «занимательной грамматике» встречаются «развлекательные» задания, лишённые лингвистического содержания. Никакого отношения к изучению русского языка не имеют, например, такие

задания: «В каком челноке нельзя переплыть даже небольшой пруд?» (Е. К. Мережинская и др. Занимательная грамматика. Изд-во «Радянська школа», Киев, 1964, стр. 45); «В каком месяце люди меньше всего разговаривают?» (Н. А. Александрович. Занимательная грамматика. Минск, 1964, стр. 104); «Какое отчество могло быть у Демона из одноименной поэмы Лермонтова?» (Там же).

5. Учитывая возрастные особенности и интересы школьников различных классов, мы считаем, что в процессе обучения и, в частности, в методике русского языка можно использовать следующие виды занимательности:

- 1) игры различных типов (в том числе игры-задачи (кроссворды, чайнворды) и игры-загадки (шарады, ребусы и т. п.);
- 2) проблемные вопросы;
- 3) задачи на сообразительность;
- 4) рассказы и сказки, вызывающие любопытство;
- 5) «удивительные» опыты;
- 6) мнемонические приемы;
- 7) курьезы и шутки.

Помимо указанных видов занимательности, ее элементы содержатся также во многих наглядных и технических пособиях. С проблемой занимательности связано и программированное обучение.

6. Все эти виды занимательности, будучи подчинены познавательным целям обучения и развития, являются важным средством формирования интереса учащихся к русскому языку и способствуют, вследствие этого, повышению качества обучения.

7. Для того чтобы «занимательные» виды работы не отвлекали учащихся от напряженной мыслительной деятельности, необходимо умеренное использование «занимательности» и органическое включение ее в канву уроков. В процессе обучения русскому языку следует использовать элементы занимательности, непосредственно связанные с языковым материалом.

8. Различные виды занимательности могут использоваться как во внеклассное время, так и на уроках русского языка. При этом во внеклассное время занимательности принадлежит большее место, чем во время уроков.

9. В процессе обучения русскому языку занимательность может использоваться на уроках различных типов и на различных этапах уроков.

10. Занимательность может применяться в методике русского языка для повышения эффективности обучения как коллективов учащихся, так и отдельных учеников.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НАГЛЯДНОСТИ В РАБОТЕ ШКОЛЬНОГО КРУЖКА РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Продуманная систематическая работа школьного кружка русского языка может оказать значительную помощь в учебном и воспитательном процессе.

2. Основной задачей кружка является воспитание интереса к вопросам языка, выявление склонностей учащихся в этой области и оказание им помощи в овладении законами языка и в поднятии культуры речи.

3. Направления работы кружка для 5—7 классов должны быть разнообразны, чтобы возможно больше будить мысль и чувства детей. В дальнейшем работа может специализироваться в одном каком-либо направлении.

4. Темой данного сообщения является вопрос осуществления принципа наглядности в работе кружка русского языка.

Сообщение иллюстрируется наглядными пособиями к работе кружка, которые могут быть приготовлены как руководителем, так и членами кружка.

5. С целью повышения общего развития, расширения их кругозора, сообщения им новых сведений ряд занятий должен быть посвящен высказываниям наших классиков о русском языке.

(Наглядные пособия: «В. И. Ленин о русском языке», «И. С. Тургенев о русском языке», «Русские писатели о языке», «Газетный материал о русском языке за рубежом»).

6. Содержанием этих занятий должно быть чтение высказываний, объяснение новых слов и выражений, усвоение и передача мыслей, беседа о нашем отношении к родному языку.

7. Для воспитания внимания и уважения к русскому языку последующие занятия должны быть выделены для выразительного чтения стихотворений советских поэтов о русском языке.

(Таблица с набором стихотворений).

8. Тема «Народ — создатель языка и учитель наших писателей» может пройти красной нитью через многие занятия кружка. Следует на ярких примерах конкретизировать эту идею, показать образцы народного творчества в исполнении художников слова, отметить отношение к народному творчеству наших классиков, высокую оценку ими устной народной поэзии как родоначальницы книжной литературы. Необходимо показать отражение идей и образов устного творчества народа в различных видах искусства.

(Наглядные пособия: «Народ — создатель языка», «Русские народные сказки», «Былины», «Пословицы», «Загадки». Пластинки с записью художественного чтения мастеров слова).

9. Чтение и рассказывание сказок и былин, рассматривание иллюстраций через эпидиаскоп, слушание художественного чтения, работа над языком произведений, освоение пословиц и загадок и на этой основе осмысливание отзывов наших классиков об устном народном творчестве — все это является содержанием кружковых занятий по этой теме.

10. Следующей темой должно быть творчество великих русских писателей, учившихся русскому языку у своего народа: сказки А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова.

(Наглядные пособия: «Сказки Пушкина», «Басни Крылова» — иллюстрированный материал и задания к его использованию).

11. Приемы работы на этих занятиях: выразительное чтение произведений, сопоставление идей и образных средств с идеями и языком произведений устного народного творчества, рассматривание иллюстраций через эпидиаскоп, подбор к ним отрывков произведений, работа над художественными средствами языка.

12. Для воспитания внимания и любви к родной природе, расширения впечатлений, повышения речевой культуры учащихся несколько занятий кружка следует посвятить небольшим устным и письменным сочинениям по картине.

(Таблицы с репродукциями картин русских художников; стихотворения и рассказы русских поэтов и писателей; пластинки с записью художественного чтения мастеров слова и музыкальных произведений).

13. Содержание работы: рассказы о художниках и их картинах, рассматривание репродукций картин, пересказ их содержания, подбор образных средств языка, выразительное чтение стихотворений и художественной прозы на ту же тему, выявление общего в отношении к родной природе в произведениях изобразительного искусства, поэзии, музыки.

14. Значительную долю времени в работе кружка необходимо уделить укреплению навыка анализа фонетического и морфологического состава слова, углублению навыка грамотности, работе над многозначностью слова, развитию наблюдательности, смекалки, внимания и чуткости к слову.

Все это целесообразно осуществить в процессе игры и решения занимательных задач.

(Занимательные таблицы с различными заданиями; настольные игры на разные темы; рекомендации к подвижным играм).

15. Живое участие кружковцев в обсуждении вопросов, повышение интереса и активности могут быть обеспечены предварительной подготовкой кружковцев к очередному занятию. Этому должен содействовать материал наглядных пособий.

16. Одним из действенных элементов работы кружка является участие детей в изготовлении наглядных пособий к работе кружка по образцу, данному учителем.

В работе по подбору материала на ту или иную тему, систематизации и оформлению его, в пополнении таблиц своими творческими работами участники кружка развивают творческую мысль и инициативу, приобретают навыки ручного труда.

17. Помимо практических умений, сообщаемых детям в процессе этой работы, она воспитывает в них желание быть полезными школе и коллективу товарищей и претворяет в жизнь идею самообслуживания.

18. Наглядные пособия, использованные в работе кружка и выполненные его членами, должны послужить в качестве оформления зала на вечере русского языка, который следует организовать как отчет о работе кружка перед их товарищами по классу.

19. Все вышеуказанное далеко не исчерпывает возможностей по оснащению наглядными пособиями работы в кружке русского языка, а лишь намечает некоторые направления в этой работе.

20. Целесообразно организовать соответствующий кружок или спецсеминар в условиях работы пединститута.

Г. М. КУЗНЕЦОВА

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МАГНИТОФОНА НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

1. Эффективность обучения студентов языку возрастает при использовании на занятиях магнитофонных записей. Это обстоятельство, неоднократно отмечавшееся в печати и на специальных конференциях, внесло некоторые дополнения в методику преподавания фонетики и орфоэпии родного языка и не только изменило построение практических занятий, но определенным образом отражается даже на чтении лекций.

2. Лектор сейчас может опираться не только на материал орфоэпического словаря и других печатных источников, не только на звуковой материал собственной речи, но в большей степени, чем раньше, на радиопередачи, пьесы в театре, записи

выступлений мастеров художественного слова, современных писателей, на материал, извлеченный из анализа речи самих студентов, школьников и даже дошкольников. Преподаватель, развивая то или иное положение, может отослать студентов к этому материалу, хранящемуся в фонотеке.

3. На практических занятиях использование магнитофонных записей позволяет развивать фонетический слух студентов, учит восприятию и пониманию живых звуковых явлений современного русского языка.

4. Основной вид упражнений с использованием магнитофонной ленты — это, во-первых, различные фонетические задания для слухового анализа (без графической записи текста) и, во-вторых, диктанты для транскрибирования с последующим анализом текста. Важно, чтобы первый тип задания предшествовал второму. Если транскрипция предшествует анализу на слух, без записи слов, то в конечном счете не будет и ошибок в транскрибировании. На первом этапе полезны самые простые задания — прослушать звучащий текст и выделить в нем (по слуху) определенные группы согласных (глухие, звонкие, сонанты, шумные, твердые, мягкие, аффрикаты, щелевые, долгие и т. д.).

5. Некоторые примеры упражнений на слуховой анализ текста перед транскрибированием:

а) прослушать текст, обращая внимание на мягкие согласные. Затранскрибировать только те слова, в которых согласные находятся в положении перед мягкими. Установить, произношение каких мягких согласных является результатом действия закона ассимиляции по мягкости. Указать случаи произношения твердых согласных перед мягкими;

б) прослушать текст, записать в транскрипции только те слова, в которых наблюдается ассимиляция по звонкости (может быть, по глухости и т. п.);

в) указать в прослушанном тексте фонетические закономерности, связанные с позицией начала и с позицией конца слова;

г) прослушать текст, внимательно наблюдая за произношением гласных в первом заударном слоге. Описать их произношение;

д) прослушать текст, указать слова, в которых произносится фонема «j». И т. п.

6. Фонетические диктанты для транскрибирования тоже удобнее проводить с магнитофонной ленты, чтобы выдержать их в одном темпе, в одном стиле произношения, с заданной интонацией.

7. Контрольная работа по фонетике выполняется студентами на основе текста, записанного в транскрипции под диктов-

ку с магнитофонной ленты. Каждый студент получает индивидуальное задание по фонетическому анализу данного текста.

8. Для того чтобы студенты услышали отдельные элементы звука (то, что в обычной речи трудно услышать): конечное придыхание, аффрицированность т', д', у-образное начало «о», дифтонгоидность гласных после мягких согласных и др.— на практических занятиях применяется метод инверсального прослушивания, при котором нарушается естественное восприятие слова, каждый произносительный момент выступает более четко, как бы сам по себе.

9. Работа по орфоэпии на практических занятиях проводится с привлечением записей образцовой литературной речи.

На материале небольших отрывков из пьес, рассказов, стихотворений в разном исполнении проводится наблюдение над историческими изменениями в произносительных нормах, над особенностями произносительных стилей, а также фонетических средств художественной изобразительности. Привлекаются записи выступлений московских и ленинградских писателей, артистов, ученых, студентов.

10. На занятиях по орфоэпии демонстрируются и записи с отклонениями от литературной произносительной нормы: отклонения в речи школьников под влиянием местного диалекта, неподготовленное «орфографическое» чтение ученика первого класса, неряшливое произношение школьника седьмого класса, иноязычный акцент, неверные произносительные привычки в речи взрослых, неустановившаяся еще артикуляция дошкольника и т. д.

Наблюдения такого рода доказывают будущему учителю практическую необходимость хорошей фонетической школы.

11. Существуют и многие другие возможности применения магнитофонных записей на практических занятиях: проверка орфоэпии ударения, определение семантических типов интонации, упражнения на логическое ударение и синтагматическое членение и т. п.

12. Применение магнитофонных записей на практических занятиях должно быть подчинено основным задачам курса. Оно должно не подменять, не заслонять других оправдавших себя приемов, а лишь дополнять их. Упражнения с магнитной лентой не следует давать на каждом занятии: они несколько замедляют его темп, нарушают стройность занятия семинарского типа.

13. Слуховой анализ звучащего текста представляется целесообразным сделать одним из основных элементов зачета по фонетике и орфоэпии современного русского языка.

МАГНИТОФИЛЬМЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КУРСЕ «РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ»

1. Изучение русской диалектологии ведется на I курсе факультета русского языка и литературы и предполагает 18 часов лекций и столько же практических занятий, заканчивающихся зачетом.

Целью указанного курса является общее знакомство с особенностями живых народных говоров русского языка. С одной стороны, особенности русских диалектов рассматриваются как одна из причин отклонений от норм общерусского литературного языка, с другой — как источник сохранения фактов более раннего этапа развития языка — эпохи общевосточнославянской общности, то есть древнерусского языка. В этом отношении диалектологию можно рассматривать как дисциплину вспомогательную для курса исторической грамматики русского языка. С какой бы стороны ни рассматривался курс диалектологии, он обязательно предполагает знакомство с **живыми народными говорами**.

2. До настоящего времени изучение диалектологии велось с помощью записанных в полевой транскрипции образцов диалектных текстов, представленных в разного типа хрестоматиях. Студенты получали возможность знакомиться с диалектом зрительно, читая напечатанные тексты, или на слух, но в «исполнении» преподавателя, что конечно, не обеспечивало подлинного познания диалекта, а будущему учителю, словеснику необходимо уметь разбираться в диалектных особенностях говора своих будущих учеников.

Сейчас у нас имеется большая фонотека магнитофонных записей с образцами живой разговорной речи носителей говоров разных групп: северных, южных и среднерусских.

3. Магнитофильмы с записями диалектной речи используются: 1) На лекциях:

а) для иллюстрации общих особенностей говоров разных групп (окающие севернорусские, акающие — якающие, с γ — южнорусские; акающие, но с Γ — среднерусские). Кроме того, отлично иллюстрируются особенности дифференциальной лексики разных говоров;

в) для прослушивания небольших отрывков записей с **выделенными** отдельными характерными диалектными чертами (например, произношение старого этимологического «ять» как и; неполное оканье, диссимилятивное аканье и др.).

2) На практических занятиях магнитофильмы могут демонстрироваться:

а) для тренировки в распознавании определенных диалектных явлений (полное и неполное оканье, реализация старого этимологич. «ять» как и, ие, е; ёканье; типы яканья — в сравнении);

б) для контроля усвоения материала;

в) для упражнения в транскрибировании диалектного текста.

4. Зачет по курсу диалектологии целесообразно проводить слуховой, с анализом каждым студентом отдельного магнитофильма, насыщенного разнообразными диалектными особенностями.

В. И. ТРОИЦКИЙ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕТОДИКИ СПЕЦСЕМИНАРА, ПОСВЯЩЕННОГО ЯЗЫКУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Одной из задач, которая ставится перед специальным семинаром по русскому языку, является, как известно, привитие студентам навыков научно-исследовательской работы. Эта задача решается путем обучения студентов библиографированию, конспектированию научной литературы, составлению обзорных докладов и в особенности — проведению самостоятельных исследований в области той или иной лингвистической проблемы.

2. На спецсеминаре, посвященном языку художественного произведения, студенты работают над отдельными литературными произведениями, которые проходятся в средней школе. Участник спецсеминара изучает научную литературу по языку избранного им произведения, сам в какой-то мере исследует язык этого произведения и результаты своей работы докладывает на одном из занятий семинара.

3. Для будущей работы в школе очень важным является научить студента приемам лингвистического анализа небольшого отрывка художественного произведения. Наблюдения над особенностями языка литературного произведения в старших классах средней школы обычно ведутся над всем текстом данного произведения, что вполне естественно, так как яркие черты, характеризующие стилистическую манеру того или другого писателя, рассеяны, как правило, в произведении, а не сосредоточиваются в какой-либо его части. Реже прибегает учитель к более или менее законченному стилистическому разбору небольших кусков текста. Между тем, подобный разбор ограни-

ченной части произведения не менее интересен и важен; он не только дополняет представления учащихся об общих стилистических особенностях произведения, но и приучает их к стилистической оценке каждого языкового факта, не бросающегося в глаза с первого взгляда.

Цель лингвистического анализа небольшого куска текста, как и анализа всего произведения, заключается в том, чтобы выяснить, что берет писатель из общенародного языка и что достигается использованием отобранных языковых средств. Эта задача осуществляется путем выделения типичных для данного отрывка групп лексики и грамматических форм и в определении их стилистических функций. В словах, которые выбрал автор, в употребленных им грамматических, а иногда и фонетических средствах необходимо уловить явления, повторяющиеся в анализируемой части текста, образующие известную закономерность, и установить, какая художественная задача решается их применением.

4. Стилистические наблюдения над описанием горного пейзажа в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» мы приведем в качестве примера такого анализа отрывка художественного текста.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРА

1.	Акимова Г. Н.	107
2.	Баринаева Е. А.	129
3.	Бондарко А. В.	17
4.	Буланин Л. Л.	20
5.	Валькова Д. П.	82
6.	Воинова Е. И.	25
7.	Гамбург Н. И.	149
8.	Гурмузова Р. А.	104
9.	Гутенев В. Ф.	131
10.	Данилов А. А.	119
11.	Демидова Г. И.	124
12.	Житенева Л. И.	11
13.	Жуков В. П.	69
14.	Жуковская О. А.	147
15.	Зеленов А. Н.	19
16.	Зондель М. А.	84
17.	Иванова В. Ф.	35
18.	Иванова Т. А.	29
19.	Ильенко С. Г.	46
20.	Иоффе С. Х.	77
21.	Калмыкова Г. М.	113
22.	Капорулина Л. В.	101
23.	Кашко Ф. П.	140
24.	Киселева Л. А.	66
25.	Ковалевская Е. Г.	96
26.	Комаева Р. З.	91
27.	Кодухов В. И.	48
28.	Кочинева О. К.	22
29.	Коротаева Э. И.	63
30.	Крестинская Т. П.	87
31.	Кузнецова Г. М.	154
32.	Кукушкина К. П.	60

33. Куликова И. С.	38
34. Лавринайтис Е. И.	133
35. Лебедев В. И.	138
36. Лесник М. Д.	37
37. Лихачева О. П.	98
38. Лукашевич Н. М.	152
39. Лукьянчикова В. Н.	144
40. Максимова М. К.	90
41. Маловицкий Л.	31
42. Меркурьев И. С.	127
43. Мещерский Н. А.	15
44. Мирецкий А. Л.	126
45. Мишурова Г. И.	75
46. Моисеев А. И.	33
47. Молоткова Г. Н.	106
48. Мыльцева Л. А.	58
49. Павлов Б. Н.	110
50. Паникаровская Т. Г.	122
51. Попов Р. Н.	78
52. Попова Т. Г.	141
53. Родионова А. М.	157
54. Руднев А. Г.	13
55. Сахаров И. Я.	108
56. Семенова К. И.	148
57. Сидоренко М. И.	71
58. Соколова М. А.	44
59. Солоницын Ю. В.	83
60. Строгова В. П.	115
61. Ступин Л. П.	64
62. Суровцев А. Н.	27
63. Троицкий В. И.	158
64. Туркина Р. В.	73
65. Фридлиндер А. Н.	56
66. Холодов Н. Н.	54
67. Чайкина Ю. И.	117
68. Черкасова А. Г.	100
69. Чернов В. И.	23
70. Шабанова В. И.	145
71. Шапиро Ф. С.	88
72. Шитов В. А.	52
73. Шрамм А. Н.	81
74. Шусторович Э. М.	94
75. Щепина К. П.	136
76. Щурова Т. В.	41
	161

М-57263 31/XII-65 г. 10¹/₄ п. л. Зак. 965 Тираж 500 Цена 70 коп.

Типография № 3 УПЛ ф/4, Ленинград, ул. Егорова, д. 5/7

Д Л Я З А М Е Т О К

Д Л Я З А М Е Т О К

Цена 70 коп.